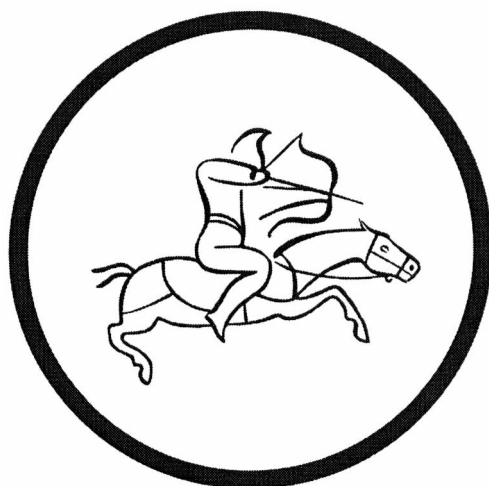

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Научно-исследовательский институт им. Х.Файсханова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
Выпуск 6

Д.Г. Мухаметшин

**ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВАРИАНТЫ**

Казань 2008

ББК
М

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 6

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук **А.Г. Ситдиков**
кандидат исторических наук **А.А. Чижевский**

Научный редактор выпуска:
доктор исторических наук **Р.Г. Фахрутдинов**

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемьева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Рашиев Рашио* (Шумен, Болгария), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск)

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна (Казань) – ответственный секретарь

Мухаметшин Д.Г.

Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». – Выпуск 6. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 132 с. илл.

Монография посвящена исследованию своеобразных источников по истории татарского народа – арабграфическим эпиграфическим памятникам. В ней мемориальная эпиграфика рассматривается как составная часть большого историко-культурного и духовного наследия татарского народа. Исследование охватывает широкие хронологические рамки второй половины XIII – первой трети XX вв. Автор, классифицируя эпиграфические памятники, выявляет среди них признаки характерные для отдельных территорий и на этой основе выделяет их региональные варианты. Эпиграфические материалы показывают, что эти особенности носят этнокультурный характер.

Книга рассчитана на историков-краеведов, музейных работников, специалистов по охране культурного наследия и всех тех, кто интересуется историей Татарстана и татарского народа.

ISBN

© Мухаметшин Д.Г., 2008
© Институт истории АН РТ, 2008
© НИИ им. Х.Фаисханова, 2008

ВВЕДЕНИЕ

В серии памятников Волжской Булгарии XIII–XIV вв., Казанского ханства XV–XVI вв. и татарских памятников XVI – первой четверти XX вв. особое место занимают надгробные памятники, имеющие надписи и своеобразный орнамент и известные в науке под названием болгаро-татарских эпиграфических памятников. Они представляют собой уникальные источники по истории болгарского и татарского народов. Эпиграфические памятники воплотили в себе ряд преимуществ письменных и вещественных источников. Как вещественные (археологические) они оригинальны и не имеют в себе позднейших наслоений, как письменные дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера, что в археологических памятниках отражается весьма слабо. Исследование эпиграфических памятников, в основном, проводилось с позиции языка. Нужно отметить работы Х.Фаизханова (1869), Н.И.Ашмарина (1902), И.А.Андреева (1956), М.З.Закиева (1978), И.Беньцинга (1959), А.Ронаташа, И.Фодора (1973), Ф.С.Хакимзянова (1987, 1978), М.И.Ахмезянова (1983, 1998) и др., посвященных языку болгаро-татарских эпитафий. Если во второй половине XIV в. устанавливается единый язык эпитафий – татарский с включением некоторых канонических компонентов на арабском языке, то язык эпитафий II группы XIII – I пол. XIV вв. до сегодняшнего дня остается предметом острых дискуссий. Отдельные исследователи считают язык эпитафий специальным языком, употребляющимся для ритуальных целей (Г.В.Юсупов), не исключается возможность его употребления ранее и в коммуникационных целях (Ф.С.Хакимзянов). Часть лингвистов считают язык болгарских эпитафий живым разговорным языком, и связывают язык эпитафий с определенным их носителем – чувшами (Н.И.Ашмарин, И.А.Андреев). А.Г.Мухамадиев полагает, что в языке болгарских эпитафий отражается хазарский язык.

Имеются отдельные исследования, где эпиграфические памятники XIII–XVIII вв. привлекались как материалы по исследованию орнамента и искусства болгарского и татарского народов. (Корнилов, 1929, Дульский, 1929, Валева, 1969, 1970, 1975, 1984, Червонная, 1991, 2000).

В работах известного эпиграфиста Г.В.Юсупова и археолога Н.Ф.Калинина исследование

эпиграфических памятников увязывалось с проблемой происхождения татарского народа.

Была высказана мысль о принадлежности болгарских памятников «месельманам» т.е. чувшам, принявшим ислам (М.З.Закиев, Кузьмин-Юманади).

В данной работе эпиграфические памятники исследуются как историко-культурный источник. В таком плане они изучаются впервые.

Актуальность темы определяется тем, что эпиграфические памятники связаны с конкретным историческим населенным пунктом и являются составной частью историко-культурного комплекса. В этом плане интересные результаты может дать комплексное изучение болгарских памятников в связи с археологическими памятниками-городищами и селищами, а также административными единицами и крупными населенными пунктами в более поздний период. Концентрация эпиграфических памятников явно указывает на значимость данного населенного пункта. К сожалению, при изучении эпиграфических памятников это не учитывалось.

Имеется ряд нерешенных проблем, связанных с региональными особенностями эпитафий, которые в значительной степени нарушают стройную классификацию болгарских эпитафий, разработанную Н.Ф.Калининым и Г.В.Юсуповым. Типологические разнообразия памятников более позднего времени в различных регионах также требуют своего объяснения.

На эпиграфических памятниках XIII – первой трети XX вв. фиксируется ряд терминов исторического и социального характера. Они являются дополнительным, хорошо датированным источником по истории Татарстана. К сожалению, надгробные памятники интенсивно разрушаются, перемещаются со своего местонахождения, используются в хозяйственных целях, а памятники, находящиеся вне музеев и вне территории современных кладбищ, находятся на грани исчезновения.

Объектом исследования являются татарские надгробные памятники второй половины XIII – первой трети XX вв. Они расположены на многочисленных древних и современных кладбищах на территории Татарстана, соседних республик и областей. Значительная коллекция эпитафий хранится в фондах Болгарского, Билярского, Иски-Казанского музеев-заповедников, в Наци-

ональном музее РТ, в Музее изобразительных искусств РТ, Чистопольском, Тетюшском музеях РТ, в ГИМе (Москва), в Ульяновском областном краеведческом музее и Национальном музее Чувашской республики. В работе были использованы полевые дневники и другие архивные материалы эпитафиста Г.В.Юсупова, хранящиеся в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ.

Классификация эпитафических памятников проводилась по формальным признакам (типологическая классификация), по территориям (региональная классификация). Она имеет целью углубленное изучение исторических источников, а также служит как одна из предпосылок многоаспектной классификации эпитафий. При изучении материалов применялись сравнительно-типологический метод, статистический метод и др.

Наша методика классификации памятников дает возможность достаточно точно датировать дефектные памятники с несохранившимися и отсутствующими датами.

Автором впервые предпринята попытка новой классификации болгаро-татарских эпитафических памятников XIII – первой трети XX вв. на территориально-хронологической основе. В научный оборот вводятся объемные, надежно датированные исторические источники, причем значительная часть их составляет непосредственное исследование автора. Эпитафические памятники предстают как составная часть огромного историко-культурного и духовного наследия татарского народа.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов работы для написания обобщающих работ по истории татарского народа, истории Татарстана и учебных пособий краеведческого характера. Часть памятников может быть использована в экспозициях музеев, выставках для популяризации историко-краеведческих знаний.

Научная апробация отдельных положений работы была изложена в двух монографиях (1987, 2000), более чем в 20 публикациях, на международных, Всероссийских, региональных конференциях. По проекту автора в Северном мавзолее Болгарского городища создана экспозиция «Эпитафические памятники Болгара».

В ходе работы над книгой автор совершил ряд экспедиций по болгаро-татарским кладбищам, где были исследованы известные и открыты новые эпитафические памятники, обработана коллекция более 170 эпитафий Болгарского городища, большая часть которых выявлена или собрана автором. Были осмотрены и изучены также памятники, хранящиеся в Национальном музее РТ, в Музее изобразительного искусства РТ, Чистопольском, Тетюшском музеях. В общей сложности изучено и классифицировано около 900 эпитафических памятников XIII – первой трети XX вв. Эта цифра не является окончательной. Во-первых, в подсчет вошла только обнаруженная небольшая часть памятников, зафиксированных при Петре I в Болгарах. Во-вторых, в Болгарах и других местах ежегодно выявляются все новые и новые памятники. В-третьих, прежними исследователями, в частности, языковедами, учитывались только те памятники, на которых сохранились тексты. В-четвертых, в фондах Национального музея РТ и в архиве ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ имеются сами памятники или их фотографии и эстампажи, место происхождения которых установить не удалось. Поэтому количество памятников фактически значительно больше. В связи с неизученностью эпитафий конца XVIII – начала XX вв. в эту категорию вошли только в той или иной мере опубликованные или изученные самим автором на месте нахождения памятников.

Автор в своей работе попытался максимально полно выявить сохранившиеся болгаро-татарские эпитафические памятники XIII – первой трети XX вв.

– классифицировать их по хронологическому, региональному, типологическому, текстологическому принципам и на этой основе выявить локальные варианты эпитафий.

– установить связи локальных вариантов эпитафий с конкретными княжествами или другими административными единицами Волжской Булгарии, Казанского ханства и более позднего времени.

– выявить закономерности распространения болгаро-татарских эпитафических памятников второй половины XIII – первой четверти XX веков и на этой основе показать расселение болгарского, татарского народов.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ИСТОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

История исследования болгаро-татарских эпиграфических памятников имеет более 250-летнюю историю. Более или менее подробно этот вопрос освещен в работах С.М. Шпилевского (Шпилевский, 1877), Н.И. Ашмарина (Ашмарин, 1902), С.И.Порфирьева (Порфирьев, 1922), Г.В.Юсупова (Юсупов, 1960), А.Рона-Таша и И.Фодора (Рона-Таш, Фодор, 1973), Р.Г.Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975), Ф.С.Хакимзянова (Хакимзянов, 1976) и других исследователей. В своем кратком историографическом обзоре хотелось бы показать, как накапливались источники и разрабатывались отдельные вопросы избранной темы.

На болгарские эпитафии как на исторические памятники впервые обратил внимание Петр I. Во время посещения Болгарского городища в мае 1722 года по его приказу были описаны и переведены на русский язык 47 мусульманских и 3 армянских эпитафий. Мусульманские эпитафии были переведены ахуном Кадыр-Мухаммадом Сунчелеевым и переводчиком Юсуфом Ижбулатовым при активном участии Д. Кантимира. Позднее с этого списка была снята копия, вероятно, для подполковника Савенкова и геодезиста И.Крапивина, которая поступила в архив Министерства внутренних дел (ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, ед.хр.4/4).

Подлинники, хранившиеся в Казани, погибли во время пожара в 1815г., сохранившиеся копии легли в основу позднейших публикаций. Русский перевод этих памятников (46 из 47) впервые был опубликован И.Лепехиным (Лепехин, 1771). В 1831 году все 47 надписей были опубликованы известным немецким ориенталистом Г.Ю. Клапротом (Клапрот, 1831). По сравнению с И.Лепехиным у Г.Ю.Клапрота встречается 2 новые надписи – №19, №28. Он отмечает, что копии, представленные ему, сделаны кем-то совершенно не знающим языка и письма надписей; армянские надписи представлялись неразборчивыми. У Г.Ю. Клапрота надписи расположены в хронологическом порядке. Часто встречаю-

щиеся в надписях выражения «тарих джиати джур» он переводит как 623 год. Он заявляет, что «надписи не представляют никакой даты (обозначение года), кроме хронограммы на арабском языке», числовое значение которого 623г. хиджры, или 1226 год христианского летоисчисления (Шпилевский, 1877, с.242).

Надо сказать, что переписчиками надписей еще в 1722 году данное выражение было переведено так же. Видимо, предполагая, что после слова «тарих» логически напрашивается дата, они просто сложили числовые значения последующих двух слов. Эта же дата стоит у И.Лепехина. После Г.Ю. Клапрота она была принята П.Эрдманом и И. Березиным.

В 1832 году казанский ученый-востоковед П.Ф. Эрдман на основании текста, напечатанного Г.Ю. Клапротом, представил новый перевод эпитафий на русском языке, заявляя, «что он позволил некоторые поправки, к коим мог бы еще присовокупить и другие, если бы подлинники находились в его руках» (Эрдман, 1832, №21). Через 19 лет И.Березин вновь перевел на русский язык эти надписи. Основой служил текст Ю.Клапрота. Сравнивая переводы Г.Ю. Клапрота и И.Лепехина, И.Березин говорит, что «переводы надписей сделаны мною буквально, некоторые надписи переведены у И.Лепехина верно, но в других переводчик отступил от тюркской конструкции, которая здесь в первобытной простоте и безыскусственности» (Березин, 1852, с.145). Большинство памятников, зафиксированные при Петре I и явившиеся объектом изучения Г.Ю. Клапрота, И.Березина и др., не сохранились до наших дней. Часть из них была использована в хозяйственных целях во время строительства церкви Успения в Болгарах в 30-х годах XVIII века и колокольни церкви Успения в середине XIX века, многие утеряны.

В 70-х годах XVIII столетия академическими экспедициями под руководством Н.П.Рычкова, П.С.Палласа и И.Георги был исследован ряд древних кладбищ с надгробными памят-

никами. В 1769 году Н.П.Рычков побывал в Билярске, описал кладбище на горе Балыгуз. Он пишет: «Противу самих развалин сего города, от Билярска верстах в трех к северной стороне, на высокой горе есть еще другие остатки каменных зданий, сделанные наподобие палат. Вокруг видимых ныне развалин находится множество стоящих и в землю утвержденных камней, которых вышина составляет 2 аршина с половиной; и прочие части камней соответствуют сей стоящей громаде. Все они исписаны арабскими и татарскими словами» (Рычков, 1770, с.15). Н.П.Рычков описал некоторые сохранившиеся надписи, на двух из них мулла деревни Чертыж прочитал даты 1167 и 1434 гг. Если чтение муллы правильное, то первое является самой ранней болгарской эпиграфической надписью.

В этом же году Н.П.Рычков посетил Иске-Казань, где еще в XVIII в. сохранились обширные кладбища с намогильными памятниками. «Вокруг старой Казани находятся старые татарские кладбища, которые являются камни, утвержденные и исписанные арабскими и татарскими словами» (Рычков, 1770, с.21).

Через десять лет кладбище Иске-Казани описал И.Георги. Им указано четыре кладбища, лежащих вокруг Казани, на обеих сторонах Казанки. И.Георги пишет, что при многих татарских деревнях, по обеим сторонам р. Казанки, лежали отдельно или по многу древние могильные камни с арабскими и татарскими надписями. Он давал более видные читать деревенским муллам, которые могли с трудом правильно перевести имя умерших и год смерти. Кроме того, он указывает на намогильный камень из села Чишма Республики Башкортстан, находившийся в мавзолее Хусейн-Бека (Шпилевский, 1877).

В 1768 году Болгарское городище посетил П.С.Паллас. Им были подробно описаны каменные постройки Булгара и его намогильные памятники. Хотя и не было открыто новых памятников, но экспедиция дала интересные результаты. Известные намогильные памятники были топографически связаны с определенной территорией города, с древними кладбищами или отдельными сохранившимися зданиями-мавзолеями.

П.С.Палласом были описаны Ханское кладбище и мавзолей Шах-Алия в Касимове с их намогильными памятниками (Паллас, 1773, с.185).

В 1817 году К.Фуксом была опубликована эпитафия периода Казанского ханства, обнаруженная при закладке фундамента здания Гостиного двора в 1800 году (Фукс, 1817, с.42-43). Им также указано наличие намогильных памятников в верховьях Казанки (Фукс, 1817, с.42-43).

В 1833 году в журнале «Заволжский муравей» появилась статья неизвестного автора о намогильных камнях из села Татарский Калмаюр.

После падения Большого минарета Соборной мечети в Болгарах в 1841 году колокольня церкви Успения дала трещину. Поэтому она была разобрана до основания и сложена заново. Во время строительства новой колокольни в качестве фундамента были использованы эпитафии, уже осмотренные и эстампированные И.Березиным в 1846 г. Таким образом, например, попала под колокольню эпитафия «золотых дел мастера Шахидуллы» и др.

В том же году М.Рыбушкин опубликовал статью «Поездка в Старую Казань», где приводятся выдержки из работы профессора И.Ф. Яковкина о построении Старой Казани: «Развалины ее и по сие время еще видны: рвы, находящиеся внутри и вне города, известка, разрушившиеся здания и их глубокие ямы, могилы, надгробные камни и изображения на них летоисчисления находятся во множестве» (Бороздин, 1929, с.193).

Во второй половине XIX века география находок эпиграфических памятников значительно расширяется. В 1851 году вышла статья Н.И. Ильминского «Татарские надписи из времен Казанского царства в Лаишевском уезде» (Ильминский, 1851).

Автор указывает на наличие 4 камней у села Малые Меретьки, 1 – у села Тямти, нескольких – у села Нырсы, 2 – у села Кибя-Кози и 2 – у села Казаклар, но только 3 из них (2 периода Казанского ханства и 1 – начала XVIII века) были переведены на русский язык. Им же было отмечено наличие одного камня периода Казанского ханства в селе Урюм Церевококшайского уезда.

В том же году известный востоковед И.Н. Березин опубликовал тексты и русский перевод эпитафий, снятых при Петре I (Березин, 1851). В тексте и в переводе он сделал некоторые поправки, однако, они существенно не отличаются от предыдущих переводов. Кроме надписей, снятых при Петре I, он приводит ряд надписей, обнаруженных им во время посещения Болгарского городища в 1846 году. Им было осмотрено на месте 36 надписей, из которых только 10 находились в списках Петра I. И.Н.Березиным были сняты эстампажи эпиграфических памятников. Были ли сняты эстампажи со всех памятников или только частично, нам неизвестно. Кроме того, им было опубликовано 6 памятников, зафиксированных Н.А.Толмачевым в Болгарах, и еще один памятник из села Кызыл Кипчак Мензелинского уезда. На основании изучения эпитафий И.Березин пытается делать целый

ряд выводов, касающихся истории города Болгара и Волжской Булгарии.

Первому Археологическому съезду П.Васильев сообщил о камне из «Архиерейской дачи» близ Казани (Труды I Археологического съезда, с. XXV). Адъюнкт Казанского университета М.Т. Навроцкий представил в Археологическое Общество снимки и объяснение двух эпитафий из «Архиерейской дачи» (Известия Археологического общества, с. 116) интересных как в палеографическом, так и в лингвистическом отношениях. К сожалению, они остались неизданными. В протоколах Археологического общества упоминается, что по просьбе академика Х.М. Френа Н.А. Толмачев представил в Восточное отделение общества снимки, выполненные типографским способом, девяти арабских и двух армянских надписей из Болгар, шесть из которых опубликованы И.Березиным.

В «Казанских губернских ведомостях» за №35 1862 года было опубликовано сообщение С.Мельникова о надмогильных камнях из Жукотина, Змиева, Ядигер и Янчурина.

О надмогильных памятниках близ д. Читы и Карадуван сообщают Г.Ф.Юшков (Шпилевский, 1877, с. 484) и Стоянов (там же, с. 398).

В середине 60-х годов В.Магницкий посетил Чебоксарский уезд. Итогом поездки является статья, посвященная археологическим памятникам уезда, где большое место уделено старым кладбищам, некоторые из них (Атлашева, Яльчики, Карачева, Чешлам, Кугушева, Идельмеси, Ямская) имели надмогильные памятники (Шпилевский, 1877, с. 510-513). Памятник из села Атлашево был сфотографирован. Им же было отмечено наличие надмогильного камня в селе Ямбухтино Спасского уезда.

В 1877 году в Казани состоялся IV Археологический съезд, который дал огромный толчок изучению древней и средневековой истории края, в том числе и болгарских эпитафий. На съезде было заслушано сообщение Е.Т.Соловьева о 15 надмогильных камнях из села Русские Кирмени (Соловьев, 1877, с. XI). К докладу были приложены снимки камней. Не зная языка, он не коснулся языковой стороны, но обратил внимание на форму и орнаментацию памятников. Н.И. Ильминский, комментируя сообщение Е.Т.Соловьева, на основании выражения «джиати джюр» датирует их болгарским периодом и замечает, что «надписи такого типа он видел в 1848 году близ села Карабаян Лаишевского уезда» (Ильминский, 1877, с. XIV).

В материалах съезда упоминается надпись из села Архангельское Симбирской губернии (Труды IV Археологического съезда, 1877, с. XIII).

IV Археологическому съезду была посвящена работа С.М.Шпилевского «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии». Им были собраны все имеющиеся археологические сведения о болгаро-казанском времени в Казанском крае, в том числе и сведения об эпитафических памятниках. С.М.Шпилевский зарегистрировал более 100 (включая и памятники из Болгар) эпитафий из 44 пунктов Казанской губернии. 18 эпитафий им были переведены на русский язык. Книга С.М.Шпилевского представляет собой итог более чем столетней работы по сбору и выявлению эпитафических памятников. Наиболее изученным регионом оказались ближайшие к Казани районы Предволжья и Заказанья, но наименее – Закамье, самая густонаселенная в прошлом область Волжской Булгарии.

На вторую половину XIX века приходится научная деятельность крупных татарских ученых и просветителей Х.Фаизханова, Ш.Марджани, К.Насырова и Г.Ахмарова, которые уделяли большое внимание выявлению и изучению эпитафических памятников. По поручению Археологического общества Х.Фаизханов летом 1860 года исследовал эпитафические памятники города Касимова Рязаньской области. На Старопосадском кладбище Касимова и в гробнице Шах-Алия им было исследовано более 40 памятников XVI – начала XVII вв. С памятников были сняты точные копии, а некоторые эстампированы. Материалы исследования были опубликованы В.В.Вельяминовым-Зерновым в его работе «Исследование о касимовских царях и царевичах». В 1863 году он сам посетил город Касимов и уточнил перевод некоторых надписей. Касимовские надписи в дальнейшем были исследованы и опубликованы Д.Ф.Кобеко, (Кобеко, 1892, его же, 1894). В.В.Вельяминов-Зернов в указанной работе поместил русский перевод шести надписей XVI–XVII веков из села Уджум Царевококшайского уезда Казанской губернии, сделанные, по мнению Ш.Марджани, Х.Фаизхановым.

Летом 1862 года Х.Фаизхановым было исследовано 3 памятника, один из села Большие Тарханы, другой из села Урюм, третий из Мантова в 10 км от Больших Тархан (Фаизханов, 1863). Х.Фаизханов впервые дал краткое, но емкое описание памятников, включающей размеры (ширина, высота, толщина), каллиграфию, орнамента верхней части, оформление бордюра и сохранность. Особое внимание он уделял языку памятников, объяснению непонятных болгарских слов и дат. Толкование терминов «йувари» – как военный муж, «суйарлы» – как сурюгал впоследствии было принято всеми уче-

ными. Но главная заслуга Х.Фаизханова состоит в расшифровке слов «джиати джюр», выражающих дату и часто встречающихся в болгарских эпитафиях, отождествляя это с татарским выражением «жити юз» (семьсот). Открытие Х.Фаизханова получило односторонний отклик у Н.И.Ильминского. Он, по словам Н.И.Ильминского, сделал интересное «открытие следов чувашского языка в древних могометанских кладбищах» (Ильминский, 1865, с.84).

К 60-ым годам XIX в. относится и начало деятельности по изучению эпиграфических памятников крупным татарским ученым и религиозным деятелем Ш.Марджани. В частности, им был переведен камень XVI века из Гостиного двора Казани и трудночитаемая надпись с Архиерейской дачи, датированная, по палеографическим данным, концом XIII века.

В 1872-73 годы Ш.Марджани исследовал памятники из села Раджаб Спасского уезда и сделал ряд критических замечаний палеографического характера. В Предволжье он указывает на наличие памятников в двух местах – в селе Байтирякова (2 памятника) и в селе Большие Атрясы. В Больших Атрясах он отмечает 25 эпиграфических памятников. Интересно высказывание Ш.Марджани о том, что при строительстве церкви в соседнем селе Ямбухтино были использованы намогильные камни из села Б.Атрясы. В связи с этим можно сказать, что одна из самых ранних эпитафий, обнаруженная позднее Г.Ахмаровым на пороге этой церкви, происходит из Б.Атрясинского кладбища. Ш.Марджани приводит переводы двух надписей из села Ташбильге Спасского уезда, двух надписей из села Тат. Ходяшево Лаишевского уезда, двух надписей из Иски-Казани, одной надписи из села Оры близ Казани (Марджани, 1897). Он отмечает также на наличие камней в с. Иябаш Казанского уезда. Касаясь палеографических особенностей памятников, Ш.Марджани считал, что памятники с рельефным шрифтом «насах» появились несколько позднее, а памятники с почерком «куфи» относятся к более раннему периоду.

В 1873 году известный татарский ученый-просветитель К.Насыри исследовал древние кладбища Предволжья. На кладбищах девяти населенных пунктов им было выявлено 15 надгробий периода Казанского ханства, в том числе очень редкие памятники середины XV века на кладбище с. Тат. Азелей (Насыри, 1975).

В конце XIX века эпиграфические памятники этих же районов были исследованы Г.Ахмаровым. Во время экспедиционной поездки в 1894 и 1895 годах в Тетюшский и Спасский уезды им были обнаружены 15 древних надгробий в вось-

ми населенных пунктах. Благодаря Г.Ахмарову мы имеем представление о памятниках из Ямбухтино, Каратун, Матвеевки и др. населенных пунктов, которые в дальнейшем были утеряны. Материалы экспедиции нашли отражение в его работе «История Булгарии» (Ахмаров, 1908).

В те же годы археологические разведки, проведенные П.Вознесенским и В.А.Казариновым, выявили эпиграфические памятники в ряде мест Чистопольского уезда. П.Вознесенский описывает 2 камня с кладбища Джукетау, 1 из Кубасы (Вознесенский, 1894, с.75-78). Снимки для чтения одного из камней были переданы через И.А.Износкова И.Ф.Готвальду. И.Ф.Готвальдом были переведены тексты трех памятников из села Ильдерякова, обнаруженные В.А.Казариновым.

В протоколах Общества Археологии, Истории и Этнографии за 1899 год был помещен доклад В.Л.Борисова о могильном камне 1563 года из села Кузембетова Казанского уезда (Борисов, 1899 с.473).

Важной вехой в исследовании языка болгарских памятников является работа Н.И.Ашмарина «Булгары и чувашаи». В своей работе он использует значительный источниковедческий материал: 93 надписи из разных мест Казанской губернии. Многие из них были известны из работ И.Березина и Х.Фаизханова, но значительное число эпитафий, собранных Н.А.Толмачевым, Г.Ахмаровым и 1 памятник из Байглычева, публикуются впервые.

В конце XIX – начале XX вв. появляется ряд новых материалов об археологических, в том числе, и эпиграфических памятниках Казанской губернии. Среди них работы И.А.Износкова (Износков, 1884), В.Карасева, Г.Филиппова и другие, где имеются сведения об эпитафиях у села Старое Ибрайкино, Старое Тябердино и Дигитли.

И.А.Износковым (Износков, 1893), Н.И.Ашмаринным (Ашмарин, 1905, с.92-112) и Н.Ф.Катановым (Катанов, 1905) были также опубликованы несколько камней из Болгар.

В 1910 году в Оренбурге в журнале «Шура» было опубликовано сообщение о намогильных памятниках села Нохрат Вятской губернии. Через год там же появилось сообщение Г.Чечекова о памятнике из Гурья-Кала (Али-Рахим, 1930). Переводы этих памятников, по словам Али-Рахима, фантастически искажены.

К этому времени относится и начало деятельности С.Е.Малова по сбору материалов болгаро-татарской эпиграфики.

После Октябрьской социалистической революции продолжается интенсивный сбор материала. В 1918–1922 годах С.Малову были пред-

ставлены снимки памятников из села Демкино и Сауруши, которые наряду с ранее собранными материалами легли в основу его позднейших публикаций (Малов, 1947, 1948). В 1920 году Н.А.Ашмарин исследовал памятники с. Тукмакла (Новое Ильдеряково). Он дал подробное описание 4 надгробий и неполный перевод их надписей на русский язык (Ашмарин, 1928). В 1923 году экспедиция в составе Н.И.Воробьева, П.М.Дульского, Г.С.Губайдуллина обследовала кладбища сел Большие и Старые Менгери, Большая Агня, Чепчуги, где были обнаружены и сфотографированы 4 памятника.

Значительно оживилось и приняло более разносторонний характер изучение болгаро-татарских эпиграфических памятников в 1920–1930 гг. в рамках различных краеведческих обществ (Общество татароведения, Общество изучения Татарстана). В 1925 году экспедиция под руководством Н.И.Воробьева, М.С.Губайдуллиной, Г.С.Губайдуллина и С.Г.Вахидова исследовала Мамадышский кантон ТАССР. Ими было выявлено 3 намогильных камня в селе Сунерь (Измя); 2 – болгарского, 1 – периода Казанского ханства. В деревне Белый Ключ было сфотографировано 2 камня XVIII века. Н.И.Воробьевым было обследовано Кирменское кладбище с двадцатью камнями, из них 10 сфотографированы. Им же в д. Зюри отмечен еще 1 камень эпохи Казанского ханства (ВНОТ. № 4, 1926, с. 93-94). В том же году директор Чистопольского музея А.К.Булич обследовал Ст. Ромашкинское кладбище. Он отмечает, «что сохранилось 12 намогильных плит, еще недавно здесь было около 100 плит» (Булич, 1926, с.77). Во время работ этнографической экспедиции в Закамье летом 1926 года в селе Толкиш Чистопольского кантона им же был обнаружен, эстампирован и сфотографирован один камень «болгарского времени» (Булич, 1926 с.79).

В 1927 году было опубликовано сообщение Х.Сайфи о 4-х намогильных камнях с. Ошняк Мамадышского кантона (Сайфи, 1927, с. 111).

В 1926 году археологическая экспедиция под руководством П.П.Ефименко и В.Ф.Смолина обследовала восточные районы Чувашской АССР и в связи с этим проверила ряд старых кладбищ с надгробными камнями у сел Яльчики, Карачево, Кадергино, Чешлам, Кульгушево и Атлашево (Смолин, 1927). Два камня с кладбища Атлашево были сфотографированы и эстампированы.

С конца 20-х годов XX века начался новый этап в изучении эпиграфических памятников – комплексный. Начало ему было положено в программном характере статье П.Е.Корнилова (Корнилов, 1929). Он писал: «До сих пор это изу-

чение протекало исключительно по линии лингвистики. Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства: в форме самих памятников мы можем кое-что подчеркнуть для понимания архитектурных деталей прошлого. Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера» (там же, с.2). Им был разработан ряд конкретных мероприятий по сбору, изучению и хранению эпиграфических памятников. П.Е.Корнилов, отмечая абсолютную неизученность вопроса, орнаментацию болгарских памятников сводит к десяти схемам, объединенных одной общей позицией круга. По его мнению, «эта орнаментика не культурное достояние какой-либо исторической эпохи того или иного народа, а большое явление общечеловеческой культуры на заре пробуждения художественного оформления» (Корнилов, 1929(2), с.55).

Вопросу орнаментации памятников XVI–XVII вв. была посвящена статья П.Дульского (Дульский, 1929). На основании материала экспедиции 1928 года в Арский кантон он выделяет три вида широко распространенной орнаментации: 1-ый – виноградная лоза; 2-ой – пышный мотив переплетения растительных форм и 3-ий – мотив тюльпана. Первый вид украшает бордюр лицевой стороны и своими истоками восходит к памятникам Среднего Востока. Второй и третий мотивы, украшавшие как лицевую, так и оборотную сторону памятников, имеют место на изразцах Золотой Орды. Все эти мотивы встречаются в кустарно-художественных произведениях казанских татар вплоть до XIX века. «Опыт, предлагаемый нами по классификации и увязке старинного орнамента с современными узорами прикладного искусства, – писал П.Дульский, – является проблемой, разрешение и разработка которой должна быть выполнена в ближайшее же время» (там же, с.25).

В эти годы по выявлению и исследованию эпиграфических памятников плодотворно работал Али Рахим. В 1927–1928 гг. он участвовал в этнографических экспедициях по Закамью. В итоге им был осмотрен 61 намогильный памятник, из этого числа подавляющее большинство выявлено впервые. Ранее известные памятники, например, из Иске-Казани эстампированы и прочитаны заново (Али-Рахим, 1930). Выявленные источники были детально проанализированы А.Рахимом со стороны языка и титулатуры, орнамента и оформления, каллиграфии и стиля. На

основании этого было выработано понятие «стиль памятника». Но в отношении последнего он допустил ошибку, отмечая отсутствие преемственной связи между стилями памятников XIII–XIV и конца XV–XVII вв. Так, он писал, что «по всей вероятности техника обработки, каллиграфический и орнаментальный стиль надгробий был заимствован татарами извне, возможно из Дагестана, где встречаются аналогичные памятники; об этом говорят некоторые предания. Впрочем, это является гипотезой, которая подлежит тщательной проверке со стороны искусствоведов. Но факт тот, что этот стиль, установившийся с конца XV века и потом постепенно вырождавшийся, не имеет никакой преемственной связи со стилем XIV века» (там же, с.149).

В 1929 году Али Рахим совместно с Н.И. Воробьевым и Д.Д.Валиди изучал районы верховья реки Вятки. Им были исследованы ранее известные три памятника XVI века в селе Нохрат и один памятник XIV века в д. Гурья Кала. Памятники были опубликованы с большими уточнениями (Али-Рахим, 1929). Памятники Иске-Казани нашли отражение и в работах И.И.Бороздина (Бороздин, 1929, 1930).

К концу 20-х годов XX столетия относится начало деятельности по сбору эпиграфических материалов крупного казанского археолога Н.Ф.Калинина. Им было изучено татарское кладбище города Казани XVIII века, где было зарегистрировано до 35 надгробий (Калинин, 1928). Работа эта является весьма ценной ввиду того, что это кладбище к настоящему времени не сохранилось. В 1941–1942 гг. при ИЯЛИ КФАН СССР под председательством Н.Ф.Калинина при участии А.Б.Булатова, Л.З.Залялетдинова и С.Е.Малова работала комиссия по болгаро-татарской эпиграфике. Комиссия вела огромную работу как в стенах Государственного музея ТАССР, так и в экспедициях по районам Татарии, Чувашии и в Болгарах, где было обнаружено много еще неизвестных, неопубликованных памятников. В итоге были созданы три тома «Альбома болгаро-татарской эпиграфики», состоящие из фотографий 253 памятников с комментариями и научной транскрипцией (Альбом, БТЭ). Значительное число этих памятников – болгаро-татарские надгробные надписи.

В первые годы после Великой Отечественной войны интенсивнее проводились полевые исследования, предпринимаемые историко-эпиграфическими экспедициями ИЯЛИ под руководством Н.И.Воробьева и Н.Ф.Калинина, которые выявили редкую позднюю – болгарскую эпитафию из села Ямашурма Высокогорского района и своеобразные памятники XIV века из села Ст. Ашит и Ст. Кишит Арского района. Были об-

следованы также памятники Больше – Атрысинского кладбища, Салтуганова, ранее выявленные Ш.Марджани и Г.Ахмаровым. Материалы экспедиции были опубликованы Г.В.Юсуповым и Г.М.Хисамутдиновым (Юсупов, Хисамутдинов, 1951), А.Б.Булатовым (Булатов, 1963) и Н.Ф.Калининым (Калинин, 1948).

В 1946 году на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению татар, для решения этого вопроса впервые были использованы материалы болгаро-татарской эпиграфики (Калинин, 1948).

Еще шире работа в области болгаро-татарской эпиграфики получила отражение в конференции по древней и средневековой истории народов Поволжья в 1956 году в г. Казани. На сессии АН СССР и на конференции по древней и средневековой истории народов Поволжья с основным докладом по этому вопросу выступил Н.Ф.Калинин. Булгарские памятники он разделяет на 2 стиля. К первому стилю он отнес памятники, отличающиеся большой величиной, тщательной отделкой, богатым художественным оформлением, с применением рельефного шрифта «сульс». Текст памятников этого стиля довольно большой, достигающий 14–16 строк, язык арабский или тюркский, близкий современному татарскому языку с многочисленными арабскими фразами. Второй стиль отличается малыми размерами, с врезанным шрифтом «куфи», коротким текстом из 4–6 строк без эпитетов и родословий. По мнению Н.Ф.Калинина, памятники первого стиля встречаются на Болгарском городище и в некоторых крупных центрах Волжской Булгарии. Они относятся к «верхушке феодального общества, преимущественно даже столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII–XIV вв. может считаться тюрко – кипчакский язык с сильными элементами арабизма» (Калинин, 1948, с.104).

Среди остального населения болгарского государства был слой, стоящий ниже по социальной лестнице – купцы, ремесленники, менее знатные феодалы. Язык их был другой, менее затронутый влиянием литературы и арабской образованности. Памятниками письменности этого населения и являются широко распространенные в Татарии эпитафии второго стиля, с «чувашизмами и с упрощенной куфической традиционной графикой». Таким образом, в представленных здесь болгарских лингвистических памятниках мы можем различать, по крайней мере, два диалекта и установить генетическую связь болгар с казанскими татарами; что особенно ярко проявляется из сравнения памятни-

ков I стиля с казанскими памятниками того же характера, относящихся к XV–XVI вв. Эту преемственную линию можно провести и далее в XVII, XVIII вв. Н.Ф.Калинин пришел к важному выводу об одновременном существовании двух стилей, о преемственной связи памятников I стиля XIII–XIV вв. с памятниками более позднего времени. Первый и второй стили, по мнению Н.Ф.Калинина, составляют два диалекта одного болгарского языка и языковые особенности обоих стилей свойственны современному казанско-татарскому языку. Он выступил против отнесения памятников второго стиля к предкам чуваш. «Некоторые языковые сходства чувашского языка с текстами XIII–XIV вв. второго стиля не доказывает, – пишет он – прямую преемственность между ними. Особенно обращает на себя внимание отсутствие на территории Чувашской АССР эпиграфических памятников XIII–XIV вв. (за единичными исключениями). Поэтому в поддержку теории о происхождении чуваш от болгарского племени суваров приходится высказывать предположение о первоначальной жизни чуваш на юге, предполагать переселение чуваш с юга на север, тогда как для такого переселения нет никаких определенных исторических связей» (Калинин, 1956, с.28). На материалах эпиграфических памятников им был впервые поставлен вопрос о расселении болгарского народа, примерно, в трех районах:

1. Западное Закамье, где существовали княжества Булгарское, Жукотинское, Билярское.
2. Заказанье с княжествами Казанским, Кирменским.
3. Южное Предволжье с княжествами Тетюшским, Тарханским, Шунгатским, Тоябинским и др.

«Материалы XV–XVI столетий показывают переселение на север и на северо-запад в районы Закамья и Северного Предволжья. Нет памятников этого времени в Закамье и в Предволжье, южнее Кайбиц», – пишет Н.Ф.Калинин, – «следовательно, Казанское ханство простиралось на юг не далее Камы и широты Камского Устья» (Калинин, 1956, с.30). По нашему мнению, только на основании эпиграфических памятников определить границы государства трудно.

Велика роль Н.Ф.Калинина в выявлении и сборе эпиграфических памятников. Им были высказаны конкретные предложения по сохранению эпиграфических памятников и начата работа по созданию полного свода эпиграфических памятников. Начатую Н.Ф.Калининым работу продолжил крупный татарский эпиграфист и этнограф Гарун Валеевич Юсупов. В ходе исследований с 1946 по 1957 г. он посетил 28 районов Татарии, Урмарский район Чувашии и 12

районов Республики Башкортостан с охватом около 150 населенных пунктов. Только в Татарстане было исследовано 60 болгаро-татарских кладбищ и изучено до 200 надгробий, из них 40 относятся к XIII–XIV вв., 8 – XV в., 90 – XVI в., 9 – XVII в., остальные – к XVIII–XIX вв. (Юсупов, 1952). Им было открыто 73 новых памятников. Материалы, выявленные в экспедициях, нашли отражение в его публикациях (Юсупов, 1953). Г.В.Юсупов опубликовал ряд новых болгарских памятников – из Батраков Самарской области, Б. Нырсы Сабинского района Татарстана. Он впервые выделил эпиграфические памятники XV века, которые отличаются от памятников Булгарского улуса и памятников XVI–XVII вв. и в то же время являются промежуточным, связующим между ними звеном. Эпитафии XV века сохраняют некоторые особенности памятников XIII–XIV вв.. В то же время у них появляются новые черты, украшения бордюра нехарактерным для болгарских памятников орнаментом, разграничение надписи линиями и верхний полукруг, являющиеся зачатками элементов стиля надгробий XVI в. Данная мысль им была развита в его диссертации и в других работах. Г.В.Юсупов дал отличную от Н.Ф.Калинина классификацию эпиграфических памятников с XIII века по XIX век включительно. В основу своей классификации он положил хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковой принципы. Последние принципы имеют отношение только для памятников XIII–XIV вв.

Эпитафии, написанные полностью на арабском языке, не выделяются в отдельный стиль. Они по оформлению, орнаментации и шрифту ничем не отличаются от памятников I-го стиля болгарского периода и от других памятников соответствующих стилей. В болгарскую эпоху он выделяет отличающиеся друг от друга два стиля эпиграфических памятников: I стиль – надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на «новобулгарском» и арабском языках. II стиль – характеризуется куфическим шрифтом и исполнением текста на «древнебулгарском» языке. Им же выделяется стиль памятников XV в., первой половины XVI в., второй половины XVI в., первой половины XVII в., второй половины XVII в., XVIII в., XIX вв. Начиная с XV века все эпиграфические памятники написаны на татарском языке. Памятники XV века очень разнообразны, только на основании языка можно определить существование единого стиля. Памятники первой половины XVI века дают довольно однообразный стиль памятников, со стройным шрифтом «сульс», с текстом на татарском языке (кроме коранических формул),

и устойчивым типологическим признаком. На основании этого стиля, во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. вырабатывается стиль памятников, отличающийся от памятников первой половины XVI века лишь формой арки и несколько своеобразным орнаментом на бордюре. Стиль второй половины XVII века характеризуется нестройным рельефным шрифтом с врезанным стилизованным растительным орнаментом под аркой. В материалах XVIII и XIX вв. Г.В.Юсупов не выделяет довольно устойчивые формы, а отмечает лишь пережитки старых стилей, особенно XVI и XVII вв. (Юсупов, 1960, с.38-41).

В классификации Г.В.Юсупова по сравнению с предыдущей классификацией имеется ряд новых моментов. Наиболее важным, как он сам считал, является включение в новую классификацию памятников XV–XIX вв., то есть показ преемственной связи болгарских надгробий с татарскими памятниками. Но имеются некоторые моменты, не укладывающиеся в классификацию Г.Юсупова. Например, в эпитафиях XIII–XIV вв. по реке Ик и по реке Урень памятники I стиля, т.е. «на новобульгарском» языке написаны простым врезанным почерком, характерным для памятников II стиля. В то же время имеются памятники II стиля по оформлению и по надписи, а язык – «новобульгарский» (Б.Тарханы). Такие разнобой встречаются и в стиле памятников XV–XVI вв. Некоторым своеобразием отличаются и памятники Керменчуга, а также Черемшанского и Аксубаевского районов Татарстана. Памятники XV века, несмотря на их малое количество, как отмечает и сам Г.Юсупов, имеют большое разнообразие, они больше похожи на памятники стиля XIII–XIV вв. и первой половины XVI века соответствующей местности. Памятники первой половины XVI столетия из Нократ, конца XVI века из Касимова, памятники восточных районов Татарстана и западных районов Башкирии XVII в. имеют ряд отличий от памятников соответствующих стилей Татарстана. То же самое надо сказать и для памятников XVII века восточных районов Чувашии. Неудачным нужно считать и термины «древнебульгарский» и «новобульгарский» языки, употребляемые Г.Юсуповым для памятников XIII–XIV вв., так как I и II стили существовали одновременно.

В 1952-1958 годах Г.В.Юсупов исследовал эпиграфические памятники западных районов Башкортостана, где изучил известные науке эпиграфические памятники и открыл ряд новых памятников XIV–XIX вв. На основании этого материала написан ряд работ (Юсупов, 1959) и глава «Булгарские надгробия Башкирии» упомянутой монографии. С 1959 года до конца своей

жизни Г.В.Юсупов занимался сбором материалов для археологической карты Татарской АССР и для полного свода булгаро-татарской эпиграфики. В 1959 году Г.В.Юсупов совместно с Ф.Х.Валеевым исследовал Арский, Высокогорский районы Татарстана, где описал до 65 памятников, преимущественно XVI века. В четырех пунктах были обнаружены неизвестные памятники XVI–XVII вв., 5 – у с. Чувашли, 2 – у с. Кодрякова и 4 – у с. Нижняя Серда (Юсупов, 1963). В 1961–1963 гг. Г.В. Юсуповым исследовалось Предволжье и Закамские районы Татарстана, восточные районы Чувашской Республики. Итоги экспедиции были подведены в ряде опубликованных работ (Юсупов, 1964, 1972). На новых памятниках булгарского периода им был отмечен ряд терминов социального характера: «бакши», «алти», «тукчи» (его же, 1964).

В 1964–1967 гг. Г.Юсупов продолжил сплошное обследование Закамья (Дневник, 1964 г., 1965 г.), западных районов Башкортостана (Дневник, 1966 г.), Предволжья и Закамья (Дневник, 1965 г., 1967 г.). Материалы экспедиций – фотографии, эстампажи и полевые дневники, находящиеся в архиве ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, являются поистине бесценными. Памятники, разбросанные по районам Татарии и другим областям Поволжья, подвергаются отрицательному воздействию природы и человека, поэтому эстампажи и фотографии частично утраченных памятников долго будут служить первоисточником для ученых, занимающихся не только в области булгаро-татарской эпиграфики, но и для историков, этнологов и искусствоведов – всем тем, кого интересует история татарского народа. Большую ценность представляют полевые дневники ученого, куда обычно заносятся все данные, характеризующие памятники и чтение текста. Последние имеют огромное значение еще потому, что тексты многих памятников дошли до нас в разрушенном, выветренном, трудночитаемом виде, не очень четко выходят в эстампажах и фотографиях. Введение в научный оборот этого бесценного материала остается первостепенной задачей историков.

В послевоенные годы некоторое количество новых памятников было изучено С.Е.Маловым и А.Б.Булатовым. С.Е.Малов опубликовал эпиграфические памятники из села Ст. Савруши, Б.Енарускино, Н.Демкино, Матвеевки, Ст. Шигали, Болгары и других мест (Малов, 1947). Хотя наличие эпиграфических памятников из этих мест было известно науке, но сами памятники опубликуются впервые. А.Б.Булатовым опубликованы 16 памятников из Б.Атрясы, в т.ч. один памятник XVI века из Ямбухтина (Булатов,

1963). В 1967 году А.Б.Булатов издал памятники из Аксубаевского района Татарстана и Чистопольского музея, осмотренные им в 1963 году (Булатов, 1967). Хотя он отмечает, что «эпиграфические памятники были впервые изучены, описаны и сфотографированы автором», многие из этих памятников были опубликованы еще И.И.Ашмариным и С.Е.Маловым (Ашмарин, 1925, Малов, 1947).

Во второй половине XX столетия вышли в свет работы Н.А.Андреева (Андреев, 1956), Б.А.Серебренникова (Серебренников, 1956), В.Д.Дмитриева (Дмитриев, 1957), М.З.Закиева (Закиев, 1976, 1978), А.Т.Тагирджанова (Тагирджанов, 1970), Т.М.Гарипова (Гарипов, 1972), зарубежных авторов О.Прицака (Прицак, 1955, 1959), И.Бенцинга (Бенцинг, 1959), А.Рона-Таш и И.Фодора (Рона-Таш, Фодор, 1973) и других. В этих работах в той или иной степени освещается язык болгарских эпиграфических памятников. С источниковедческой точки зрения особенно ценны работы О.Прицака, опубликовавшего 10, А.Рона-Таша и И.Фодора, опубликовавших 84 болгарских эпиграфических памятника с комментариями и индексами болгарских слов.

Малоизученному периоду татарской эпиграфики посвящена работа М.И.Ахметзянова (Ахметзянов, 1984), на которой фиксируются новые социальные, административные термины, личные имена на памятниках XVII–XVIII вв. Им же было найдено несколько новых памятников на кладбище г. Чистополя XIV, XVII–XVIII вв. (Ахметзянов, 1983). Опубликованы фото и переводы на русский язык эпитафий из с. Сингели и фото памятников из с. Татарский Кабан Лаишевского, Большие Яки Зеленодольского районов Татарстана (Ахметзянов, 1983).

Как было сказано выше, еще в 20-е годы XX века была сделана попытка включить эпиграфические памятники в историю искусства Татарстана (Корнилов, 1929, Дульский, 1929, Али-Рахим, 1930). Богатая декорировка, различные орнаментальные мотивы эпитафий являются ценными источниками для изучения художественной пластики, изобразительного искусства волжских болгар и казанских татар, что нашло отражение в работах Ф.Х.Валеева (Валеев, 1969, 1970, 1975, 1984). Он классифицирует эпитафии только по их художественному оформлению, не учитывая другие стороны стиля, языка, каллиграфии и др. По характеру декорировки болгарские памятники он разделяет на два типа: первый тип, характеризующийся «определенной массивностью, сравнительно большой шириной и закругленностью углов», и второй тип прямоугольной формы с килевидной или стрельчатой аркой. По своему происхождению первый

тип Ф.Х.Валеев связывает с периферией, а второй – с городом Болгаром и некоторыми княжескими резиденциями (Валеев, 1975, с.159). В его работе «Народное декоративное искусство Татарстана» более подробно освещается орнаментика эпитафий XV–XIX вв. Правильно отмечается определенное влияние резьбы по дереву и ковроткачества на каменную малую архитектуру (Валеев, 1984, с.94). Особенно это заметно на орнаменте и технике исполнения надгробий. На основе изучения орнаментации эпитафий Ф.Х.Валеев вслед за Г.В.Юсуповым в материалах второй половины XVI по XIX веков видит повторение отдельных элементов болгарских и казанских эпитафий (там же, с.95).

Во второй половине 80-ых г. XX столетия Я.Ф.Кузьмин-Юманади, позднее М.З.Закиев высказали оригинальную мысль об изготовлении памятников второй группы (II стиля) месельманами, т.е. чувашами, принявшими ислам. Таким образом, объясняется наличие «чувашизмов» на болгарских эпитафиях.

Теоретически можно предположить и чувашина-мастера потому, что науке известен памятник, поставленный на могиле мухши – мусульманина (Болгар № 65/75). Эти мастера могли внести в эпиграфику свой язык, орнаментику, художественную каллиграфию, очень ценимые на Востоке и достигшие совершенства в Булгарском улусе в XIII–XIV вв.

Для подтверждения своего мнения Я.Ф.Кузьмин-Юманади и М.З.Закиев высказывают мысль, что в тексте эпиграфических памятников много ошибок, и некоторые из них резчики делали умышленно.

«Чтобы завуалировать заметные «чувашизмы», резчики иногда умышленно портили текст эпитафий, проставляя многочисленные точки сверху и снизу букв» (Закиев, Кузьмин-Юманади, 1993, с.27). Тут нет необходимости подробно останавливаться на том, что точки сверху и снизу букв современные языковеды и эпиграфисты Ф.С.Хакимянов, А.А.Рона-Таш, Г.В.Юсупов, Г.Майер и другие принимают так, как есть, и считают их важными элементами при чтении надписи. Это понимают авторы в другом контексте при определении этнонима «сувар». В этой связи нужно привести несколько примеров. Буква «р» на памятниках пишется с точкой снизу (Болгар №№1, 2, 5, 6, Ст. Баллыкуль, Чув. Елтан, Чистополь, Тат. Калмаюр и так далее). Независимо от того, на каком языке написана эпитафия (арабский, 3-язык, р-язык), точка под «р» присутствует, что является особенностью эпитафий данного периода. И это не случайно, потому что в ряде болгарских монет Насир ад – Дина (1240 г.), Мунке (1250 г.), Узбека (1330

гг.) в слове «Болгар» присутствует точка под «р». Буква «с» на эпитафиях пишется с точками под «с».

Имя «Мухаммад» на памятнике из Болгар (№ 101) написано с оголосовками, что не допускает иное чтение. На том же памятнике знак под «х» вырезан в слове «хаджи» в двух местах, в слове «рахматан», а в слове «хум» отсутствует.

Если бы резчики умышленно портили тексты эпитафий «для болгарского неграмотного населения», то почему бы не читать «тохур» как «тукуз», «жур» как «жуз», «секер» как «сикез», и исчезла бы сама основа спора. Всеми учеными до сих пор не только точки, но и оголосовки – кесра, фатха, ташдид принимали за действительность и на основании этих оголосовок решались соответствующие разночтения.

Современные ученые, изучающие эпитафии XIII–XIV вв., считали их принадлежащими болгарам, возникали споры лишь в отношении происхождения языка эпитафий. На основании высказываний типа «языку волжских болгар аффикс – ом, – ем, приписывают по ошибке, принимая месельменские эпитафии 2-го стиля за болгарские», (Кузьмин-Юманади, 1986, с.44), автор отрицает само существование болгарских эпитафических памятников. В другом месте он высказывается более определенно: «Затянувшаяся полемика по поводу принадлежности этого мнимого «болгарского наследия» является лишь досадным недоразумением» (там же с. 32).

«Так кому же принадлежат эти памятники – чувашам, принявшим ислам? О принадлежности этих памятников чувашезычным месельменам свидетельствуют не только написанные на них чувашские слова, но и внешнее сходство самих памятников с надгробиями языческих чуваш» (там же с.30.). «По существу памятники II-го стиля представляют собой своеобразную комбинацию языческого надгробья с мусульманскими, – притом последнее лишь нарисовано на лицевой стороне чувашского прямоугольного памятника» (Кузьмин-Юманади, 1986, с.30).

Почему же истинного мусульманина в последний путь провожали не свои соплеменники, а пришлые чувашы? Потому, что они «заняли в здешних приходах пустующие вакансии вместо перебитых монголами болгарских мулл». «Большинство населения было безграмотно», и «заставило этих месельмен специализироваться в столь непрестижном и нелегком камнерезном ремесле, вероятнее всего – отсутствие других средств к существованию, так как были они, несомненно, пришлыми людьми в этом крае. Сами болгары и сувары, владевшие наследственными земельными угодьями, как золото-

ордынские завоеватели, не занимались изготовлением надгробных сооружений» (Кузьмин-Юманади, 1986, с.31)

Кузьмин-Юманади писал: «Дворцы и храмы для них строили армяне, хорезмийцы и другие пришлые мастера, а изготовление надгробных памятников пало на долю этих малограмотных камнетесов» (там же, с. 31).

Авторами признается существование в домонгольский период чувашских памятников и надгробий I стиля. Появление памятников с чувашскими словами связываются с 1330–1340-ыми годами, когда «кроме собственно болгарских появляются совершенно нового типа мусульманские погребения под своеобразными надгробьями, на которых появились чувашские слова». (Закиев, Кузьмин-Юманади, 1993, с.116). О существовании болгарских эпитафических памятников домонгольского периода достоверно неизвестно, а эпитафии с «чувашизмами» прослеживаются с 1284 по 1361 год непрерывно. Ученые-археологи не отмечают изменения погребального обряда болгар в XIII–XIV вв. По моему мнению, разделение единой болгаро-татарской эпитафики на чувашский и татарский идет от отрицания памятников написанных полностью на арабском языке. В силу этого намного увеличилось количество памятников на «З» языке – до 150 единиц и неправильной классификации памятников XIII–XIV веков.

В 70-ые гг. XX в. над изучением болгарских эпитафических памятников активно начал работать Фарид Сабирзянович Хакимянов. Им было опубликовано 2 монографии, более десяти работ по болгарской эпитафике (Хакимянов, 1978, 1987 и другие). Во время полевых исследований Ф.С.Хакимяновым был открыт и опубликован ряд новых памятников. Например, Старо-Салмановское кладбище с четырьмя надгробиями, один памятник из с. Ошняк, один – из Сухие Курнали Алексеевского района, один – из Тяжбердино, пять – из Ст. Баллыккуль Алькеевского района. Им были введены в научный оборот болгарские памятники, открытые Г.В.Юсуповым в 60-ые годы XX столетия. Публикации Ф.С.Хакимянова проведены на высоком научном уровне. Тексты переведены построчно арабской графикой. Имеются также транскрипция и перевод на русский язык. Каждый памятник имеет фотографию или эстампаж, публикация снабжена научным аппаратом.

Работы Ф.С.Хакимянова, в основном, посвящены изучению языка болгарских эпитафий. Им подробно освещается лексика, морфология, графофонетика надписей. В глоссарий включены все обнаруженные на эпитафиях слова в сравнении с современными тюркскими языками и вклю-

чением большого количества источников.

Язык болгарских эпиграфических памятников Ф.С.Хахимзянов разделяет на три диалекта: на т-диалект, ж-диалект, на й-диалект (литературный язык Золотой Орды «поволжские тюрки»). Ф.С.Хахимзянов поддерживает идею, высказанную Г.В.Юсуповым о функциональности языка болгарских надмогильных камней, и считает язык памятников не живым разговорным языком, а специальным языком, используемым в лапидарной эпиграфике, хотя не исключает внесение определенных элементов разговорного языка через мастеров по изготовлению камней.

Ф.С.Хахимзяновым была опубликована интересная эпитафия из Болгар, вынутая с порога церкви Успения (Хахимзянов, 1986). Подобные эпитафии с поэтическими эпитетами были известны: из Болгара (эпитафия золотых дел мастера – алтунчи Шахидуллы), Больших Тархан – 1314 г., Чистополя – 1311 г. (все они написаны на «поволжском тюрки»), а новая эпитафия на «Т» – диалекте, что еще раз подтверждает стилистическое и структурное единство текстов болгарских эпитафий.

В 1988 г. в Анкаре вышла книга Талат Текина «Волга-Булгар китабелери ва Волга булгарчасы», основанная на монографии Ф.С.Хахимзянова.

В 1998 году появилась статья М.Ахметзянова «О судьбе болгарского языка», в которой автор классифицирует болгарские эпиграфические памятники чисто географически. Территорию распространения эпитафий XIII–XIV вв. он делит на 3 части: Закамье, Горная сторона и Заказанье.

В Закамье им выделяется 4 административные зоны: Болгарский, Джукетауский, Билярский и Междуречье Ык-Агидель.

М.Ахметзяновым привлечены только полностью сохранившиеся памятники в количестве 161 единиц из свыше 400 известных. По его таблице видно, что наиболее ранние памятники написаны не на «болгарском» языке, и памятники с «болгарским» языком составляют не 90 процентов всех памятников, как ранее предполагалось, а значительно меньше (Ахметзянов, 1998, с.102). Татароязычные памятники в основном происходят из Болгар и его ближайшей округи, а также из восточных районов.

М.Ахметзянов считает язык текстов болгарских эпитафий живым языком и пишет, что «анализ текстов показывает ход интенсивного исчезновения болгарского языка, начиная с конца XIII в.» (там же, с.113).

В своих работах к эпиграфическому материалу часто обращался известный востоковед М.А.Усманов. Им было определено значение

кладбища как показателя цивилизованности общества, а памятников – как исторических источников. Во время многочисленных археографических экспедиций, им были изучены надмогильные памятники известных ученых, поэтов и общественных деятелей: – Ш.Марджани, Г.Тукая, Ф.Амирхана в Казани, Акмуллы в Тобольске, Сагида Хаялина в Оренбурге, Хайруллы Госмани отца Ш.Усмана в Больших Чынлах в Татарстане и другие. Был выявлен ряд новых, ранее не известных исторических эпитафий.

Интересны наблюдения автора о фактах переселения татарского народа в XVIII столетии по эпитафиям в Оренбургский край, в Сибирь, в Предволжье Татарстана.

В Сибири им были выявлены своеобразные памятники в форме ствола дерева – березы. Данная форма характерна не только для татарского народа, а является общей традицией для многих народов, в том числе русских, венгров (Усманов, 1994, с.60). В то же время автор отмечает малоизученность эпиграфических памятников, особенно эпитафий XVIII–XX вв.

В последние годы введены в научный оборот ряд памятников XIX и начала XX вв. Н.Тайровым. Им были опубликованы надмогильные камни Акчуриных из с. Зоябаш (Старое Тимошкино) Ульяновской области и 11 эпитафий из Казани. В публикациях приводятся фото и прорисовка текста памятников, транскрипция кириллицей и перевод арабских слов и словосочетаний (Тайров, 1995).

Орнаментика, художественное оформление эпиграфических памятников в той или иной мере отражено в работах С.А.Червонной, Д.К.Валеевой и Г.Ф.Сулеймановой.

Д.К.Валеева считает, что в I половине XIV в. искусство резьбы по камню достигает наивысшего расцвета. Это видно на каллиграфии надписи, прекрасной орнаментации и по внешнему оформлению эпитафий. Во второй половине XIV в. искусство резьбы по камню приходит к постепенному угасанию из-за изменившейся исторической обстановки в Золотой Орде (Валеева, 1998, с.94). По ее мнению, падение высокого стиля отмечается во всем. В каллиграфии чаще встречается не «чистый» почерк, а «полу», в изображении орнаментов – небрежность, узоры делаются не до конца.

В связи с тем, что науке известно только два памятника II половины XIV века, подобная характеристика для эпиграфики XIV века в целом является преждевременной, однако ее мысль, связывающая эпиграфические памятники со степными кочевническими традициями, заслуживает внимания.

С.А.Червонная рассматривает эпитафические памятники в развитии с последней четверти XIII в. вплоть до начала XX столетия как «особый феномен художественной культуры, возникший на основе синтеза искусств: архитектуры, резьбы по камню и каллиграфии» (Червонная, 1987, с.108). Она не видит разрыва связи между эпитафиями Волжской Булгарии и Казанского ханства. «Между эпитафическими надгробиями Казанского ханства и Волжской Булгарии золотоордынского периода существует тесная, непосредственная связь, очевидная и в композиции, и в элементах орнаментального декора, и в приемах резьбы, и в языке, что последовательность, преемственность в этом виде болгаро-татарского искусства от XIII–XIV вв. к XV и XVI векам не вызывает никаких сомнений» (Червонная, 1987, с.149).

В 1984 г. ею были обследованы кладбища в Арском, Балтасинском и Кукморском районах с памятниками XVIII–XX вв. (в частности, памятники Гали-ишану и его родственникам в селе Тюнтер Балтасинского района).

В конце XX столетия к сбору эпитафических памятников XVII–XX веков подключились Р.Ф.Марданов и И.Г.Хадиев. Ими были исследованы на территории Кукморского района Татарстана 284 арабграфических эпитафических памятников, в том числе 5 эпитафий XVII в. (Марданов, Хадиев, 2001). На трех камнях XVII века было зафиксировано имя мастера Мухаммада бин Ишана и на девяти памятниках – имя резчика муллы Фаляхутдина Княбаши.

В 2002–2003 гг. вышла двухтомная монография В.М.Усманова «Священные камни». Работа включает памятников Республики Башкортстан и памятников Сеитовой слободы из Оренбурга.

Профессиональный художник-график привел прекрасно выполненные графические изображения надписей и рисунков эпитафических памятников. В работе есть графическое воспроизведение текста и их перевод на русский язык. По сути это каталог эпитафических памятников Башкортстана и Оренбурга. К сожалению, отсутствие научного аппарата снижает значение этого труда, имеющий огромный фактический материал.

Определенную лепту в изучение и публикацию болгарских эпитафических памятников внес и автор этих строк. Д.Г.Мухаметшиным были опубликованы новые эпитафические памятники Болгара (1976 г.) и совместно с А.Х.Халиковым памятники Болгара и Биляра (1977 г.). Автором были впервые выделены региональные особенности болгарских эпитафий (1981, 1989 гг.). Отдельные статьи посвящены вопросам резьбы по камню (1988 г.), орнаментике эпитафий

(1977 г.), социальной терминологии (1994 г.) и топонимике болгарских эпитафий (1997 г.). Более подробно эти вопросы изложены в совместной монографии с Ф.С.Хакимзяновым «Эпитафические памятники Болгара» (1987 г.). Отдельная статья была посвящена эпитафическим памятникам Казанского ханства (1993 г.).

На территории Болгарского заповедника была собрана значительная коллекция эпитафических памятников, включающая в себя около 200 единиц хранения. В основном, они были выявлены во время реставрационных и ремонтных работ на архитектурных памятниках XIV в. и церкви Успения. Значительная часть их выставлена в экспозиции «Эпитафические памятники Болгара», организованной в Северном мавзолее.

Д.Г.Мухаметшиным во время полевых экспедиций вновь изучены и уточнены тексты памятников из районов Татарстана, Касимова Рязанской области, Саратова, Чувашии, Северного Казахстана и др.

Подводя итоги истории исследования болгаро-татарских эпитафических памятников, нужно отметить, что исследователями, в том числе автором, было выявлено и введено в научный оборот свыше тысячи ста эпитафических памятников XIII – начала XX вв., которые составили источниковедческую базу настоящей работы.

История накопления эпитафических источников и разработка отдельных тем подразделяется на три этапа. С 1722 года на основе изучения, главным образом эпитафий Болгарского городища, эпитафические памятники рассматривались как историко-археологические источники.

В 60-ые гг. XIX столетия после крупнейшего открытия Х.Фаизханова они приобрели значение как памятники языка древних болгар. В этот период вводится в научный оборот большое количество болгарских памятников, а также начинается изучение эпитафий XVI–XVIII вв.

В 20-ые годы XX столетия начинается комплексное изучение памятников.

Использование эпитафики как материала по этногенезу татарского народа требовало более детальной их классификации, что было сделано Н.Ф.Калининым. Дополненная Г.В.Юсуповым данная классификация и по сегодняшний день не претерпела значительных изменений. Включение Г.В.Юсуповым в эту классификацию памятников XVI–XVIII вв. дало возможность установить взаимосвязи болгарской и татарской эпитафики и показать непрерывное развитие эпитафики в Казанском крае с XIII по XIX вв.

Значительные работы по выявлению, исследованию и публикации были проделаны Ф.С.Хакимзяновым и М.И.Ахметзяновым. Ф.С.Хаким-

зьяновым выявлены диалектные особенности языка эпитафий волжских булгар. М.Ахметзянов изучил и опубликовал большое количество памятников XVII–XIX вв., которые активно используются как материалы по расселению татар после падения Казанского ханства.

Определенная работа была проведена по изучению орнаментики, художественного оформления камня, искусства каллиграфии. Поскольку художественного наследия татарского народа

периода XIII–XVII вв. сохранились очень мало, изучение памятников эпиграфики приобретает особую роль. В этом плане исследования эпиграфических памятников проводили Ф.Х.Валеев, Г.В.Сулейманова, С.М.Червонная, Д.К.Валеева.

Исследователи, начиная со 2-ой половины XIX в., в той или иной мере привлекали болгарские эпиграфические памятники, особенно язык эпитафий, для выяснения этногенеза татарского и чувашского народов

Возникновение традиции

У современного татарского народа для обозначения намогильных камней общепринятым термином является название «кабр-таш» – намогильный камень». «Кабр-таш» – собирательный термин. На самих памятниках данный термин зафиксирован в форме «это могила» повсеместно как на памятниках XIII–XIV вв., так и на эпитафиях XVII–XIX вв. Традиционно данный термин сохраняется и в XX столетии. По мусульманским канонам установление определенного знака на могиле не поощрялось. Поэтому на эпитафиях, написанных на арабском, иногда и на татарском языках, сам термин завуалирован в словосочетаниях « марказ – гробница» для погребенных мужского пола и «сад» – для женских погребений. Данный термин характерен и для других регионов, где проживают тюркоязычные народы. В Самарканде и его окрестностях намогильная плита называется «кабр-таш» (Поляков, Черемных, 1975, с.264). А крымские татары вертикально стоящие намогильные камни называют «кабр-таш» (Червонная, 1997, с.10).

На татарском разговорном языке сохранились названия «ташбилге»- каменный знак, «тораташ» – каменное изваяние, «сынташ»- каменная баба, диалектное обозначение «таш башбата» (Материалы, с.83, №180). В диалекте нохратских татар сохранилось обозначение «тегермен башбата» (Материалы, №181). Возможно, это название памятника округлой формы с круговым расположением строк надписи. Таковые имеются. Однако при посещении Тат. Бурнаевского и Иски-Казанского кладбищ автору пришлось увидеть рядом с намогильными камнями и фрагменты болгарских жерновов.

На многих болгарских эпиграфических памятниках название памятника отмечено термином «зиарат»- место погребения. В современном татарском языке «зиарат» – кладбище.

На эпитафиях XIII–XIV вв. широко распространен термин «балук» – надмогильный знак, памятник. Данное слово можно сопоставить с протоболгарским словом «белюх» (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.15). Термин «балук»

возрождается на эпитафиях XVII–XVIII веков в форме «балук» (Н.Ура, Чишма), «билге» (Максабаш), «билик» (Тура).

На памятнике из Болгар (№ 115) зафиксирован оригинальный термин «галямат»- знак. Памятник написан полностью на арабском языке, дата отсутствует. По своему оформлению и полеографии надписи памятник датируется концом XIII в.

На одной из эпитафий из Болгар (Юсупов, 1960, табл.38) зафиксирован термин «алп битик» – большая надпись. Данный памятник отличается своим вертикальным расположением строк.

На штампе оборотной стороны памятников 30–40-ых гг. XVI в. само название памятника выражено термином «лауха», который продолжает бытовать и в XVII–XVIII вв.

Установление намогильных памятников для мусульман не входит в число обязательных элементов похоронно-поминального комплекса, который включает обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации. Все остальные обряды похоронно-поминального комплекса, в том числе установление намогильного памятника, связано с этнической историей народа и в целом воспринимается как мусульманская (Татары, 2001, с.362). Об этом пишут и С.П.Поляков, и А.И.Черемных «Ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее, население долины Заравшана в течение веков существования здесь ислама продолжало сооружать надгробные памятники. Это закономерность, свойственная всему исламскому миру. Возникший в глубокой древности обычай, отмечать каким – либо образом могилу родственника или соплеменника сохранился до наших дней» (Поляков, Черемных, 1975, с.277).

Возникновение традиции установления камней в Среднем Поволжье и Приуралье исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением мусульманской религии. Многочисленные факты материалов Аравии,

Кавказа, Средней Азии, где имеются эпитафии более раннего периода, позволяют говорить в пользу такого мнения.

С.М.Червонная происхождения эпитафических камней-надгробий определенного архитектурного типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающем стилизованную фигурную форму завершения) связывает не столько с исламским культом, сколько с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися в Восточной Европе в период монгольских завоеваний (Червонная, 1997, с.111).

Крупный татарский археолог и эпитафист М.И.Ахметзянов происхождения традиции установления эпитафических памятников у татар связывает с древними тюрками. Традиция установления надгробных камней у болгар «идет от древних тюрков, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войсками Бату хана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, в Крыму, где и ныне частично сохранились эпитафические памятники» (Ахметзянов, 1998, с.118).

Ислам начал распространяться среди болгарского населения задолго до его официального принятия ханом Алмушом в 922 году. Известные востоковеды Х.М.Френ и Б.Мункачи считали, что мусульманство распространилось среди болгар, начиная с VIII века. Не исключено, что некоторые из болгарских племен были знакомы с исламом еще во время северных арабских походов. По мнению выдающегося востоковеда В.В.Бартольда, болгары приняли ислам в IX веке, такого же мнения был известный татарский ученый Ш.Марджани. (Марджани, 1989, с.112). Наличие мечетей и училищ у болгар отмечает Ибн-Русте, написавший свое сочинение около 903–913 гг. У Ибн Фадлана имеются намеки, что болгары были знакомы с мусульманством до официального принятия ислама, что было правильно подмечено А.П.Ковалевским, С.А.Яниной и др. Разумеется, речь не идет о массовом принятии мусульманства. В первую очередь ислам был принят феодальной верхушкой и купечеством, однако в XI–XII вв. новая религия широко распространяется и среди сельского населения. Это подтверждается археологическими материалами. Булгарские могильники XI – начала XIII вв. – Танкеевский, Тетюшский, 1 Старокуйбышевский, Измерский, 2 и 3 Билярские и др. – выявили очень выдержанный «ортодоксальный» мусульманский обряд. «Полностью отсутствует в могилах, какой бы то ни было реликтовый инвентарь» (Халикова, 1978).

В мусульманизации края особенно большую роль играла Центральная Азия. Это отмечают

И.Березин, А.Ю.Якубовский, С.А.Янина и другие авторы.

Как было сказано выше, распространение ислама является одним из факторов возникновения традиций установления намогильных камней, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Массовая установка эпитафических памятников возникает намного позднее принятия ислама. Ибо ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой мусульманина какого-либо памятника. Материалы Северного Кавказа показывают, что между проникновением ислама и появлением мусульманских эпитафических памятников существует хронологический разрыв, достигающий до 200–300 лет. Не наблюдаются эпитафические памятники и в Волжской Булгарии домонгольского периода. Е.А.Халикова, исследовавшая мусульманские памятники XI–XII вв., отмечает, что «по-прежнему на могилах отсутствуют выраженные следы надгробий» (Халикова, 1978, с.206). Эпитафические памятники с изящным каллиграфическим письмом, своеобразной орнаментацией не только последняя дань умершему человеку. Эпитафии в первую очередь служили живым людям. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану беков и народа, подчинение народа бекам – таков лейтмотив идей в рунических надгробиях», – пишет С.Г.Кляшторный, исследуя рунические надгробия. (Кляшторный, 1964, с.62). Только так можно объяснить живучесть возникшего где-то в древности обычая отметить каким-либо значком могилу соплеменника. Намогильные памятники, пусть это будет пышно оформленное надгробие, небольшой памятник с именем покойного или просто необработанный камень с именем покойного, могли ставить только состоятельные люди – правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа. Эпитафии являлись самовыражением привилегированности сливок феодального общества, и демонстрацией своей знаменитости. Недаром на некоторых болгарских эпитафиях перечисляются предки до девятого поколения, а, начиная с 20-х гг. XVI столетия, на обороте всех эпитафий вырезано имя человека, поставившего, т.е. заказавшего эпитафию. Это делается, несмотря на то, что на эпитафиях разрешалось приводить только цитату из Корана, благочестивые изречения и имя погребенного. «Памятники эти с их непонятными для широких масс народа арабизмами, – пишет Г.В.Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествляющими личность представителей правящей феодальной верхушки» (Юсупов, 1961, с.48).

Правящая верхушка имела свои кладбища, куда не допускалось погребение простого народа. Это вышеупомянутые «ханские» кладбища,

кладбища мурз (Янцевары), кладбища военачальников (Кульгуны) и другие. В то же время зафиксировано много кладбищ беднейшего слоя населения, в том числе в городах Булгар и Сувар, где не было никаких памятников.

Социально-политический смысл проявляется в устройстве самих кладбищ. Многие из них огорожены небольшим валом и рвом, а Большеатряское имеет 4 площадки разной высоты, огороженные земляным валом (рис.6–6). Их можно рассматривать как фамильные места захоронения феодалов. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху Казанского ханства и в более поздние времена. Имеются исторические сведения, указывающие на захоронение некоторых казанских ханов в особо почитаемых мусульманами местах – Болгарах и Билярске.

В возникновении и распространении традиции установления надгробных эпиграфических (арабографических) памятников нельзя исключать и этнические факторы. Принадлежность эпиграфических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья болгарскому, позднее татарскому народу – установленный факт. Однако, среди болгарских племен современники, кроме собственно болгар, отмечают сувар, нохрат, берсула, эсэгель, темтюзи, сабакуля, баранджар и другие. В то же время в сложении народности волжских болгар, позднее казанских татар определенную роль сыграли местные финно-угорские племена, кипчаки и другие тюркоязычные племена, в том числе караханидские татары. Даже при одинаковом мусульманском обряде захоронения и трафаретном тексте эпитафий весь этот сложный процесс в какой-то мере должен был отражаться на болгарских эпиграфических памятниках. Г.В.Юсупов возникновение двух стилей и двуязычие болгарских надгробий связывал с двумя главными компонентами Булгарского государства болгар и тюрков.

Однако, в сложении болгарской народности наряду с болгарскими, суварскими, берсулами, баранджарами принимали участие и местные племена. Позднее определенную роль сыграли кипчаки-половцы. Так, среди этих племен и народностей ананьинцы и кипчаки имели обычай устанавливать на могилах своих соплеменников надгробные памятники-стелы и каменные изваяния. Стелы ананьинских вождей обнаружены в 10 км к северу от Булгар на Новомордовском могильнике. Памятники с полукруглым верхом с изображениями секиры и кинжала в верхней части показывают высокое мастерство ананьинских мастеров резьбы по камню. К приходу болгарских племен в Среднее Поволжье такие памятники стояли не только в Ананьино и Ново-Мордово, но и во многих других местах. Почитаемые ме-

стными племенами, эти памятники, видимо, вызвали уважение и у пришлых людей. Показательно то, что рядом с огромным городом, где возводилось множество белокаменных зданий, эти давно забытые камни не были использованы как строительный материал и сохранились до наших дней. Если ананьинские стелы для болгар были свидетелями давно прошедших времен, то многочисленные половецкие каменные изваяния украшали бескрайние степи южнее болгарских границ в период расцвета Булгарии в XI–XII вв. Известны балбалы и на болгарских землях с территории современной Самарской и Ульяновской областей. Одна такая находка была сделана в Болгаре, далеко на севере от территории проживания половцев. Во время раскопок мавзолея в южной части городища в кладке мавзолея была обнаружена голова каменного изваяния. Кроме того, известны кочевнические кипчацкие погребения на территории Ульяновской области и в Татарстане, то есть непосредственно в болгарских землях. Включение части кипчацкого населения в состав Волжской Булгарии у исследователей не вызывает сомнений. Об этом говорить и обнаруженное в Болгарах кипчацкое погребение, датированное XIV веком. Если идти в глубь веков, то можно определить, что надгробные памятники с надписями, где упоминались имя человека, дата смерти и изречения из священной книги мусульман – Корана, впервые появляются в Аравии в VII–VIII вв. Это были небольшие грубые камни с арабографической надписью.

Через два столетия подобные камни появляются в Средней Азии, чуть позже на Кавказе – в Дербенде. Среднеазиатские надгробные камни-кайраки так же мало подходят к болгарским. Круглые и овольные по форме, без орнамента, памятники в эпоху мусульманского ренессанса выглядели анохронизмами.

На возникновение и развитие эпиграфики в Волжской Булгарии не чувствуется влияния Средней Азии, Крыма и Кавказа. Близость орнамента и стили болгарских эпитафий к орнаментам восточных архитектурных памятников нужно рассматривать как общее влияние культурных центров мусульманского Востока на периферийные районы, какими являлись Болгар в XIII–XIV вв. и Казань в XV–XVI вв. Более ранние мусульманские надгробные памятники Средней Азии, Кавказа и Кухистана по типу и композиции текста не могут служить предметом подражания для болгарских эпитафий. С памятниками Дагестана их связывает палеографическое сходство отдельных букв при написании простым кувфическим почерком. Вероятнее всего, общим примером для тех и других были эпиграфические памятники Аравийского полуострова.

Глава II

ТИПОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БУЛГАРСКИХ ЭПИТАФИЙ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV вв.

На рубеже IX–X столетий на территории Средней Волги и Нижней Камы складывается одно из ранних государственных объединений Восточной Европы – Волжско-Камская Булгария, сыгравшее значительную роль в формировании народов Поволжья и Приуралья. В период своего второго расцвета, в XIII–XIV вв., она занимала современную территорию Республики Татарстан, западные пределы Башкортостана и восточные пределы Чувашии. С севера и юга границы государства доходили до среднего течения реки Вятки и Самарской Луки (Фахрутдинов, 1975, с.78). Позднее на этой территории, точнее, на ее северной части, формируется Казанское ханство.

Данная территория является основным местом сосредоточения материальной культуры болгарского народа, в том числе и эпитафических памятников.

Нанесение на карту выявленных эпитафических памятников XIII–XIV вв. показывает, что основная их часть расположена на территории современного Татарстана, хотя крайние памятники выходят за пределы этой территории (карта 1, приложение 1). Так, самым северным пунктом расположения болгарских эпитафий является поселок Гурья Кала Балезинского района Удмуртии, самым южным – поселок Правая Волга Сызранского района Самарской области. Самая восточная находка обнаружена в селе Старое Байрамгулово Учалинского района Башкортостана. На западе болгарские эпитафии известны около таких селений восточных районов Чувашии, как Байглычево, Байтиряково, Большие Яльчики.

Известные нам по письменным источникам и материалам экспедиций болгарские эпитафические памятники XIII–XIV вв. привязаны к 92 населенным пунктам (приложение 1-1). Такое расположение болгарских эпитафических памятников вполне закономерно, поскольку указывает на расселение болгарского народа XIII–XIV вв.

В 92 пунктах выявлено около 400 болгарских надмогильных камней, основная масса которых (55 пунктов) расположена в закамской территории Республики Татарстан – самой густонаселенной части Волжско-Камской Булгарии. На долю Предволжья падает 20 пунктов с эпитафическими находками, а на Предкамье – 18 пунктов, и здесь они распределяются далеко неравномерно. Так, если на долю Западного Закамья падает 46 пунктов с находками болгарских надмогильных камней, то на долю Восточного Закамья – 9. В Предкамье все находки эпитафий происходят с ее западной, а в Предволжье – с ее северной части (карта 1).

В количественном отношении болгарские эпитафические памятники распределяются таким образом: в Закамье учтено более 285 болгарских надмогильных камней, из них только 16 происходят из Восточного Закамья. Из районов Предволжья и Предкамья зафиксировано соответственно 48 и 50 болгарских эпитафий, и, как было сказано выше, все они происходят из районов северного Предволжья и западного Предкамья. Намечается тяготение скопления болгарских эпитафических памятников к крупным городам и феодальным центрам Волжско-Камской Булгарии, таким как Болгары (200 памятников), Старое Ромашкино (15 памятников), Кирменчук (14 памятников), Большие Атрясы (17 памятников) и др. По письменным источникам, в этих местах памятников было еще больше. Например: в Старое Ромашкино – около 100 (Булич, 1926, с.78), в Кирменях – 25 (Воробьев, 1929, с.12), в Больших Атрясах – около 50 (Марджани, 1898, с. 26-27).

С другой стороны, в таких городах и феодальных центрах, как Болгары, Тяжбердино, Большие Нырсы, Тат. Толкиш и другие, было несколько кладбищ с надгробиями. Такое распределение болгарских эпитафических памятников не является анахронизмом, а вполне согласует-

ся с распределением по районам болгарских археологических памятников вообще. Из известных науке 1855 болгарских археологических памятников 1262 расположено в Закамье, в том числе 99 городищ. На долю Предволжья и Предкамья приходится соответственно 390 и 203 памятника (Фахрутдинов, 1975, с.19).

Расположение кладбищ с надгробиями относительно болгарских и татарских археологических памятников (поселений) до настоящего времени не исследовано. Традиционно считается, что кладбище по отношению к населенному пункту располагалось через речку, ручей или овраг. Однако в этом вопросе возникает ряд противоречий. Во-первых, нет четкого определения принадлежности кладбища к данному памятнику. К примеру, Старомашкинское кладбище с памятниками XIV в. находится на значительном расстоянии от Старомашкинского комплекса памятников. К кладбищу значительно ближе Тат.Сарсазское селище. Во-вторых, археологические памятники, датированные только на основании керамики, не совпадают с датировкой кладбищ с надгробиями. В данном случае Староромашкинский комплекс и Тат. Сарсазское селище датированы домонгольским временем, а другие археологические памятники вблизи Староромашкинского кладбища, относящиеся к золотоордынскому времени, отсутствуют. Логично будет связывать кладбища с надгробиями с наиболее близко расположенным к кладбищу археологическим поселением. Это подтверждается нашими наблюдениями в отношении памятников Казанского ханства и более позднего времени; на кладбище современного села Метески Арского района Республики Татарстан находится памятник XVI в., в селе Именьково Лаишевского района – памятник XVII в. и т.д. Эти селения зафиксированы в Писцовых книгах Казанского уезда, и свои местоположения они не меняли.

Отдельные кладбища расположены через речку или овраг по отношению к памятнику. Татарско-Бурнаевское надгробие расположено через реку Бурнайку от Тат. Бурнаевского комплекса памятников (городище и селище), Старосалмановское кладбище – через р. Салманка от Абдулсалмановского селища. Однако, большинство кладбищ расположено на окраине поселения или на территории самого поселения. Старобаллыкульское, Ямбухтинское, Тубулгатауское кладбища расположены на территории селищ, Большеатряское, Тяжбердинское – на окраине селищ. Памятники Болгарского городища также расположены внутри средневекового города. На территории Болгарского городища археологически прослежен ряд кладбищ XIII–

XIV вв., принадлежащих мусульманскому населению. К сожалению, эпитафические памятники в XVIII–XIX вв. были перемещены со своих первоначальных мест. Значительная их часть была использована как строительный материал при строительстве церкви Успения, при ремонте архитектурных памятников. Часть этих эпитафий в 70-80 годов XX века была изъята с фундамента церкви и архитектурных памятников Болгара, в частности, Белой палаты.

Сегодня эпитафии можно увязывать с двумя кладбищами средневекового Болгара – с кладбищем у Соборной мечети и стоящим рядом с мечетью Восточным мавзолеем и кладбищем в южной части городища. Внутри Восточного мавзолея при раскопках В.С.Баранова была обнаружена нижняя часть эпитафии, которая, судя по топографии слоев, не была перемещена. Во время реставрации памятника в 80-ые гг. XX века были обнаружены еще два памятника, однако констатировать, что эти эпитафии именно с этого памятника, оснований не имеем. В данном контексте нужно упомянуть и то, что в XIX в. внутри Восточного мавзолея была обнаружена эпитафия Сабар элчи, дочери Бураш бека.

В южной части городища в 60-70-ые гг. XX столетия были обнаружены три памятника (Болгары №№ 1, 49, 56). Один из них (№ 49) является наиболее поздним из сохранившихся эпитафических памятников Болгарского городища. Памятник № 56 (1309 г.) был обнаружен у основания каменного мавзолея, два других – в 100-150 м к западу от мавзолея. Все три были обнаружены во время вспашки и повреждены плугом, поэтому нет оснований полагать, что они были перемещены с первоначального местонахождения. Основание каменного здания не исследовано. К северу от этого здания располагается кладбище (исследователь И.Р.Газимзянов) и двухкамерный мавзолей (исследователь Н.Д.Аксенова). Эпитафические памятники на территории городища обнаружены также у Черной палаты, на территории современного кладбища, у Малого Минарета, на первом острове, однако в данном случае, как и с Белой палатой, это связано с вторичным использованием эпитафий как строительного материала. Таким образом, на двух кладбищах Болгара зафиксированы эпитафии. Отдельные кладбища (Усть-Иерусалимский) исследователи относят к мусульманскому, но этнически не болгарскому населению (И.Р.Газимзянов). Кладбище у Малого минарета и Ханской усыпальницы также относится к не болгарскому населению. На последнем из них обнаружены погребения с кирпичными надгробиями (Яблонский, 1987, с.128).

Подавляющее большинство болгарских эпиграфических памятников в более чем 500-летней истории Болгара хронологически занимает небольшой отрезок времени – 80-ые годы XIII – середина XIV вв. Выходящие из этой рамки эпитафии немногочисленны: они составляют всего около 1,5% от общей массы болгарских эпиграфических памятников. Из них 3 памятника относятся раннему периоду (середина 40-х годов – 70 годы XIII века), а 2 – к более позднему периоду, второй половине XIV века.

Болгарские эпиграфические памятники, установленные на могилах знатных болгар, имеют четко выраженную форму с определенным каноническим текстом в соответствующей части камня. Все надгробные камни независимо от размера или оформления (что зависит, прежде всего, от знатности погребенного) имеют форму плоского параллелепипеда. Для изготовления эпитафий болгарские мастера использовали исключительно местный материал – различные виды известняка: белый, серый, доломитизированный, песчаниковый и другие, встречающиеся в изобилии на территории Среднего Поволжья. Соотношение ширины плиты к длине составляет 1:3–1:4, а соотношение толщины к ширине – 1:2,5–1:3,5. Памятники, отклоняющиеся от этой нормы, крайне редки. Типичные размеры плит: толщина – 17,5–22 см, ширина – 52–62 см, длина – 153–220 см. Плита устанавливалась на могиле у изголовья погребенного в вертикальном положении лицевой стороной на восток. Для чего четвертая или пятая часть плиты оставалась необработанной, т.е. не подготовленной для надписи. Остальная часть плиты обрабатывалась начисто, а некоторые плиты даже полировались. Боковые и обратная стороны обрабатывались только в случае нанесения надписи или орнамента.

Все болгарские надгробные памятники вкапывались в землю. На памятниках периода Казанского ханства и более позднего времени встречается, хотя и крайне редко, установка надгробия в паз отдельного основания. Поверхность лицевой стороны камня обычно состоит из 3 частей: верхняя часть памятника с аркой или без нее, где наносится кораническая формула или орнамент; основная часть, где располагается текст, и необработанное основание. Основная часть, как правило, окаймлена бордюром. В зависимости от пышности или простоты памятника бордюром может быть рельефная полоса, рельефные и врезанные линии или другие орнаментальные мотивы.

Тексты памятников оформлялись рельефным или врезанным (углубленным) шрифтом почерком куфи, сульс, насх и другими. Часто почерк текста эпитафий нельзя отнести к какому-либо

определенному почерку. С другой стороны, почерк «каменных книг» нельзя уподобить почерку книг, написанных на бумаге. Другой материал, другие инструменты и способ нанесения письма определяли и почерк, резко отличающийся от почерка текстов на бумаге. Поэтому на надгробиях мы выделяем, в определенной мере условно, почерк «болгарский куфи», «простой сульс», «насах». Имеются отличия надписей на каменных плитах от надписей на металле болгарского времени – печати, перстни и тому подобное. Надписи на надгробиях обычно более крупные, в силу этого четкие и ясные. Только отдельные памятники, отличающиеся величиной и пышностью оформления, написаны трудночитаемой арабской вязью.

Тексты болгарских надгробных камней конца XIII – I половины XIV вв. состоят обычно из 4–8 последовательных частей (компонентов). Четыре компонента из них – кораническая формула, слова, связанные с обрядом захоронения, имена, титулы, родословная покойного и благожелательная формула в обязательном порядке имеются на каждом памятнике. Другие компоненты текста – эпитеты, словосочетания, обозначающие понятие смерти, дата и благочестивые изречения имеются не всегда и зависят от региона, групп, типов. Надписи обратной стороны и боковых частей болгарских эпитафий, за редким исключением Болгары № 114, Тат. Шапкино, состоят из коранических формул и благочестивых изречений.

Значительная часть болгарских эпитафий богато орнаментирована. Как правило, орнаментировалась лицевая сторона камня, точнее, ее верхняя часть и бордюр; нижняя и боковые части камня украшались реже. Редко орнаментировалась обратная сторона памятника. На болгарских эпиграфических памятниках наблюдается три орнаментальных мотива: геометрический, растительный, зооморфный. Преобладают первые два вида. Геометрический орнамент наиболее разнообразен. Это различного вида розетки, прямые и ломаные линии, плетенки и другие.

Как отмечалось выше, вопрос о классификации болгарских эпиграфических памятников по внешним признакам впервые был поставлен Н.Ф.Калининым в 1946 году. Эта классификация была дополнена и детализирована Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1960, с.38–41). Как видно из этой таблицы, в основу классификации памятников XIII–XIV вв. положен стиль, далее язык, оформление, орнаментика и другие особенности памятника.

При внимательном рассмотрении данной таблицы мы заметим, что в формах верхней части, в орнаментике тимпана и бордюра, т.е. во внеш-

нем оформлении, между памятниками двух стилей существенных различий нет. Таким образом, критерием при определении стилей остается язык и шрифт. Но и в шрифте памятников мы находим множество отклонений от характерных признаков стилей. Так, памятники I стиля из Б.Тархан, Болгар (№1) и Билярска написаны шрифтом куфи, а не сульс. В периферийных районах подобных отклонений еще больше. К примеру, надгробия из Тат. Калмаюра, Иски Раджаба и восточных районов, относящиеся к I стилю по языку, написаны врезанным шрифтом, близким к насху. Интересно то, что на тех же кладбищах имеются памятники II стиля по языку, а по шрифту и оформлению не отличающиеся от памятников I стиля.

Н.Ф.Калинин и Г.В.Юсупов неоднократно подчеркивали единовременное существование памятников обоих стилей. Однако понятие «переходного стиля» Н.Ф.Калинина и термины «древнебулгарский» и «новобулгарский» Г.В.Юсупова невольно наталкивают на мысль, что, по их мнению, памятники II стиля (древнебулгарские) древнее памятников I стиля (новобулгарские) (Юсупов, 1960, с.37).

Видимо, подобное мнение исходит еще и из того, что угловатый шрифт – куфи традиционно считается древнее, чем округлый шрифт – (сульс, насх и другие). Накопленные в настоящее время материалы противоречат многим пунктам классификации Г.В.Юсупова, разработанной, в основном, на базе памятников Болгарского округа. Показательно, что обращение к материалам других мест, например к памятникам Кирменского городища, из с. Барско-Енарускино, нарушает эту классификацию.

В настоящее время благодаря сплошному археологическому исследованию территории Татарстана и соседних республик, прежде всего работами самого Г.В.Юсупова, Ф.С.Хакимзянова, М.Ахметзянова выявлено значительное количество новых памятников, расположенных на обширной территории, что позволяет ставить вопрос о новой классификации.

В основе этой классификации болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. лежит хронологический и региональный принцип, которому подчиняются типологический и языковый принципы. Хронологический принцип, лежащий в основе классификации болгаро-татарских эпиграфических памятников, соблюдается при рассмотрении памятников внутри регионов. В частности, внутри Болгарского округа памятники XIII в. и эпитафии XIV в. рассматриваются отдельно.

Среди болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. нами выделено четыре регио-

нальных округа: Болгарский, Кирменско-Джукетауский, Восточный (Чишминский) и Северный.

Болгарский региональный округ, с центром в Болгарах, территориально охватывает часть Закамья, включая нижнее течение Малого Черемшана, Предкамья к западу от линии рек Ошняк, среднее течение Меши, верховья Казанки и Ашита, а также все Предволжье (см. карту 1). Таким образом, памятники Болгарского округа имели широкое распространение, как по правому, так и по левому берегам Волги, начиная от южных до северных границ Волжско-Камской Булгарии.

На этой обширной территории расположено 47 кладбищ с более чем 285 надгробиями. Характерными чертами памятников Болгарского округа является наличие на них стрельчатой арки с плечиками и шрифта – стройного каллиграфического болгарского куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение линейного или геометрического мотивов. Некоторые памятники имеют по бордюру растительный мотив (Болгары №№ 71, 84), что является редчайшим явлением для эпитафий XIII–XIV вв. (рис. 7). Эпитафии Болгарского округа отличаются тщательностью отделки. Большинство из них имеют надпись или орнамент на боковых и оборотной сторонах.

Среди памятников Болгарского регионального округа четко выделяются две группы. I группа – памятники с прямоугольным или полукруглым верхом, со стрельчатой или килевидной аркой, с плечиками с коранической формулой в тимпане и надписью, выполненной рельефным почерком сульс на арабском языке или же на литературном языке Золотой Орды, что часто называют «поволжский тюрки». II группа – памятники с прямоугольным, остrokонечным или полукруглым верхом, надпись на которых выполнена почерком куфи на болгарском языке. Исключение из правила составляют лишь два памятника, происходящие из Больших Тархан и Болгар (№ 1). Они относятся по форме к первой группе, но имеют надпись, выполненную врезанным куфическим шрифтом.

Намогильные камни I группы по структуре текста и языку распределяются на 3 типа: 1 тип – эпитафии с надписью, выполненной полностью на арабском языке; 2 тип – эпитафии на литературном языке с поэтическими эпитетами, 3 тип – памятники на арабском и на «поволжском тюрки» языках.

Намогильные камни II группы по оформлению и структуре текста мы разделяем на 4 типа: 1 тип – памятники с коранической формулой в тимпане; 2 тип – памятники с розеткой в тимпа-

не и коранической формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» на первой строке текста, 3 тип – памятники с различным оформлением заглавной формулы и основного текста и 4 тип – камни с полукруглым верхом, без арки и даты, с коранической формулой «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» на первой строке. Памятники 1 типа в свою очередь разделяются на 2 подтипа: подтип А – эпитафии с формулой «Он живой, который не умирает» в тимпане; подтип Б – эпитафии с формулой «суд Аллаха, великого, всевышнего» в тимпане. Среди надгробий 2 типа выделяются камни большого размера (1 вид) и маломерные памятники с сокращенным вариантом текста (2 вид). Вместе с тем в отношении структуры текста эпитафий II группы близки друг другу.

Вторым из наиболее крупных региональных округов распространения болгарских эпитафических памятников XIII–XIV вв. является **Кирменско-Джукетауский**, который занимает северо-восточную часть территории Булгарского улуса. В Закамье его территория охватывает земли между рекой Малый Черемшан и р. Зай, в Предкамье – к востоку от линии реки Ошняк, бассейн среднего течения Меши до р. Вятки (см. карту 1). На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями.

Характерными чертами надгробий этого округа являются следующие особенности: в оформлении отсутствие арки и бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт, в структуре текста отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает», столь характерной для памятников Булгарского округа. Отмечается некоторое увеличение толщины и ширины памятников при одновременном сокращении их длины.

В Кирменско-Джукетауском округе выделяются 2 группы. В первую группу входят памятники с надписью на арабском и на «поволжском тюрки» языках, но они немногочисленны. Вторая группа характеризуется надгробиями, над-

писи которых выполнены куфическим или простым шрифтом. Вместе с тем для эпитафий второй группы свойственно разнообразие орнамента и типологических элементов.

Среди надгробий второй группы выделяются 3 типа: 1) эпитафии с трехчастной композицией в тимпане и формулой «Суд Аллаха, великого, всевышнего» на первой строке; 2) эпитафии без арки и с много лепестковой розеткой на верхней части; 3) эпитафии без орнаментации и даты.

Третий – **Восточный региональный округ** болгарских эпитафических памятников – располагается в бассейнах среднего течения рек Ик и Белой, занимает большую, но малонаселенную территорию, где выявлено 7 кладбищ с 12 надгробиями (карта 1).

Среди эпитафий округа по своему оформлению и языку мы выделяем 3 группы: 1) памятники, надписи которых выполнены шрифтом рельефный сульс на арабском языке; 2) эпитафии с надписями, выполненными шрифтом куфи на болгарском языке; 3) памятники, надписи которых выполнены простым врезанным шрифтом на «поволжском тюрки». Первые две группы происходят из центра округа-поселка Чишма, где сохранились мавзолеи болгарского типа, и эти группы эпитафий полностью идентичны с эпитафиями города Болгара. Третья группа памятников, характеризующаяся своеобразной геометрической орнаментацией с большим количеством коранических формул в тексте, что является особенностью этого региона. Одновременно отмечается значительное увеличение размера памятников этой группы, особенно ширины и длины.

Четвертый региональный округ – **Северный** – выделяется на территории современной Удмуртской Республики. Здесь известен только один памятник обнаруженный у поселка Гурья Кала Балежинского района. Памятник острокопечной формы со стрельчатой аркой и своеобразной формулой в тимпане, что значительно отличает его от эпитафии других округов.

Болгарский округ

Данный территориальный округ занимает всю западную часть Булгарского улуса – золотоордынской Булгарии, где выявлено 47 болгарских кладбищ с более чем 285 намогильными камнями.

Самым ранним из сохранившихся эпитафических памятников округа является надгробие с датой 671 г.х. (1270/71 н.э.) из Болгар, хотя в литературе известны и более ранние памятники. Так, например, Н.П.Рычков сообщает о памятнике 1167 г. из окрестностей Билярска (Рыч-

ков, 1770, с.15). Дату памятника по просьбе Н.П.Рычкова прочитал мулла одного из окрестных сел. О подробностях находки не сообщается, однако, судя по тому, что язык памятников II диалекта был расшифрован Г.Фаизхановым значительно позже, можно предполагать, что данная эпитафия была на арабском языке или на «поволжском тюрки». Более подробно сообщается о другом памятнике 642 г.х., обнаруженном Г.Ахмаровым на пороге церкви в селе Ямбухтино Тетюшского уезда. Он имел краси-

вую рельефную надпись «сульс». Уцелевшие последние две строки гласили: «Из мира 84 году (жизни) ушел. По летоисчислению в шестьсот сорок втором, 642», то есть 1244 г. н.э. (Ахмаров, 1907, с.125). На этом памятнике обращает на себя внимание двойное написание даты: словами и цифрами. Забегая вперед, отметим, что проставление даты цифрами характерно именно для ранних эпитафических памятников.

В списках болгарских надписей Петра I имеется одна эпитафия 670 г.х. (1271/1272гг.). Более подробных данных, кроме того, что эпитафия написана полностью на арабском языке, нет.

Начиная с 80-ых годов XIII столетия, установка эпитафических памятников становится обычным явлением. Подавляющее большинство надгробий конца XIII в. происходит из Болгарского городища. К концу XIII в. относятся памятники из Иски Казани (№ 70-1), Архирейской дачи близ Казани (№ 73), Ямбухтино Спасского района (№ 14-а) и 15 эпитафий из Болгар (№№ 4, 24, 25, 37, 47, 48, 51, 70, 102, 107, 114, 119, 145, 147, 148).

Памятник из Иски-Казани небольшого размера (17х35х145), остроконечной формы, примитивной обработки, без орнаментации. Шрифт простой врезанный, без знаков чтения. Его болгаро язычный текст, непропорционально размещенный на плоскости камня, состоит из десяти строк, начинающихся строкой с коранической формулой «Именем Аллаха милостивого, милосердного», и завершающихся благожелательной формулой «Да будет милость Аллаха, милостью обширною».

Памятник из Архирейской дачи близ Казани сохранился фрагментарно: отсутствуют верхняя и нижняя части. Бордюр эпитафии представляет две прямые врезанные линии. Шрифт врезанный куфи выполнен каллиграфически. Текст надписи из 10 строк. Дата 696 г.х. (1296/1297 гг.).

Памятник плохой сохранности имеется в с. Ямбухтино Спасского района Татарстана. Его размеры 17х46х99 см. Форма верхней части памятника остроконечная, орнамент не имеется. Начало и конец надписи не сохранились. Дата 690 г.х. (1291 г.).

Большим разнообразием отличаются эпитафии конца XIII столетия из Болгарского городища, разделяющиеся на 2 группы: I – памятники, надписи, которых выполнены рельефным шрифтом сульс на арабском языке, II – памятники с надписями в шрифте куфи на болгарском языке.

I группа представлена надгробиям №№ 47, 51, 70. К этой группе мы относим и несохранившиеся памятники XXXI из «Петровского списка». Памятники в основном имеют такие раз-

меры: толщина – 18-20, ширина – 45-62, длина – 158-190 см. Выделяется своей величиной камень № 145 (18х70х285 см), стоявший на могиле Сабар-илчи, дочери Бураш-бека. У четырех надгробий верхняя часть имеет прямоугольную форму со стрельчатой или килевидной аркой с плечиками. В тимпане расположена кораническая формула «Он живой, который не умирает, все живущее умрет». В двух случаях формула дана в сокращенном варианте «Он живой, который не умирает». Два памятника имеют полукруглое завершение с плечиками, но в тимпане содержат вышеотмеченную формулу.

Три камня имеют своеобразный бордюрный орнамент, состоящий из двух параллельно идущих линий, пересекающихся через определенные равные промежутки; у остальных бордюр представляет рельефную полосу шириной 3-5 см (рис. № 7-3).

Таким образом, среди памятников I группы выявляется три типа бордюрного орнамента: а) – врезанная прямая одинарная или двойная линии (рис. № 7-1); б) – рельефная или углубленная полоса (рис. № 7-2); в) – параллельно идущие рельефные полосы, пересекающиеся через равные промежутки, (рис. № 7-3). Последний тип бордюрного орнамента очень оригинален и, как нам кажется, имеет датирующее значение. Такой орнамент можно увидеть в михрабе праздничной мечети XII в. Бухары (Кочнев, 1976, рис.7), в арке мавзолея Гюлистан XII–XIII вв. из Азербайджана (Бретаницкий, 1976, рис.187), на бордюре бронзовой чаши второй половины XIII в. из Болгар (Даркевич, 1976, с.48). Близи к этому орнаменту картуши болгарских дирхемов конца XIII в. (Федоров-Давыдов, с.170, № 20). Все это позволяет утверждать, что этот вид орнамента бытовал в пределах XII–XIII вв.

Отдельные надгробия (№ 145) имеют орнаментальную полосу в виде растительного побега между основным текстом и заглавной формулой. Нет необходимости подробно останавливаться на характере этого орнамента, который широко распространен на Востоке и известен под названием «византийской ветки» или «ислими». Наиболее ранние мотивы этого орнамента мы находим в византийских изделиях XI–XII вв. (Византийское искусство, 1966, рис.134). Данный мотив появляется и в русском искусстве (История русского орнамента, 1970, табл.XXX), но наиболее широкое распространение он получает на мусульманских памятниках Средней Азии и Золотой Орды. Так, подобный орнамент мы видим на мавзолее султана Санджара XII века в Старом Мерве (Денике, 1930, рис.30), во дворце Термезских правителей (там же, рис. №№ 34, 35, 42, 43, 44, 64), на серебря-

ном кубке из Белореченского кургана (Федоров-Давыдов, 1976, рис.136), на костяных накладках колчанов золотоордынского времени (там же, рис. 148, 150), на бордюре поливной чаши из Сарай-Бату (там же, рис. № 119), на бордюре бронзовой чаши из Болгар (Даркевич, 1978, табл.48). Этот орнамент украшает бордюр некоторых эпитафических памятников XV–XVI вв. Казанского ханства (III тип) и эпитафии XVII–XIX веков Дагестана (Дебиров, 1966, рис. № 4). На болгарских памятниках крутые изгибы стебля завершаются мотивом трилистника (№ 145).

Надписи всех эпитафий I группы врезаны рельефным шрифтом сульс, хотя между ними имеются опреленные различия. Так, шрифт надписи надгробия № 51 – простой, каждая буква вырезана четко, без завитков, которым так богат сульс. Буквы ее крупные, но не очень правильные. Выделяются своей изящностью шрифты надписей памятников №№ 47, 72, 145, несомненно, выполненные одним и тем же мастером. К шрифту этих надгробий палеографический очень близок шрифт памятника из Архиерейской дачи, датированной Ш.Марджани концом XIII века. Чтение и датировка этого памятника, данные Ш. Марджани, были приняты всеми учеными, занимающимися историей Волжской Булгарии и Казанского ханства, в том числе и Г.В.Юсуповым (Юсупов, 1960, т.2). Мы также датировем этот памятник концом XIII в. и относим к болгарской школе.

Язык надписей памятников I группы – арабский, тексты их почти не отличаются друг от друга. Обращают на себя внимание даты памятников №№ 47, 51, проставленные цифрами, так же как и на надгробии из села Ямбухтино Тетюшского уезда.

Тексты памятников I группы можно подразделить на семь последовательных частей-компонентов.

1. Как обязательный элемент, приводится кораническая формула: «Он живой, который не умирает, все живущее умрет».

2. Слова, связанные с обрядом захоронения. «Это гробница» для лиц мужского пола и «этот сад» – для женских памятников.

3. Эпитеты: «скромная», «целомудренная», «благочестивая», «постница» и другие, характерные для надписей на надгробиях лиц женского пола. Надписи мужских эпитафий сопровождаются эпитетами «благородный», «великодушный», «славнейший», «благодетельный» и др. Для особо чтимых людей подбирали более изысканные эпитеты типа «источник милости», «венец женщин в обоих мирах» и тому подобное.

4. Имена, титулы, родословия покойного – Абу-Бекр, сын Мамука, сын Беркая; Ильчи Имел, дочь Исмагила, сына Махмуда, сына Мансура ал – Булгари и другие.

5. Благожелательная формула. Чаще всего встречается изречение «Да будет милость Аллаха, милостью обширною» (№ 93), реже – изречения индивидуального характера: «Да оросит всевышний Аллах его могилу, да дарует ему жилище в раю, да помилует его оставлением грехов и прощением и да вселит его в селенья райские». В тексте надгробия № 124 соединены оба изречения.

6. Слова и словосочетания, обозначающие понятие смерти:

«отдалась милости Аллаха всевышнего», «отошла к Аллаху» (№ 51).

7. Дата памятника, как правило, выражается словами (№№ 37, 70, 124), хотя есть и цифровые обозначения (№ № 47, 51).

Надгробия I группы по оформлению, размерам, характеру и содержанию текста соответствуют I стилю по классификации Н.Ф.Калинина и Г.В.Юсупова.

Эпитафии II группы, в известной мере совпадающим со II стилем по Н.Ф.Калинину и Г.В.Юсупову, можно подразделить на два типа.

К первому типу мы относим памятники №№ 24, 48, 147, 148. Их них № 48 относится к подтипу большемерных эпитафий. Его размеры 20x55x183 см, форма прямоугольная с килевидной аркой. Бордюр представляет собой рельефную полосу, а в тимпане кораническая формула «Он живой, который не умирает». Шрифт рельефный куфи. Подтип – маломерные эпитафии №№ 24, 147, 148 с врезанным шрифтом куфи имеют толщину 12-17 см и ширину 28-42 см. В связи с дефектом о длине надгробий судить трудно, однако они не были слишком большими. Маломерные эпитафии имеют простой бордюр в виде врезанных линий. На нижней части надгробия № 148 стилизованное изображение птицы (рис. 5).

Второй тип представлен надгробием № 4. Прямоугольная по форме плита размером 22x60x117 см имеет килевидную арку и бордюрный орнамент третьего типа. В тимпане трехлепестковая розетка с узкими лепестками без разделения на дольки и мотивов свастики между лепестками. Во внутреннем кружочке розетки меньшая восьмилепестковая розетка. Надпись вырезана рельефным шрифтом куфи, который отличается от традиционного куфи большинства эпитафий, написание букв «ж», «р», «з» и других сближает шрифт памятника со шрифтом куфических дирхемов IX–X вв. Орнамент

и надпись выполнены в технике стесывания пространства вне орнамента и надписи.

Структура текста памятников обоих типов II группы близка друг к другу и состоит из семи последовательных частей-компонентов:

Кораническая формула «Он живой, который не умирает» в первом типе открывает основной текст, а во втором типе – расположена в тимпане. О формуле маломерных эпитафий второго типа судить невозможно – все они дефектные.

2. Имена, титулы, эпитеты, родословия погребенного.

3. Слова, связанные с обрядом захоронения. Для первого типа соответствует слово «балу» – памятник, для второго типа «зиярат» – место погребения.

4. Благожелательная формула. Для обоих типов – «Да будет милость Аллаха, милостью обширною».

5. Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти. Для первого типа характерно словосочетание «Из мира (тленного) в мир вечности утонул (ушел)», а для второго типа – «Из мира тленного в мир вечности переселился», завершающиеся словом «хиджра». Для маломерных эпитафий второго типа характерно то же самое словосочетание, только на памятнике № 24 данная группа выделяется выражением «умер» без слова «хиджра».

6. Слова, связанные с календарем. Словами обозначаются год, месяц и дни месяца, редко дни недели.

7. Благочестивое изречение – встречается в надписи немногих памятников. На памятнике № 48 врезано изречение «Смерть – врата и все люди войдут в них», восходящее к арабскому поэту Абу ал Атахии (род. 748 – умер 825–827 гг.) На памятнике № 148 имеется более простое изречение в форме «Да помилует Аллах».

Надгробия конца XIII века составляют последовательное целое с памятниками I половины XIV века, однако у первых проявляется больше индивидуальных черт, которые в дальнейшем или развиваются, или исчезают. К ним можно отнести бордюрный орнамент 3-го типа, полукруглое завершение верхней части со сквозными плечиками, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра». Надписи эпитафий XIII века дают еще одно интересное соотношение: более половины всех эпитафий относятся к первой группе и написаны на арабском языке.

В XIV веке традиция установки надгробий в Булгарском улусе продолжается. По-прежнему крупнейшим центром их сооружения остается город Болгар. Отсюда нам известно 32 целых датированных эпитафических памятников

XIV в. Включая «список Петра» их количество значительно больше. Самый ранний из которых относится к 700/1300 году, позднейший датируется 749 г.х. (1350/51 гг.). Из Болгар также происходит значительное количество фрагментарно сохранившихся эпитафий, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV века. Надгробия, оформленные в традициях болгарской школы, получают широкое распространение и в других районах Булгарского улуса, особенно на волжском правобережье.

Показательно, что надгробия первой половины XIV в. сохраняют полную преемственность с надгробиями XIII века как типологически, так и структурно. Выделяются практически те же группы.

Надгробия I группы, число которых достигает 32, по размерам не отличаются от памятников XIII столетия: толщина – 18-20 см, ширина – 50-62 см, длина – 210-271 см. Среди эпитафий этой группы встречаются маломерные (№№ 1, 145) и достигающие значительных размеров, толщиной 24-30 см, шириной 68-78 см (№№ 64, 67, 74). Однако из-за неполной сохранности длину таких памятников установить трудно, пропорционально предыдущим размерам она должна достигать трех метров и более.

Форма верхней части надгробий прямоугольная, реже скошенная (№ 9), со стрельчатыми или килевидными арками, с плечиками, образовавшимися стесыванием пространства вне арки. Три памятника (№№ 1, 37, 115) имеют полукруглый верх со сквозными плечиками без арок. Надгробия этого типа редки, широкое распространение они получили только в XIX веке.

Для памятников I группы характерна простота оформления. Из их орнаментации нужно отметить виноградную лозу, отделяющую основной текст от заглавной формулы (№№ 14, 46, 92, 96). На памятнике № 74 она заменена широкой рельефной полосой.

Бордюры большинства камней представляет собой рельефную полосу. Памятник № 37 имеет бордюрный орнамент 3-го типа. Интересен памятник № 71, в котором сочетается растительный побег с орнаментом 3-го типа (рис. 7). Подобное оформление бордюра получает широкое распространение только с XVI века. Боковые части у надгробия №№ 56, 71 украшены геометрическим орнаментом, состоящим из ряда ромбиков, пересеченных параллельными линиями, которые разделяют их на более мелкие треугольники. Внутренняя часть треугольников выбрана. Продолжением традиции подобного орнамента можно считать бордюрное украшение эпитафии XV века из Тат. Ходяшева (рис. 11). Подобный орнамент, в стиле выемча-

той резьбы, встречается в деревянной резьбе казанских татар, например, на столбе ворот села Бахтияр Арского района Республики Татарстан (Валеев, 1975, с.34, рис.17).

Текст памятников I группы вырезан рельефным почерком сульс. У большинства из них шрифт ясно читаемый, буквы четкие, отдельные, и только у некоторых (№№ 56, 57, 72), отличающихся своей величиной и монументальностью, шрифт переходит в изящную арабскую вязь. Из этой среды только камень № 1 выделяется своим врезанным куфическим шрифтом. Небольшая закругленность углов, наличие диакрических знаков сближает его с надгробиями II группы.

К надгробиям, выполненным в традиции болгарской школы, мы относим эпитафии из Байтерякова (№№ 3, 5), Ямбухтино (№ 5), Матвеевки (№ 1), Больших Тархан (№ 1), Больших Атрыс (№ 13), два памятника из фондов Национального музея Республики Татарстан.

По оформлению и каллиграфии они тождественны памятникам Болгара. Из локальных особенностей можно указать на врезанный куфический шрифт надписи памятника из Б.Тархан и орнаментацию пространства вне арки эпитафии из Национального Музея РТ.

По структуре текста и языку памятники I группы подразделяются на три типа:

1 тип – надгробия с надписями, выполненными полностью на арабском языке – №№ 1, 9, 14, 19, 21, 37, 47, 59, 63, 67, 70, 71, 74, 96 из Болгар, №№ XXXIV, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XI, X, X, X, IV из Болгар по «Петровскому списку», а также памятники из Матвеевки, Ямбухтина и один камень из НМ РТ. Этот тип по структуре текста продолжает традиции XIII века. Незначительные различия появляются в шестом компоненте текста, где употребляется слово «умер», но нередко эта часть вообще отсутствует. В XIV веке появляется восьмой компонент текста – слова с благочестивым изречением.

2 тип – надгробия с надписями на тюркском литературном языке с поэтическими эпитетами. Всего известно пять памятников этого типа: Болгары (№№ 103, 117, 124). А так же из Чистополя и Б.Тархан (№ 1). Последняя эпитафия выделяется своим куфическим шрифтом.

В структуре текста первый компонент эпитафий второго типа такой же, как у памятников 1 типа. Вторая часть отсутствует. Отличительной чертой памятника 2 типа является употребление в надписях своеобразных поэтических эпитетов: «краса молодцов», «сердце сердец», «почитатель ученых», «сирот, вдов, бедных кормилец» (№ 103). Тексты других эпитафий по смыслу повторяют это. Четвертая часть текста заверша-

ется словами, связанными с местом захоронения (зияраты торур), соответствующим 2 части надписи 1 типа. Пятый компонент представлен известной формулой «Да благословить Аллах». Шестая часть на памятнике № 103 отсутствует, а у эпитафии № 117 она перекликается с текстом памятников II группы – «мир (бранный) покинув, в дворец вечности перешел». Дата памятников 2 типа, как и в 1 типе, без указания дней месяца и дней недели. Коранические благочестивые изречения на арабском языке отмечены лишь в надписи у памятника № 124.

К 3 типу относятся памятники из Болгар – №№ 108, 123, №№ XXV, XXVIII «Петровского списка», Большие Атрысы № 17, Бейтеряково №№ 3, 5 и один памятник из Казанского музея. Третий тип объединяет в надписях характерные черты обоих первых типов: первый, второй, третий компоненты в структуре текста, как у памятников 1 типа, пятая, шестая, седьмая части совпадают с надписями памятников 2 типа, восьмой компонент текста в 3 типе отсутствует. Некоторые памятники первой группы имеют рельефную надпись на боковых сторонах (№№ 21, 63, 64, 67 и другие). Это, обычно, известное двустишие на арабском и тюркском языках: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое».

Надгробия II группы в первой половине XIV века сохраняются и продолжают развиваться в трех типах, оформленных еще в XIII веке.

Первый тип. Среди надгробий 1 типа мы выделяем 2 подтипа: подтип «А» – памятники с формулой «Он живой, который не умирает» и подтип «Б» – памятники с формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего», и «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» в тимпане.

Некоторые памятники этого типа имеют орнаментальную полосу между заглавной формулой и основным текстом (Болгары, №№ 6, 56, 58, 60, 83). Нужно особо отметить орнаментальную полосу болгарского камня № 75, которая частично близка к бордюроному орнаменту 3 типа и является его упрощенным вариантом, хотя он встречается и самостоятельно. В качестве примера можно назвать арку из села Хаджи-Торбашлы в Азербайджане и мечети Намазга в Бухаре (Кочнев, 1976, рис.7).

Бордюр орнаментальной арки надгробий оформлен рельефной полосой. Орнамент между основным текстом и тимпаном представляет собой виноградную лозу более или менее реалистичной формы, у камня № 58 из Болгар он имеет форму широкой рельефной полосы.

Надгробие № 6 из Болгар орнаментировано с оборотной стороны в виде круга, в который

вписаны четыре полукруглые полосы, пересекающиеся в центре. Между кругом и полосой имеются треугольники (рис. 6).

Многие Болгарские надгробия 1 типа (№№ 36, 41, 44, 51, 60, 66) имеют надписи на боковых частях. Текст надписи представляет собой заплетенные в рамки формулы: «Смерть тебе известит о сроке, а могила есть предел деяний» и «Самый терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает без ранее определенного срока». Надпись расположена или во всю длину камня в одной строке (Болгары, №№ 38, 41, 46, 40, 60), или на двух строках в середине боковой части (Болгары, №№ 44, 61, 66).

У камня № 58 из Болгар боковая надпись представляет собой дату – «семьсот сорок девятый год... мухаррам...» Надпись на лицевой стороне полностью не сохранилась, но можно с уверенностью сказать, что боковая надпись является продолжением основного текста. По расположению текста видно, что боковые надписи состоят из даты, а для имени покойного места на камне совершенно не остается.

К подтипу «А» относится большинство болгарских эпитафий «Петровского списка» с датой «по летоисчислению семьсот» и коранической формулой «Он живой, который не умирает» (№№ I, III, V, VI, X, XIV, XV, XVI, XX и XXIII), а также надгробия из Б.Атрясы (№№ 1, 5, 9, 15), Архангельское (№ 1), Тяжбердино (№ 2), Б.Шемякино, Ст. Ромашкино (№ 5).

Наиболее полное сходство с памятниками г. Болгара имеют эпитафии из Архангельска Ульяновской области, Тяжбердино Алькеевского района РТ, для надписи которых характерно своеобразное соединение лигатуры с палками «алифа», которые Г.В.Юсуповым были приняты за пальметту (Юсупов, 1960, с.63).

К подтипу «Б» относятся надгробия №№ 17, 85, 104 из Болгара, Байтерякова, Ошняка, Байгычева и др., которые по оформлению очень близки к подтипу «А», но бордюр этих надгробий имеет форму рельефной или врезанной полосы. У надгробия 703 г.х. (1303–1304 гг.) из Б.Атрясы мы видим орнамент третьего типа.

2-й тип – памятники с розеткой в тимпане. Тексты этого типа начинаются с формулы «Суд Аллаха великого, всевышнего». К этому типу относятся надгробия из Болгар №№ 10, 49, 50, 54, 86, 113 и другие. Кроме того, по наличию заглавной формулы сюда нужно отнести болгарские памятники №№ IV и VIII «Петровского списка». Надгробие № 50 на обратной стороне имеет орнамент, как у памятника № 6, и трудночитаемую надпись, выполненную шрифтом врезанным куфи. Бордюр памятников 2-го типа

состоит из двух полос и надписи, выполненной рельефно или врезанно.

На двух камнях 2-го типа основной текст начинается с формулы «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Розетки надгробий этого типа в основном восьмилепестковые. Широкие лепестки разделены на две дольки; во внутреннем кружочке изображение розетки или изображение креста. Во внутреннем кружочке розетки памятника № 22 видна шестилепестковая розетка, по исполнению не отличающаяся от наружной.

Особняком стоят два надгробия с розеткой на обеих сторонах. Первое (№ 13) имеет остроконечный верх и полукруглую арку, что для болгарских эпиграфических памятников явление редкое. Розетки верхней части на лицевой и оборотной сторонах одинаковые. Их внутреннее поле составляет восьмилепестковая розетка с точками на лепестках (рис. 2).

Второй памятник (№ 42) с остроконечным верхом имеет бордюрный орнамент 3 типа. Розетка рельефная, с узкими лепестками, разделенными на две дольки рельефной полосой. Между лепестками и в центральном кружочке расположен орнамент, представляющий собой разновидность свастики. Подобная розетка и на оборотной стороне памятника (рис. 2).

Несколько отличается изображение розетки на надгробиях из Кармалы, Б.Нырсы, Ст. Кишита, в которых появляются черты многолепестковой розетки-солнца. Памятник из Б.Атрясы (№ 16) имеет подобную орнаментацию и на обратной стороне, что сближает его с надгробиями из Болгар (№№ 13, 50).

Второй тип среди памятников II группы Болгарского округа получает широкое распространение. К этому типу, кроме обозначенных выше болгарских камней, относятся эпитафии из Ст. Казеева (№№ 1, 2), М.Кайбиц, Кульгун (№ 1), Б.Атряс (№№ 2, 4, 7, 8, 10, 11, 16), Ст. Челнов, Сухих Курналей (№№ 1, 2), Чув. Елтани, Ямбухтина (№№ 2, 4, 5), С. Балыкуля (№ 4), Тат. Бурнаева, Б. Тархан, Тетюш, Урюма, Шамбулахчы, Салтыганова (№ 2), Тяжбердино (№№ 1, 4) и некоторые другие.

Форма верхней части этих надгробий прямоугольная, но у некоторых – Б. Кибя-Кози, Б.Ошняк, Б.Атрясы (№ 16) – отмечается небольшая закругленность углов, зарегистрирована одна ломаная арка (Ст. Ромашкино № 1). У всех памятников надписи выполнены врезанным шрифтом, кроме надписей двух эпитафий (Ямбухтино № 4, Салтыганово № 2).

Орнаментация и оформление эпитафий полностью совпадают с оформлением памятников Бол-

гара, кроме выполнения внутреннего кружочка розетки, где отмечаются небольшие расхождения.

В XIV веке появляется новый тип эпитафий с различным оформлением заглавной формулы и основного текста (Болгары, №№ 3, 57). Заглавная формула №№ 3, 106 оформлена рельефным шрифтом сульс, а основной текст – рельефным куфи, у памятника № 57 – соответственно, рельефным куфи и врезанным куфи.

Своеобразно оформление камня № 3 из Болгар. Верхняя часть и арка эпитафии шестигранная, основной текст от тимпана отделен узкой рельефной полосой. Тимпан украшен двумя сердцевидными фигурками с отростками. Подобными виньетками украшались и картуши болгарских монет конца XIII века. Текст полностью не восстанавливается, но в начале текста читаются три коранические формулы, что на памятниках Болгарского округа встречается впервые.

К третьему типу относятся еще два надгробия – из Тат. Калмаюра (№ 2) и Старого Балыкуля (№ 5), оформленные рельефным куфи (заглавная формула) и врезанным куфи (основной текст). Первый памятник выделяется своеобразным орнаментом, состоящим из четырех розеток, расположенных по четырем углам арки. Основной текст от нижней части камня отделяется врезанной полосой с тремя треугольниками. Наиболее близкими их аналогами можно считать надгробия из М. Кайбиц и Ст. Ромашкино (№ 4), однако на последней розетки расположены на нижней части надписи. Циркульный орнамент на оборотной стороне эпитафии из М.Кайбиц, близкий к Болгарскому.

Немногочисленны памятники 4 типа с полукруглым верхом, без арки и без даты (Болгары, №№ 29, 32, Ст. Балыкуль № 2 и Правая Волга). Эти памятники плохой обработки, но орнаментированы, тексты начинаются с формулы «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь».

Тексты памятников II группы более или менее близки друг к другу. В XIV веке сохраняются те же самые компоненты текста, что и в XIII веке (приложение 4).

1. Кораническая формула в большинстве случаев (Болгары, № 17, 48, 76 и многие другие) расположена в тимпане, а на эпитафиях 2 типа открывает основной текст. Если заглавная формула берется без сокращений или употребляется несколько формул (Болгары, №№ 3, 6, 55), то в тимпане размещается только первая часть формулы или одна из формул. Вероятно, здесь учитывалось и то, что заглавная формула носила еще и декоративную функцию.

2. Имена, титулы, термины родства. Данный компонент может быть небольшим (Болгары, №56) или за счет перечисления родословий до

девятого поколения, может достигать значительных размеров (Болгары, IX). Арабские слова здесь не употребляются, как исключение можно указать на надгробие из Болгар (№ 110), где к имени покойного прибавлены два эпитета на арабском языке, «гафифатун, захидатун», принятые Г.В.Юсуповым за сложное имя (Юсупов, 1967, с.10-11).

3. Слова, связанные с обрядом захоронения. В третьей части употребляются оба термина – «памятник» и «место захоронения». Точной дифференциации по типам не отмечено, установлено лишь то, что первый из них применяется значительно реже. На памятнике № 29 четвертого типа эта группа обозначена словом «битик» – надпись. Этот памятник выделяется среди остальных вертикальным расположением строк.

4. Благожелательная формула «Да будет милость Аллаха милостью обширною» употребляется во всех памятниках, кроме нескольких маломерных (Болгары, № 32).

5. В пятой части употребляются выражения «умер», «из мира тленного в мир вечности переселился», «из мира переселился». Имеются эпитафии без этих надписей (Болгары, №№ 17, 149, 150)

6. Дата. Компонент, как у памятников XIII века.

7. Благочестивое изречение. Здесь встречается формула «Смерть есть врата и все люди войдут в них» (Болгары, №№ 48, 56).

Разбор текстов памятников II группы показывает, что существовал определенный трафаретный текст, который в обязательном порядке употреблялся мастером-резчиком. Структурные компоненты текста расположены в определенном порядке, нарушение их порядка не замечено. Так, 1-я, 2-я и 3-я части отмечены у всех типов, 4-я часть, за редким исключением, употребляется у всех типов. Редко употребляется 7-я часть.

Значительный интерес представляют памятники с надписью на оборотной стороне, из Болгар (№№ 6, 11, 12, 50, 60, 84, 106, 114, 117).

К сожалению, вышеуказанные эпитафии с дефектами и полная дешифровка их надписей не представляется возможным. Из них №№ 114, 117 являются повторением эпитафии лицевой стороны. На памятнике № 114 на лицевой стороне удается прочитать отдельные слова на 2-ой строке – «эта гробница», на 3-ей строке – «Юнус йувари». Надпись на оборотной стороне состоит из 12 строк.

Заглавная формула

1. венец
2. сын.. йувари...
3. Юнус йувари памятник. Да будет милость
4. Аллаха (над ним) милостью обширною ...
5. год

6. год
7. по летоисчислению шестьсот восемьдесят шестого
8. года, месяца рабиуль-аувал, двадцать пятого дня
9. дня, день крови было
10. (и кто) три раза «Кулхуаллах»...
11.Да помилует Аллах.

На памятнике № 117 на лицевой стороне сохранилась на первой строке кораническая формула «Он живой, который не умирает, все живущее умрет». На 2 строке начало эпитета «Краса молодцов, сердце сердец...».

На обороте текст состоит из шести строк.

1. Суд Аллаха великого, всевышнего...
2. сын хум...
3. место погребения.

Таким образом, на обоих текстах, есть все компоненты, характерные эпитафиям: заглавная формула, имя, титулы погребенного человека, благожелательная формула, дата и другие. Упоминание имени Юнуса Булгари на обеих сторонах камня № 114 и наличие всех компонентов эпитафии говорит о том, что эта эпитафия – повторение арабского текста лицевой стороны «поволжским тюрки» (№ 117) и на болгарском (№ 114).

Аналогичный памятник с полностью сохранившимся текстом происходит из Тат. Шапкино.

Фрагментарно сохранившиеся тексты оборотной стороны памятников №№ 6, 50, 60 состоят из шести строк, а 10-строчная надпись памятника № 106 гласит:

1. Суд Аллаха великого, всевышнего...
2. Кто погребенному...
3. Хум, погибшего за веру,
4. один раз пожелает и (прочтет)
5. Кулхуаллах
6. получит милость Аллаха ...
- 7–10. ...

Таким образом, эти надписи являются надписями – посвящениями.

На оборотной стороне эпитафии № 11 такое посвящение получает конкретного адресата.

Фрагментированный текст лицевой стороны эпитафия гласит:

1. Он (живой, который не умирает)
2. Мухаммад хум, (его)
3. сын Рамак, (его дочь)
4. Хажы Малик, (ее) мес (то погребения)
5. Да будет милость Аллаха
6.

Оборотная сторона текста состоит из пяти строк:

1. Рамак хум Хажы –
2. Малик. Тому, кто один раз (прочтет) Кул-
3. хуаллах и вечная ...

4. будет милость Аллаха

5. всем.

Здесь приводится конкретное имя человека, в память которого надо произнести молитву. Подобная надпись не является исключением. На одном из памятников из Старое Ромашкино читаем: «Аллах пожелает, и он придет, кто увидит, прочтет суру Фатиха». Данная традиция сохраняется среди татар-мусульман и сегодня. При посещении места погребения рекомендуется прочитать три раза первую суру Корана – Фатиха (Алхам) и один раз 112 суру – Ихлас (Кулхуаллах).

Таким образом, среди памятников I половины XIV века Болгарского округа выделяются 3 группы.

Первая группа – памятники с прямоугольным и полукруглым верхом, со стрельчатой или килевидной аркой, с плечиками и с формулой в тимпане, выполненной рельефным почерком «сульс» на арабском языке или же на литературном языке Золотой Орды – «поволжский тюрки». По структуре текста и языку эти памятники разделяются на три типа:

- 1) памятники на арабском языке;
- 2) эпитафии на тюркском литературном языке с поэтическими эпитетами;
- 3) памятники смешанного (арабский и татарский языки) оформления.

Ко второй группе относятся памятники с прямоугольным, килевидным или полукруглым верхом, выполненные почерком куфи на болгарском языке. По наличию или заполнению тимпана и структуры текста эпитафии данной группы подразделяется на 4 типа:

1 тип – эпитафии с формулой в тимпане, который, в свою очередь, имеет 2 подтипа: подтип А – эпитафии с формулой «Он (Аллах) живой, который не умирает» в тимпане и подтип Б – эпитафии с формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» и «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь».

2 тип – памятники с розеткой в тимпане и с формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» на первой строке. По размеру они разделяются на 2 вида: 1) памятники большого размера; 2) маломерные памятники с сокращенным вариантом текста.

3 тип – памятники с прямоугольным верхом, со стрельчатой аркой и формулой в тимпане, с различным употреблением шрифтов в заглавной формуле и в основном тексте.

4 тип – памятники с полукруглым верхом без тимпана и даты; первая строка начинается с формулы «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь».

В тексте памятников второй группы существенных различий нет. Среди них преоблада-

ют 1 и 2 типы, 3 и 4 типы в Булгарском округе не получили широкого распространения. Характерной чертой памятников Булгарского округа является наличие стрельчатой или килевидной арки с плечиками. Арки преимущественно крутые, стрела подъема равняется 3:4, 1:4, 3:5. По одному случаю зарегистрированы полукруглая (№ 14) и восьмигранная (№ 12) арки. Только пять памятников 4 типа не имеют арки. Форма верхней части подавляющего большинства памятников прямоугольная. Лишь у одного памятника второй группы (№ 29) имеется полукруглое завершение. Как исключение среди памятников второй группы встречаются памятники с остроконечным (№ 42), скошенным (№ 13) и шестигранным (№ 3) верхами.

Другим характерным признаком эпитафий Булгарского округа является наличие заглавных коранических формул: «Он живой, который не умирает» и «Суд Аллаха великого, всевышнего». В надписях 155 памятников удалось восстановить заглавную формулу. Из них первая формула встречается в 95 случаях, вторая – в 51 случаях. В 9 случаях встречается формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Среди памятников города Болгара доля первой формулы очень высока – в 68 случаях. Интересно отметить, что все памятники I группы начинаются с этой формулы.

Наличие в Болгарах особой школы или традиций по изготовлению эпитафий было отмечено еще А.Т.Тагирджановым. Однако трудно представить, что все надгробия по обоим берегам Волги и даже некоторые памятники из Кирменского кладбища являются работой одной школы г. Болгара, может быть, даже одного или двух мастеров – отца и сына (Тагирджанов, 1970, с.55). Наиболее ранние научно описанные эпитафические памятники Булгарского округа, датировка которых не вызывает сомнения, относятся к 642, 670, 681 г.х. (1244, 1271, 1282 гг.). Самая поздняя эпитафия Булгарского округа относится к 749 и 757 г.х. (1348 и 1356 гг.). Таким образом, общий хронологический диапазон традиции установки камней составляет более 115 лет. 70 процентов выявленных надгробий хронологически относятся к 20-30 годам XIV столетия. В настоящее время зарегистрировано около 400 булгарских эпитафических памятников, около 300 из которых обнаружены в Булгарском округе. Все это не позволяет говорить только о двух мастерах – отце и сыне. Вероятно, существовало несколько школ по изготовлению эпитафий, и не только в Болгарах. Следует говорить о наличии в Болгарах специальной мастерской по изготовлению надгробий в XIII–XIV вв. Наличие такой мастерской подтверждают

сохранившиеся заготовки, по которым можно судить о процессе их изготовления. Камень для памятников, очевидно, добывали на правой стороне Волги. Бесспорно то, что архитектурные памятники Болгара построены из этого камня. В карьере вырезали камни в форме плоского параллелепипеда и доставляли в Болгары к мастеру-резчику. На нижней части двух заготовок (Болгары, № 3) имеется тамга в виде трезубца, вероятно, знак мастера. Подобный знак известен и на керамическом материале Болгар. Тамга могла наноситься мастером и по просьбе заказчика. В мастерской камень проходил вторичную обработку, намечались и вырезались арки, подготавливалась площадь для письма и нижняя часть для установки памятника. Далее поверхность камня, предназначенного для письма и орнамента, шлифовали и острым предметом вырезали орнамент и буквы, а затем промежутки между буквами выбирались. Часть памятников изготовлена иным способом: буквы и орнамент вырезались на ровной поверхности, то есть имели углубленный характер.

Наряду с красивым каллиграфическим шрифтом сульс или куфи даже в Болгарах имеются довольно небрежно изготовленные памятники с некаллиграфическим, врезанным шрифтом. (№ 33). Подобный шрифт получает широкое распространение на всей территории обнаружения эпитафических памятников, но особенно в Джукетауском округе.

Разнообразная орнаментация и каллиграфия, большая трудоемкая работа по изготовлению эпитафий говорят о существовании в Болгарах специальных мастерских по изготовлению эпитафий с цеховым разделением труда. Первичную обработку камня, высечку арки с плечиками, шлифовку плиты и другие работы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, выполняли подмастерья. Работа мастера, по нашему мнению, начиналась с вычерчивания строк и букв, следы которых четко прослеживаются на многих памятниках. Можно полагать, что резчики эпитафий занимались не только изготовлением памятников, но и принимали деятельное участие в архитектурной резьбе по камню. Использование одинаковой меры длины – локтя, равной 40 см, стрельчатой арки, наличие надписи на архитектурных памятниках являются косвенными свидетельствами того, что высококачественная резьба по камню и в архитектуре, и на эпитафиях – произведение одних и тех же мастерских. Это подтверждается наличием брака. Камень при высечке плечиков дал трещину и был использован при изготовлении небольших архитектурных деталей в форме розеток (Болгары № 139,140). Об этом же свидетельствуют находение обра-

ботанной плиты под размер эпитафий при вскрытии основания Большого минарета (№ 168).

Наличие больших мастерских ни в коем случае не говорит о том, что все эпитафии изготовлялись только в этих мастерских. Некоторые небрежно изготовленные надгробия, например из Болгар (№ 33), свидетельствует о том, что, кроме мастеров-резчиков, имелись люди, знающие грамоту и камнерезное дело, возможно, последние в домашней обстановке и за небольшую цену вырезали эпитафии. Такие эпитафии можно рассматривать как работу подмастерьев для себя, подобно гончарам, которые для домашнего пользования изготавливали лепную керамику даже в XII–XIII веках, когда в производство прочно вошел ножной круг. Поэтому не было необходимости заказывать эпитафии в Болгарах, такие люди вполне могли быть на местах. Например, в селах Северного Предволжья, где отмечается некоторое своеобразие па-

мятников, хотя они, по всем признакам, несомненно, являются памятниками болгарской школы. То же самое можно сказать о памятниках из Батраков, Муранского могильника, расположенных в значительном отдалении от Болгар.

Болгарские эпитафии на севере Закавказья, некоторые надгробия Тат. Калмаюра, Иске – Рязяпа, Ямбухтина и другие, относящиеся к Болгарской школе, несомненно, выполнены мастерами на местах. Эти мастера, получившие навыки резьбы по камню в Болгарах, продолжали эти традиции на периферии. С этой точки зрения интересно наличие эпитафий Болгарской школы в Чишминском районе Башкортостана. Если в первом случае мы видим работу местных мастеров, то в последнем – работу мастера из Болгар. Наличие архитектурных памятников – мавзолеев и отсутствие других эпитафий подобного типа в округе являются тому доказательством.

Кирменско-Джукетауский округ

Кирменско-Джукетауский округ охватывает земли в Закамье междуречья Малого Черемшана и Зая в Предкамье, к востоку по линии рек Ошняк, среднее течение Мешки до реки Вятки (карта 1). Наибольшая концентрация памятников отмечается в районах крупных болгарских городов Джукетау и Кирменчук, Тубулгутау и у села Старое Ромашкино. На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями.

Некоторое своеобразие в орнаментации и оформлении эпиграфических памятников этого региона было отмечено еще Г.В.Юсуповым (Юсупов, 1960, с.62) и Ф.Х.Валеевым (Валеев, 1975, с.157). Ф.Х.Валеев выделял их как второй тип и связывал с периферийными по отношению к Болгарам районами Волжско-Камской Булгарии. Однако в его работе нет характеристики памятников и выделения своеобразия эпитафий этого района от общей массы болгаро-татарских эпиграфических памятников.

Надгробные камни XIV в. Кирменско-Джукетауского округа имеют форму плоского параллелепипеда с чуть закругленными верхними углами, как правило, богато орнаментированы. Многие эпитафии этого района без арки, а у имеющих арки она приземистая, крутизна подъема которых равняется 2:1. Почерк надписей эпитафий с элементами «куфи» и «наسخ». Некоторые надписи А.Б.Булатов считал возможным отнести к стилю «шикасте» (Булатов, 1967, с.210). Язык подавляющего большинства надписей – болгарский.

По своему оформлению, языку и структуре текста памятники Кирменско-Джукетауского

округа разделяются на две группы:

Первая группа – эпитафии с надписями на арабском и на «поволжском тюрки» языках и вторая группа – эпитафии с богатой и разнообразной орнаментацией и с надписью на болгарском языке.

Наиболее широкое распространение, во всем многообразии типов, в округе имеют памятники второй группы (около 95 процентов всех памятников). К тому же многие памятники первой группы по своему оформлению и почерку очень близки памятникам второй группы. Поэтому, для лучшего понимания эпитафий этого региона, описание памятников считаем нужным начать, со второй группы.

Среди эпиграфических памятников второй группы выделяются три типа:

1 тип – эпитафии с трехчастной композицией в тимпане и формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» на первой строке;

2 тип – памятники без арки, с многолепестковой розеткой в верхней части;

3 тип – памятники без орнаментации и без даты.

Первый тип включает памятники Ст. Ромашкино (№№ 2, 3, 4, 5), Ст. Сауруши (№№ 1, 2), Новое Демкино (№№ 1, 2, 3), Барское Енарускино (№№ 2, 3, 4, 5). Формы верхней части их прямоугольные, арки приземистые. По сравнению с Болгарским округом отмечается некоторое увеличение толщины (до 31 см) и ширины (до 72 см) памятников.

Орнаментация верхней части памятников первого типа состоит из двух маленьких и од-

ной большой розеток: центральной, состоящей из нескольких кругов, и ломаной линии между кругами, и двух боковых, состоящих из радикальных линий (рис. 4). Орнамент памятников из Старого Ромашкино, кроме № 4, представляет собой многолепестковую розетку в двойном круге (рис. 3). Возможно, здесь отражается многолепестковая полевая ромашка, которая характерна для византийско-восточного орнамента XI-XIV вв. Изображение подобных розеток имеется на ковше из Византии (Византийское искусство, 1966, рис. 69) на золотоордынской поливной керамике и на многочисленных бронзовых и золотых изделиях из Болгар (Федоров-Давыдов, 1976, рис. № 107, 108, 112). На памятнике № 4 изображен вышеупомянутый орнамент, а две маленькие розетки расположены на нижней части надписи. Подобные розетки украшают также нижнюю часть надгробия из Н. Демкино (№ 2), Ст. Ромашкино, Болгары (№ 10).

Некоторые памятники этого типа – Ст. Ромашкино (№№ 2, 4), Н. Демкино (№№ 1, 2), Илдеряково (№ 3) – отмечены орнаментальной полосой между основным текстом и тимпаном. В отличие от памятников Болгарского округа, где орнаментальная полоса, состоящая из растительного побега, во всех случаях одинакова, здесь нет определенного выработанного рисунка, хотя все эти полосы состоят из мотива завитков и треугольников. Бордюр памятников представляет рельефную полосу. Кроме памятников из Н. Демкино, надписи всех эпитафий вырезаны простым рельефным шрифтом отдаленно напоминающий «наск». Пространство вне арки, кроме одного случая, где оно представляет волнистую линию, не орнаментировано. По характеру надписи, наличию приземистой арки и орнаментальной полосы к этому типу нужно отнести и эпитафию из Ново-Чувашского Адама, хотя по заполнению арки она отличается от первых.

Ко второму типу мы относим памятники из Ошняка (№ 2), Ст. Ромашкино (№ 2), Тат. Кирмени (№№ 2, 5, 6, 8), Н. Яки (№№ 1, 2, 3), Сухие Курнали (№ 3) и некоторые другие. Орнамент верхней части эпитафий из Ст. Балыкуля (№ 1), Ст. Ромашкино (№ 2), Н. Яки (№ 1) напоминает ромашку. Своеобразен орнамент, представляющий собой две розетки с ромбовидными лепестками, наложенными друг на друга в двойном круге. Близок к этому орнамент надгробия № 3 из Н. Яки. Подобная розетка встречается в орнаментации среднеазиатских изделий, в частности, на серебряной чаше из Афрасиаба (Даркевич, 1978, табл.16). Интересен орнамент памятников из окрестностей Кирменского городища – многолепестковая розетка в двойном круге. В большинстве случаев пространство

между двумя кругами не орнаментировано (Кирмени, №№ 6, 7, 8), на эпитафии № 2 оно заполнено ломаной линией. Подобную орнаментацию имеет также эпитафия № 3 из села Нижние Яки, но внутренний кружочек последней представляет собой самостоятельную розетку.

Орнамент «солнце» без внутреннего кружочка встречается на поливной керамике золотоордынского времени, например, на фрагменте чаши из Сарая-Бату (Селитренного), (Юсупов, 1960, с.66).

Розетки памятников Тат. Кирмени (№ 5), Сухие Курнали (№ 3) очень примитивного исполнения. Эпитафии второго типа без традиционной арки не имеют бордюрных и других орнаментов. Лишь надгробие № 6 из окрестностей Кирменского городища имеет примитивную арку и бордюрное украшение, что сближает его с надгробиями третьего типа Болгарского округа. Г.В.Юсупов описывает этот орнамент как «цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками», и отмечает как наиболее близкие аналоги бордюры надгробий села Моштаги Азербайджанской ССР, не упоминая третьего типа камней Болгарского округа (Юсупов, 1960, с.66).

Надгробия третьего типа с полукруглым или остроконечным верхом без орнаментации соответствуют четвертому типу эпитафий Болгарского округа. К третьему типу мы относим надгробия из села Ст. Ромашкино (№ 10), Тат. Кирмени (№№ 1, 3, 4), Нижней Яки (№№ 4, 5), Клятлы, Подлесная Шентала, Старое Ибрайкино, В. Кибя-Кози. Они небольшого размера: толщина 17-18 см, ширина 31-46 см, длина 75-90 см. У некоторых памятников этого типа (Ст. Ибрайкино) толщина достигает 27 см.

Шрифт эпитафий – врезанный, некаллиграфический, переходящий в скоропись, резко отличается от шрифтов памятников Болгарского округа.

По структуре текста и языку памятники Кирменско-Джукетауского округа имеют существенные различия, хотя в тексте памятников мы находим те же лексические части (приложение 4). Характерной чертой памятников этого региона является отсутствие заглавной формулы в тимпане, поэтому коранические формулы открывают основной текст эпитафии. Чаще всего встречается формула «Суд Аллаха великого, всевышнего» (29 памятников). В надписях, кроме вышеуказанной формулы встречаются и такие формулы: «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» – на 8 памятниках и «Смерть есть врата и все люди войдут в них» (Ошняк, № 2; Ст. Ромашкино, № 2).

Формула «Он живой, который не умирает» встречается только в семи случаях. Эти надгробия имеют сверху приземистую арку. Они (Ново-Чувашский Адам, Таутермен, Измя и некоторые другие) топографически расположены на границе двух округов. В силу этого в них сочетаются характерные черты Болгарского и Кирменско-Джукетауского округов. В некоторых случаях (Урмандеево, Новое Демкино № 3, Ишалкино) на таких камнях встречается и перефразировка вышеуказанной формулы.

Большинство памятников Кирменско-Джукетауского округа имеет по 2-3 коранические формулы, часто на втором месте стоят формулы «Каждая душа вкусит смерть» (на 7 памятниках) и «Именем бога милостивого, милосердного» (на 6 памятниках).

Второй компонент текста занимает небольшое место, особенно во 2 и 3 типах. Например, Муса сын Бахши (Старое Ромашкино), Белах сын Хасана (Нижние Яки) и другие. Родословия и титулы погребенного, в отличие от эпитафий Болгара, где родословная перечисляется до 9 колена, приводятся редко.

Третья текстологическая часть в 1 и 2 типах представлена обоими терминами «зиярат» – место погребения или «балук» – памятник, а в 3 типе употребляется только последний термин.

Четвертый компонент, как и в Болгарском округе, представляет благожелательную формулу «Да будет милость Аллаха, милостью обширной», однако в ее написании имеются различия: (Кирмени, № 6), (Ниж. Яки, № 5), (Ст. Ромашкино). Обычно этой четвертой частью завершаются эпитафии 3 типа.

В силу этого пятый компонент в 3 типе отсутствует. Отсутствует он и в надписи большинства памятников 1-2 типов. Этот компонент имеется лишь в надписях наиболее пышно оформленных и массивных надгробий в виде термина «умер».

Шестая часть текста Кирменско-Джукетауского округа отличается подробностью, где, кроме года и месяца, нередко указываются число, месяц, дни недели и другие подробности даты. Например, на памятнике из села Старое Ромашкино (№ 8) дата приведена так: по летоисчислению в 733 году было, месяца раджаб, 23 дня было, в день празднования сабантуя (джийн) было.

Седьмой компонент отмечен только у 2 памятников. В надписи надгробия из Ильдерякова (№ 2) он представляет собой известную по болгарским памятникам формулу «Смерть есть врата и все люди войдут в них». В другом случае приведена оригинальная формула – «Смерть – есть чаша, и все люди выпьют из нее». В камнях из Старое Ромашкино (№№ 3 и 1) употребляется

булгаризированная форма арабской формулы «Да будет милость Аллаха, милостью обширной» – «Алла рахмат итынтыма», которая встречается и в Болгарском округе (Батраки, Болгар) с разными вариациями и дополнениями.

По языку памятники этого региона отличаются заменой фонемы «Т» фонемой «Ж» (Юсупов, 1960, с.66), т. е. они относятся к «Ж» – диалектику. Ф.Хакимянов указывает, что «носители отраженного в них диалекта в основном жили вблизи устья реки Шешмы и несколько севернее ее, то есть в бывшем Жукотинском округе (Хакимянов, 1978, с.20).

Немногочисленные надгробия I группы известны с Балынгузского, Барско-Енарускинского, Ново-Демкинского и Тат. Шапкинского кладбищ. Но на них нет ярко выраженных типологических особенностей данной группы, как в Болгарском округе. По своему оформлению и шрифту они близки к соответствующим типам II группы: к 2 типу (Балынгуз, № 2), к 1 типу (Ново-Демкино, № 1; Барское Енарускино, № 1). Однако по некоторым чертам все же их необходимо выделять от эпитафий 2-ой группы. Например, употребление углубленного и рельефного шрифтов в надписи одного и того же надгробия (Балынгуз, № 2), отсутствие бордюрного орнамента, более каллиграфический почерк.

Надписи эпитафий из Балынгуза (№2), Барского Енарускина (№№ 3, 4) выполнены на арабском языке и можно было бы сопоставить с I типом первой группы памятников Болгарского округа. Однако употребление коранических формул «Суд Аллаха великого, всевышнего» и «Именем Аллаха милостивого, милосердного», нехарактерного для типа I группы и отсутствие второй, третьей и шестой структурных компонентов текста I группы, не позволяет нам делать этого. Скорее всего, это самобытные памятники, хотя и в их изготовлении наблюдается значительное влияние Болгарской школы. В этом отношении наиболее выразительны эпитафии из с. Новое Демкино (№ 1) и Тат. Шапкино. Текст памятника из с. Новое Демкино, судя по сохранившимся частям, относится к 3 типу I группы Болгарского округа. Дату этого памятника Г.В.Юсупов читал так: тарих джите йуз илии сигизда – в семьсот пятьдесят восьмом, то есть на «поволжском тюрки» (Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф.72). В почерке надписи этой эпитафии ощущаются элементы сульса. Наиболее четко влияние Болгарской школы заметно в камне из Тат. Шапкино. Это отражается в оформлении эпитафия: близкой к срезанной пирамиде верхней части, восьмигранной арке с плечиками, рельефному шрифту сульс, заполнению тимпана, а так же характерной для Болгар-

ского округа формуле «Он живой, который не умирает». Наличие надписи на боковых и оборотной сторонах так же говорит о том, что это памятник Болгарской школы. С другой стороны, тяжеловесность памятника, не совсем правильная каллиграфия, тяготеющая к простому шрифту Старо-Ромашкинских надгробий, своеобразная орнаментальная полоса говорят, скорее всего, только о влиянии Болгарской школы. Тат. Шапкинский камень уникален еще тем, что он является наиболее полно сохранившимся надгробием с двуязычной надписью (Хакимзянов, 1978, с.158-161). Арабский текст надписи лицевой стороны эпитафия повторяется, правда, не в полном объеме, в надписи на обратной стороне, но уже на болгарском языке. Однако оба текста посвящены одной и той же Шекер-Элчи, поэтому вопрос, поставленный Г.В.Юсуповым (Юсупов, 1960, с.66) о наличии под одним камнем двух погребенных остается открытым.

Памятники Кирменско-Джукетауского округа хронологически относятся к более позднему периоду, чем эпитафия Болгарского округа, и, очевидно, возникли под влиянием болгарской

школы. Однако очень скоро в Кирменах, Старом Ромашкино и Тубулгутау возникают свои школы резьбы по камню. Наиболее ярко это влияние, очевидно, отразилось на надгробиях из Джукетау, но, к сожалению, они почти не сохранились, кроме надгробия, находящегося в экспозиции Государственного Исторического музея в Москве, и памятника, хранящегося в Национальном музее РТ, проявляющих в себе характерные черты болгарской школы.

Известно, что три памятника из Джукетау в конце прошлого столетия было привезены в Казань, тексты которых были прочитаны И.Ф.Готвальдом. Текст одного из них и текст надгробия, находящиеся в экспозиции ГИМ, совпадают, кроме одного слова: числительное «шестнадцать» было ошибочно прочитано Готвальдом как «шестьдесят». Есть все основания считать их одним и тем же памятником. У камня, находящегося в Национальном музее РТ, с текстом другого камня, прочитанного И.Ф.Готвальдом, совпадают заглавная формула и имя погребенного, возможно, и этот камень так же происходит из Джукетау.

Восточный округ

Восточный, или Чишминский, округ охватывает земли между средними течениями рек Ик и Белая. На этой значительной территории расположено 7 кладбищ с 17 надгробиями (карта 1). Центром этого региона является с. Чишма в Башкирии, где обнаружены остатки болгарской фактории с мавзолеями и эпиграфическими памятниками, проявляющими близость к надгробиям Болгарской школы.

Размеры памятников Восточного округа – от 15х48х85 см до 27х67х150 см; последние, то есть большие размеры, характерны для эпитафий из мавзолея Хусейн-бека из пос. Чишма. Эти памятники вырезаны из простого серого известняка, тогда как для остальных памятников региона использован песчаник или песчаниковый известняк.

Немногочисленные памятники Восточного (Чишминского) округа нами разделяются на три группы: I – эпитафии, оформленные шрифтом рельефным сульс на арабском языке (1 памятник); II – эпитафии, оформленные шрифтом куфи на болгарском языке (2 памятника), и III – эпитафии, оформленные простым врезанным шрифтом на «турки».

Первые две группы эпитафий полностью идентичны соответствующим типам памятников из Болгарского округа. Мы их считаем если не привезенными из Болгар, то, по крайней мере, изготовленными мастерами из Болгар, поэтому подробно о-

танавливаться на них нет необходимости.

В III группе памятников выделяется 2 типа: 1 тип – эпитафии с прямоугольной верхней частью с трехчастной композицией и текстом надписи, выполненным некаллиграфическим углубленным почерком; 2 тип – эпитафии с полукруглой верхней частью без орнаментации.

1 тип эпитафии (Урсаева, № 1; Ст. Шаршады, № 2) представляют большой интерес своей орнаментацией. В верхней части этих памятников вырезан орнамент, состоящий из трехчастной композиции. На центральном большом круге надпись. Маленькие боковые кружочки разделены на 2 части: в верхней – орнамент в виде исходящих лучей солнца, а в нижней – надпись. Из-за фрагментарности трудно представить содержание надписей, вероятно, это коранические формулы.

Трехчастная композиция, состоящая из розеток и радиальных линий, имеется и среди памятников Кирменско-Джукетауского округа (1 тип), однако эпитафии Восточного округа отличаются заполнением розеток, а также наличием бордюрного орнамента в виде ломаной линии с точками. Три розетки, как отмечает Ф.Х.Валеев, вероятно, символизировали три мира – небесный, земной и подземный, где отбывают три души покойника (Валеев, 1975, с.156). Каждый отдельно взятый круг близок картушам болгарских серебряных дирхемов XIII века.

Памятники 2 типа (Урсаева №№ 1, 2, Ст. Шаршады № 1, Мавлютова, Ст. Калмашево) выделяются своей небольшой толщиной (10-15 см) при сравнительно большой длине (до 170 см). Отличительной чертой этого типа является наличие на памятнике наряду с надписью различных знаков. Так, на надгробии из Ст. Калмашево их более двухсот. По Г.В.Юсупову, мнение которого мы поддерживаем, знаки нанесены на поверхности камня намного позднее – во время посещения могилы паломниками. Мы не отрицаем, нанесение отдельных знаков одновременно с текстом (Ст. Шаршады № 1, Урсаева № 1, Болгары № 33), однако в данном случае они нацарапаны позднее основной надписи, о чем говорит занятие ими лишь свободного от основного текста пространства, не нарушив последнего, и другой почерк. Время их нанесения следует отнести к рубежу XVII–XVIII веков, когда возрождается традиция установления надгробий с надписями в этом регионе. На одной из эпитафий из Мавлютова рядом с тамгой отмечена надпись «дуванайского рода тамга парная» и обозначена тамга.

Тексты памятников третьей группы Чишминского округа характеризуются наличием большого количества коранических формул, которые, как правило, занимают от 3 до 7 строк текста. Открывает текст обычно формула «Именем Аллаха милостивого, милосердного», на втором месте в обязательном порядке идет формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Встречаются и другие формулы (Мавлютова). Показательно, что кораническая формула «Именем Аллаха...» в Закамье встречается только на трех памятниках Кирменско-Джукетауского округа (Ст. Ромашкино № 7, Барское Енарускино, Клятли), хотя в предкамской части данного округа их предостаточно.

2-ой компонент текста на чишминских кам-

нях может быть кратким (Урсаево № 1, Старое Калмашево), но за счет включения родословной покойного может быть и значительным (Мавлютова).

3-ий компонент характеризуется обоими терминами – «памятник» и «место погребения». Интересно употребление в тексте Старо-Калмашевского памятника, относящегося по языку к I стилю по классификации Н.Ф.Калинина и Г.В.Юсупова, слова «балук» – памятник, что более типично для текста эпитафий 2 группы. Это лишнее раз доказывает, что деление на два стиля, разработанное в основном на базе памятников Болгарского городища, не может быть распространено на всю территорию Болгарского улуса.

4-ый компонент, состоящий из благожелательной формулы «Да будет милость Аллаха, милостью обширною», имеется в текстах памятников Ст. Шаршады (№ 1), Урсаева (№ 1). В тексте Старо-Калмашевского камня употреблена другая формула.

5-ый компонент так же, как на памятниках предыдущего округа, отсутствует. По крайней мере, на вышеуказанных надгробиях (Ст. Калмашево и Мавлютова), у которых сохранилась дата, он не отмечен. Однако дефектность надписи не позволяет нам утверждать это окончательно.

6-ой компонент текста на памятнике из Мавлютова стоит на второй позиции между кораническими формулами, подобное отмечено лишь на одном памятнике из Кирменско-Джукетауского округа (Нижние Яки).

Одной из характерных черт текста надгробий данного округа, является наличие в них тюркских имен. Хотя они и отличаются от языческих имен надгробий других округов. Таковы имена Кунджи, Баиш, Фаяджа, Джабак, Кармак, Таваккаль-Буга, Куклар и другие.

Северный округ

В отрыве от основной территории болгарских эпитафий стоит памятник из села Гордино (Гурья Кала) Балезинского района Республики Удмуртия. Памятник остроконечной формы, со стрельчатой примитивной аркой и формулой в тимпане, что сближает его с памятниками Кирменско-Джукетауского округа. Почерк эпитафии – врезанный, простой, бордюр – одна врезанная линия. Между заглавной формулой и основным текстом имеется полоса, состоящая из орнамента, близкого к тройному плетению и похожего на орнамент надгробия из Ст. Ромашкино № 8.

Текст памятника отличается своей заглавной формулой, расположенный в тимпане и представляющей символ веры: «Нет бога, кроме Аллаха,

Мухаммад пророк Аллаха». Подобная формула не встречена ни на одном эпиграфическом памятнике Булгарского улуса. Основной текст надписи открывает формула «Смерть есть врата, и все люди войдут в них», которая на памятниках Булгарского округа стоит на седьмой позиции. Дата эпитафии – 723 г.х. (1323 г.). Палеография надписи близка к шрифту памятников Ст. Ромашкино, Кирмени, особенно в написании букв «м», «ж», «х» и других. Таким образом, включая в себе характерные черты Булгарского и Кирменско-Джукетауского округов, этот памятник остается оригинальным произведением болгарского народа, проживающего в отрыве от основной территории Булгарского улуса, но связанного с ней генетическими узами.

Памятники второй половины XIV в.

Из памятников второй половины XIV века нам известно всего два надгробия – Большенырсинское и Ямашурминское, выявленные в северной части Кирменско-Джукетауского округа*.

Первый из них (Больше-Нырсинский) – прямоугольной формы, без тимпана и орнаментации, близок к эпитафиям третьего типа Кирменско-Джукетауского округа, но по шрифту текста он напоминает эпитафии Восточного округа. Интересно наличие свободного пространства перед началом текста, там, где на более ранних надгробиях обычно располагается арка с орнаментом или заглавная формула. Нечто подобное наблюдалось и в надгробиях Восточного округа.

Текст памятника начинается с формулы «Именем Аллаха милостивого, милосердного», затем перечисляются еще две коранические формулы, что характерно для текста надгробий Кирменско-Джукетауского округа.

Несколько отличается своим оформлением памятник из Ямашурмы с примитивной аркой, врезанной линией и шестиконечной звездой на верхней части и врезанными линиями между строками. Шестиконечная звезда – знак Соломона – не встречена на болгарских эпитафиях. Правда, А.Б.Булатов отмечал шестиконечную звезду на пяти памятниках из Ильдерякова (Булатов, 1967), однако при внимательном осмотре на памятнике № 4 мы видим восьми лепестковую розетку, на эпитафиях №№ 5, 6, 7, 9 – орнамент, состоящий из трехчастной композиции. Шестиконечная звезда в сочетании розеткой встречается на оборотной стороне камня из Болгар (№ 106). Шестиконечная звезда – распространённый орнамент на поливной керамике XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1976, № 88; БГИАЗ № 35-114) на золотоордынских монетах (Сингатуллина, 1998 с.79), на архитектурном памятнике XIV века Черной палате. Ее изображение, чаще встречающееся на надгробиях XV в. – см. памятники Б. Нырсы №№ 2, 3, относящиеся к 847 г.х.(1443/1444 гг) и 877 г.х. (1472/1473 гг.), Г.В.Юсупов рассматривает как пережиток много лепестковых розеток болгар (Юсупов, 1960, с.139).

В структуре текста эпитафий второй половины XIV века мы обнаруживаем следующие

компоненты: 1 (кораническая формула), 2 (дата), 3 (имя, титулы покойного), 4 (словосочетания, обозначающие понятие смерти), 5 (благожелательная формула).

О первом компоненте мы уже сказали. Характерно, что дата (6 компонент в структуре текста эпитафий XIII – I половины XIV вв.) занимает вторую позицию. Мы выше упомянули о двух памятниках из Кирменско-Джукетауского (Нижние Яки) и Восточного (Мавлютово) округов, где дата также занимала вторую позицию. Выдвижение даты на вторую позицию текста мы рассматриваем как важный шаг к формированию нового типа эпитафий – эпитафий Казанского ханства.

В третьем компоненте текста наблюдается отсутствие родословной покойного, столь характерного для Болгарского округа, но изредка встречающегося и в других округах.

4 компонент Ямашурминского памятника, состоящий из возраста покойного с указанием причины смерти, соединяется с вышестоящим компонентом с частицей, а в Большенырсинском – выражения «из мира тленного в мир вечности переселился» с указанием возраста покойного. Вышеназванное выражение часто встречается на эпитафиях Болгарского округа.

5 компонент – благожелательная формула – как у надгробий XIII – I половины XIV вв.

Таким образом, эпитафические памятники 2 половины XIV в. сохранили в себе отпечаток болгарских эпитафий. В то же время в них появляются новые черты, которые, развиваясь, становятся главной особенностью эпитафий Казанского ханства.

Региональное деление болгарских эпитафических памятников на четыре округа в определенной степени можно связать с процессом феодального раздробления территории бывшей Волжско-Камской Булгарии в XIV веке. Этот процесс нашел отражение в русских летописях, где под 1359 и 1409 гг. упоминаются болгарские и жукотинские князья. В XIV и особенно XV вв. некоторая часть населения отходит под протекторат Московского государства, например, в районы, где в XVI в. образуется Касимовское княжество. Хотя нет никаких исторических данных о существовании самостоятельных княжеств на востоке территории Булгарского улуса, вероятно, и здесь шел процесс формирования феодального владения с центром в районе п. Чишма.

Существование самостоятельных, или вассальных, княжеств на территории бывшей Волжской Булгарии в XIII–XIV вв. прежде всего свя-

* В связи с подготовкой к 1000-летию Казани эпитафический памятник Хасан-бека, датированный Ш.Марджани и Г.В.Юсуповым концом XIII в., отдельные исследователи (Егоров, Ахметзянов) датируют 70-ми годами XIV века. По нашему мнению, данный памятник по всем показателям идентичен памятникам Болгара конца XIII в., и для его передатировки оснований нет.

зано с вопросом об их территории. С.М.Шпилевский в состав Жукотинского княжества включал, кроме Камского левобережья, и правый берег Камы до рек Кирмени и Шумбута включительно (Шпилевский, 1877, с.409). По мнению же П.А.Пономарева, к Жукотину относились только примыкавшие к нему города по левому берегу Камы (Пономарев 1882, с.486).

А.П.Смирнов, поддерживая мнение С.М.Шпилевского к Жукотинскому княжеству отнес всю восточную часть, а к Болгарскому – западную, южную и северную части бывшего болгарского государства (Смирнов, 1951, с.61).

При определении границ между Жукотинским и Болгарским княжествами, по нашему мнению, важным моментом является нахождение на одних и тех же кладбищах памятников, характерных и для Болгарского, и для Кирменско-Джукетауского округов. К ним относятся такие пункты, как Тат. Калмаюр, Иски Рязаб, Ст. Ромашкино, Ново-Чув. Адам в Закамье, Измя, Таутермен в Заказанье. Вся западная территория от этой линии была во владении Болгарского княжества, внутри которого находилось несколько крупных центров феодальных владений, такие как Большие Тарханы, Большие Атрясы, Хулаш, Бол. Тояба в Предволжье, Казань, Иски Казань, Ст. Ашит в Заказанье.

Южная и северная границы Жукотинского княжества совпадали с границами бывшего Болгарского государства, а восточная доходила до р. Зай. Жукотинское княжество явилось одним из густонаселенных районов Волжской Булгарии. Эпиграфические памятники указывают на ряд феодальных центров этого княжества: Ст. Ромашкино, Тубулгатау, Балынгуз, Кирменчук и некоторые другие.

Разделение эпиграфических памятников на региональные округа связано, очевидно, не только с выделением отдельных мастерских по изготовлению надгробий, но и с образованием крупных самостоятельных административных единиц типа Болгарского, Джукетауского, Каринского. Однако мы должны отметить, что здесь отразились и некоторые этнокультурные черты, выраженные через руки писцов и мастеров-резчиков. Наличие в Болгарах сильно развитой школы мастеров, направляемой со стороны светской и духовной власти строго по канонам ислама, создало классическую схему болгарских надгробий. Этого нельзя сказать о Джукетауском округе. Как мы сказали выше, на многих памятниках этого округа заметно влияние Болгарской школы. Однако памятники из Кирмени,

Ст. Ромашкино и Тубулгатау отличаются своеобразием, что можно рассматривать как признаки самостоятельных школ со своими особенностями и традициями.

Еще выразительнее эти черты отражаются в Восточном округе. Поскольку на данной территории имеется болгарская фактория в районе Чишмы и эпитафии Болгарской школы (памятники из поселка Чишма и Красный ключ), все остальные памятники должны были бы относиться именно к болгарской школе. Несмотря на это, памятники из Ст. Калмаша, Мавлютова, Урсаева и др. имеют свой облик и близкие аналоги в лице памятников из Тат. Калмаюра и Иски Раджаба, что ставит их в промежуточное место между памятниками Болгарского и Джукетауского округов.

Специфические особенности отдельных регионов на болгарских эпитафиях выражаются через работы отдельных писцов, резчиков эпитафий или через определенные школы. Такие выразительные черты мы находим в оформлении и орнаментации, в шрифте и структуре текста надгробных памятников. Они также выражаются в диалектных особенностях языка эпитафий, отмеченных Г.Юсуповым и Ф.Хакимзяновым, что уже позволяет говорить об особенностях этнического порядка.

Исследование болгарских эпитафий дает возможность выделить несколько школ по изготовлению памятников – Болгарская, Кирменская, Старо-Ромашкинская, Тубулгатауская, Восточная со своими характерными чертами. Кроме того, можно предполагать наличие и отдельных мастеров-писцов, которые были под влиянием той или иной школы резьбы по камню.

На возникновении и развитии болгарских эпиграфических школ не чувствуется влияния каких-либо других эпиграфических школ мусульманского мира. Отмеченная некоторыми исследованиями близость палеографии крымских и болгарских памятников (Болгарский округ I стиль, Д.Мухаметшин) чисто внешнее явление. По структуре текста имеется некоторое сходство памятников Джукетауского округа с кавказскими памятниками, в частности с памятниками Кухистана. Болгарские эпиграфические памятники являются итогом творческого развития мусульманской арабографической письменности и малой архитектуры. Оригинальность памятников показывает еще то, что в XIII–XIV вв. Среднее Поволжье являлось единственной территорией в Восточной Европе, где возникла и развивалась тюркоязычная эпиграфика.

Социально-историческая терминология на эпитафиях Булгарского улуса XIII–XIV вв.

Эпиграфические памятники дают богатый материал по социально-исторической терминологии волжских булгар (приложение 3.1). На самой верхней ступени социальной лестницы булгарского общества, вероятно, стоял эмир. Этот титул употребляется лишь в тексте двух памятников: из Казани и Болгар (№ 111). К сожалению, оба памятника с дефектами и трудно читаемы.

На памятнике из Болгар титул и имя погребенного написаны следующим образом: «эта гробница эмира великого, величайшего, весьма возвеличившегося, весьма почетного, знатнейшего, славнейшего, благороднейшего, воспитателя ученых, подпоры слабых Ахмед хаджи, (его) сын Мумин Куяк, (его) сын Мир – Хусейн Базан ал–Булгари». На Казанском памятнике конца XIII в. титульная группа передана в несколько иной форме: «эта гробница султана великого, знатнейшего, помощника султанов, эмира чтимого... победоносного... почтенных и великих... к победоносному... двух почестей... гордости рода и веры, тени господина мира Хасанбек сын Мир-Махмуда».

Таким образом, во втором случае титул «эмир» употреблен ниже титула «султан». Титул «султан великий», помещенный в первой позиции отмечен еще в тексте одного памятника из Болгар (№ 47) 697 г.х. (1297/1298 гг.), который палеографически идентичен Казанскому памятнику.

Слово «эмир» у доисламских арабов обозначало предводителя племени, позднее, с принятием ислама – наместника халифа и вообще более или менее крупного начальника (Гафуров, 1971 с.44). В связи с тем, что халифат считался единым государством, даже правители независимых государств могли титуловаться только эмирами. Например, султаны Газны именовались просто Эмир Махмуд, Эмир Масгут и т. д. Звание «эмир» носил в XIV в. Тамерлан. Это слово входило в титулатуру халифов в виде «амир-ул-мумнин».

Титул «эмир» был в хождении в Волжской Булгарии домонгольского периода. Например, в «Тарих-и-Бейхаке» – источник XI в. – сообщает, что булгарский эмир Абу-Исхак Ибрагим ибн Мухаммад ибн Балтавар в XI веке послал деньги на строительство двух мечетей в Хорасане (Заходер, 1967, с.46). Об эмире – правителе Булгарской колонии в городе Саксине в низовьях Волги пишет в XII в. Ал-Гарнати (Большаков, Монгайт, 1971, с.47). На основании этого Р.Г.Фахрутдинов, подробно исследовавший титул правителя Волжской Булгарии, пишет, что в X веке правитель

Булгарского государства носил титул «йылтывар», а с XI века этот титул заменяется на «эмир» (князь). Эмирами (князьями) назывались и правители булгарских городов и земель в составе Золотой Орды (Фахрутдинов, 1979 с.70). Термин «эмир» встречается также на золотоордынских монетах Булгарского чекана, относящихся к середине XIII века (Янина, 1962 с.187). Оба эмира на эпитафиях имеют еще дополнительные титулы хаджи (Болгар) и бек (Казань) и приставки к имени – «мир» от эмира, что показывает знатность, родовитость его имени. Данный компонент (приставка к имени – мир) встречается еще на эпитафиях № 70, IX, XVI из Болгар и на эпитафии из Б. Тархан.

Титул «султан великий», кроме текста казанского надгробия встречается еще на одном памятнике из Болгар (№ 70). Не вдаваясь в подробности происхождения этого титула, надо отметить, что в XIII–XIV вв. титул «султан» широко распространяется на Востоке, особенно, среди тюркских князей. В XIV веке этот титул, как почетный, появляется на монетах золотоордынских ханов. Наличие этого титула на эпитафиях конца XIII века показывает, что он имел хождение и среди булгар. Титул «султан» в составе сложного имени упоминают русские летописи под 1376г., когда они называют имена булгарских князей Асана и Махмат-султана (ПСРЛ, VIII, с. 25).

Употребление титула «эмир» ниже титула «султан», наличие второго титула у погребенных показывает, что в конце XIII века титул эмир, как титул правителя Волжской Булгарии, был пережиточным. Как же объяснить употребление пережиточного титула на эпитафиях и монетах? Нужно учитывать то обстоятельство, что в конце XIII века шел процесс консолидации народа и восстановления государственности у булгар, разрушенной монгольским нашествием. С разрушением государственности некоторые булгарские земли (Кирменско-Джукетауская, Казанская, Восточная, другие), вероятно, хотели организовать самостоятельные княжества, подчиненные непосредственно хану Золотой Орды, что нашло бы поддержку у золотоордынских правителей. А Болгар предъявлял претензию на всю территорию бывшей Волжской Булгарии. Поэтому появляются монеты с именем давно умершего халифа Ан-Насир ли дин-Аллаха с титулом «эмир ал-мумнин», в правление которого Булгарское государство было единым и переживало наивысший расцвет. Титул «эмир всех мусульман» на монетах ассоци-

ировался с титулом эмира всех земель Волжской Булгарии, показывая тем самым право Болгара на объединение вокруг себя всех болгарских земель. Таким образом, в титуле «эмир» нужно рассматривать правителя Булгарского улуса, состоящего в вассальной зависимости от хана Золотой Орды. Этот титул соответствует русскому термину «князь».

Забегая вперед, нужно отметить, что имеется еще один термин, соответствующий титулу князь – «бек», читаемый на текстах надгробий из Болгара, Казани, Чишмы и Тат. Калмаюра. Каково же различие между князем-эмиром и князем-беком? Несомненно, одно: титул «князь-эмир» выше, чем «титул князь-бек», на что указывает и более широкое распространение второго титула. Беками назывались правители определенной области, подвластных Болгару земель. Очень тонко эта зависимость прослеживается на эпитафии из Казани – поставленной на могиле Мира Махмуда сына Хасан бека, султана великого, помощника султанов. Он был эмиром, теперь поставлен беком в Казани. Поэтому, по нашему мнению, титул «эмир» больше соответствует титулу «Великий князь» русских летописей.

Титул бек представлен в текстах памятников №№ 91, 93, 145, XI и XXXVI из Болгар, надгробий из Архиерейской дачи, Чишмы №№ 3, 5, из Тат. Калмаюра. В одном случае (Болгар, № XXV) данный титул употребляется как женский – бика.

Из памятников рунической и древнеуйгурской письменности известно, что титул «бек» носили предводители многих тюркских родов и племен. Титул «бек» в отношении хазар упоминается у Ибн-Фадлана. «Что касается царя хазар, титул которого хакан..., а его заместителя «хакан-бек» (Ковалевский, 1956, с.146). Позднее у тюркоязычных народов «беками» назывались предводители отдельных полков и дружин, находящихся на службе у хана. В среднеазиатском тефсире из г. Карши этот термин применяется как «правитель определенного города или области» (Боровков, 1963 с.94). Данный титул, как видно на примере памятника из Чишмы, переходил по наследству. Очевидно, титул «бек» у болгар XIII–XIV вв. означал титул правителя области или города и соответствовал «князю» русских летописей. Князьями названы болгарские предводители в связи с событиями 1164, 1220, 1228, 1370, 1276 гг. (ПСРЛ, т.I, с.352, 451; т.IX, с.230; т.X, с.83-84, т.XV, с.117, 236).

Бика (Болгар, № XXV), соответственно, жена князя, княжна.

На болгарских эпитафиях встречается еще одно слово, очевидно, соответствующее титулу князь – «бу» (Алтун – бу, Арт – бу, Хаджи – бу).

Однако, мы его рассматриваем в составе сложного имени. Малый размер эпитафий, плохое оформление не дает возможности рассматривать эти памятники, как княжеские.

Следует заметить, что в надписях болгарских эпитафий XIII–XIV вв. ряд терминов титулатурного характера употребляется как компонент сложных имен. Например, «малика» (Болгары, №№ 71, 74, I и XII). Такими пышными именами называлась одна из принцесс Сельджукидов – Малика хатун, и гуридов, правивших в XIII–XIV в в. – Маликаи Джихан и Маликаи Хурасан (Гафуров, 1971, с.102-103). В лице Сафара Малика и Сувар Малика (Болгар, №74) мы видим людей приезжих, как известно из тахлалусов, их отцов, из Шамахи и Африкента.

На памятнике № 1 из Болгар это слово титулатурного характера употребляется в составе мужского имени.

Титул «шах» (Болгар, X) также употребляется в составе сложного имени: Мубарак – шах Хорасани, сын Махмуда шайха ал-Кердари.

Немногочисленность эпитафий с терминами «малика» и «шах», а также их тахаллусы среднеазиатского и кавказского происхождения говорят о том, что погребенные с этими титулами были люди приезжие, и эти титулы среди болгарского населения распространения не имели.

Ряд титулов, встречающихся на болгарских эпитафиях, были широко распространены на Востоке. Это титулы «ага», «инал», «ходжа», «хатун» и другие.

«Ага» (Болгар, № 74). Этот титул носили полководцы, и высшее духовенство в Иране времени каджаров. Джафар-ага, как видно из тахаллуса, родом из Африкента, области, бывшей в составе Бухарского ханства. Вероятно, этот титул не имел хождения среди болгар. Памятник принадлежит не самому Джафар-ага, а его дочери Сафар-Мелик, вероятно, выданной замуж за правителя Болгар.

«Инал» (Б. Тарханы) – Г.В.Юсупов, основываясь на Рашид эд-дина, отмечает «не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру цари – князья племен, о которых в X веке упоминает Ибн-Фадлан, ими же титуловался предводитель огузов в пределах Болгарского государства» (Юсупов, 1960, с.102-103). Ф.Хакимянов также видит в нем титул вроде «доверенного» – глав небольшого княжества, которое впоследствии потеряло свою самостоятельность». (Хакимянов, 1978, с.9). Погребенный имеет приставку к имени – мир Ибрагим (от эмира), показывающую также знатность его рода.

Титул «хаджи» прибавлялся к именам тех лиц, кто совершил паломничество в Мекку, как мужского, так и женского пола (Болгар, №11).

Данный титул не был потомственным. Например, на памятнике из Болгар Ахмед сам носил титул «хаджи», хотя ни у отца, ни у сына этого титула нет. Титул хаджи мог употребляться и в качестве имени собственного.

Титул «ходжа» – хозяин, господин, учитель. Он является одним из широко распространенных титулов (Болгары, № 76, 104, VII, X, XII, XVIII, XIX, XXI; Б. Ошняк, №1; Тат. Калмаюр, № 2). В Волжской Булгарии данный титул, по видимому, носили феодалы вообще. Отмечено, что носители этого титула не имели других титулов и не были связаны с высшими слоями общества. Этот титул передавался из поколения в поколение – например, на памятнике из Болгар № 104. У Г.В.Юсупова титулы «хаджи» и «ходжа» равнозначны и дается значение титула «хаджи». Подлинное значение титула «ходжа», как хозяин, господин, вскрыто в работе Ф.С.Хакимзянова (Хакимзянов, 1978, с.92).

Данный термин мы встречаем и на памятниках Кухистана (Мухтаров, 1978, с.33). У Саманидов главный ходжа (ходжаи – бузург) стоял во главе всех «людей пера», то есть всей бюрократической системы. Знаком его достоинства еще при сельджукидах была чернильница (Бартольд, 1963, с.288). Начальник «дивана документов» у Бейхаки носил титул «Ходжа-и-амид» и был одним из главных сановников государства (Бартольд, 1963, с. 289).

Титул «хатун» обнаружен на двух памятниках (Болгар, № XXXI) и в одной из эпитафий из фондов Национального музея РТ, вероятно, тоже Болгар, и означает любимую жену, супругу. У древних тюркских народов слово «хатун» означало только первую жену кагана, т. е. императрицу.

У Махмуда Кашгари «хатун» – принцесса, в куманском языке – жена у знати и дворян, в орхонском – жена хана и только в современном языке это слово приобретает значение просто жены (Менгес, 1979, с.177). В Волжской Булгарии этот титул носили, видимо, жены князей-эмиров.

Ряд титулов, встреченных на эпитафиях, характерен только для болгарского феодального общества. К ним относятся титулы «йувари» и «илчи». Титул «йувари» (Болгар, №№ VIII, IX, X, I, 4, 106, 110, 113, 115; Ямбухтино, № 2; Балынгуз, № 2; Тат. Калмаюр, № 2; Дюма) по толкованию Х.Файзханова, состоит из «йау» – война и «ари» – мужчина. Некоторые читали его как нисбу Билярский (Ашмарин, 1902, с.74), Суварский (Юсупов, 1960, с.103) или Каварский, что подвергнуто справедливой критике со стороны Г.В.Юсупова (Юсупов, 1960, с.104) и Ф.С.Хакимзянова (Хакимзянов, 1978, с.81, 82). В титуле «йувари» нужно видеть не столько дружинника, сколько предводителя дружины, воен-

ного отряда. О наличии дружин у болгар говорится у Ибн-Фадлана (Ковалевский, 1956, с.136). О дружинном строе болгар упоминается в русских летописях под 1164 (ПСРЛ, 1862, с.230) и 1220 (ПСРЛ, с.128) годами.

М.И.Ахметзянов предложил новое толкование термина «йувари». Несмотря на многочисленные языковые экскурсы, чтение и транскрипция надписей не являются окончательной. Дифтонг «вау» М.И.Ахметзянов читает как «йй», слово целиком как «ййори» – ходит. На этом основании под «йувари» он видит не воинов-дружинников, а купцов, которые ходили-торговали с народами Севера. (Ахметзянов, 1990, с.113-117).

«Илчи (алти)» – (Болгар, №№ 51, 108, 145; Ст. Ромашкино, Тат. Шапкино, Кармалы). Впервые на это слово обратил внимание Н.Ф.Катапов, который его рассматривал в составе сложного имени и перевел как «Сабар-Ильчи» и «Фатима – Эльхей» (Юсупов, 1960, с.105). Г.В.Юсупов ставил этот титул в один ряд с титулами бика, хатун, хотя семантику его не раскрыл. Значение этого титула наиболее полно раскрыто в работе Ф. С. Хакимзянова, как госпожа, барыня (Хакимзянов, 1978, с.91, 92).

Титулы служителей культа не отличаются своим обилием и разнообразием. Их удельный вес относительно мал. Среди них выделяется титул «шейх великий» (Болгар, №№ 19, 47, 102, XI), «шейх» (Старое Байрамулово), «шейх эль-имам» (Болгар, № 101). Звание «шейх» применялось относительно к ученым, визирям, даже правителям, а в арабских странах – к главам рода в племени. В данном случае под этим титулом подразумевается глава мусульманской религиозной общины.

Титул «имам» – глава религиозной общины или настоятель мечети, обнаружен только в надписи одного памятника из Балынгуса (№ 2).

Широкое распространение на территории Волжской Булгарии получает титул «хаджи» – (Болгар, №№ II, V, VII, XVI, XXIII, 69, 107, 111), Иски Раджаб № 1, Урмандеево, Матвеевка, Чишма, Б. Атрясы № 16, Б. Тарханы, Ямбухтино № 2, Сухие Курналы № 1, Салтуганово № 2. Ст. Ромашкино № 5, Дюма № 2, Ильдеряково № 3, Измя). Данный титул прибавлялся к именам тех лиц, которые совершили паломничество в Мекку, а также к именам купцов, побывавших там. Он не был потомственным. Подобно другим титулам «хаджи» также может употребляться в качестве имени собственного.

На болгарских эпитафиях встречается ряд терминов, обозначающих род занятий: «тамгачи» (Б. Тарханы, Болгар № 76), «алтунчи» (Болгар № 124), «темирчи» (Н. Яки № 1).

Термин «тамгачи» И.Н. Березин переводит как сборщик податей, таможник. Под термином «ал-

тунчи» и «темирчи» подразумевали, очевидно, не непосредственных исполнителей, а владельцев мастерских. На это указывают и эпитеты «алтунчи» – «почитатель ученых, сирот, вдов, бедных кормилец». Эпитафия «кузнеца» более худшего оформления, однако установка любой эпитафии была под силу только состоятельным людям.

Большое распространение на территории Булгарского улуса получил социальный термин «хум» (Болгары, № 4, 11, 117, 151; Ошняк № 2, Ст. Ромашкино № 7, Тат. Шапкино, Сухие Курналы № 1, Ст. Казеево № 1, Б. Атрясы №№ 1, 14, Б. Шемьякино, Архангельское, Чишма, Салтыганова). Этот термин исследователи рассматривали в составе сложного слова «хирхум» и переводили как девушка-наложница (Юсупов, 1960, с.78, Федотов, 1965 с.45). Ф.С.Хакимзянов впервые отметил, что оба термина являются отдельными самостоятельными лексическими единицами. Он выдвигает тезис: «не являются ли болгарские «хумы» потомками тех, которые родились от хозяина и невольницы», и переводит слово «хум» как потомок бывшего раба (Хакимзянов, 1978, с.93, 94). Видеть в «хумах» рабынь не соответствует действительности. Трудно представить, чтобы рабыням поставили такие хорошо оформленные надгробия. Плюс к тому на памятниках из Болгар (№ 117), Салтыганова оно стоит после слова «сын», поэтому правильнее будет «хум» рассматривать как обозначение потомка бывшего раба, как это делает Ф.С.Хакимзянов. Некоторые «хумы» имели довольно высокое общественное положение. Одни из них являются дочерьми предводителя дружины, или иноземного купца, другие носили титул «хаджи».

Среди социальных терминов многочисленную группу составляют фамилии – тахаллусы. Встречаемые в эпитафиях фамилии – тахаллусы можно разделить на две группы: тахаллусы – этнонимы и тахаллусы – топонимы.

К первой группе относятся тахаллус «булгари» (Болгар, № 1, 51, 63, 107, 108, 111, 115, I, VI, X, XXVII, XXIX, Балынгуз № 2, Тат. Шапкино, Матвеевка, Ст. Ашит, Тат. Кирмени). Такая фамилия – тахаллус употребляется и на памятниках II группы.

Встречаются на эпитафиях тахаллусы – «сувари» (Б. Тарханы, Болгар) и тахаллусы – этнонимы «туркмен», «урюм», «мухши» (Болгар), «татар» (Б. Атрясы). В. Юсупов приводит еще ряд этнонимов – ашлы, ар, буляр, балимар, куюк, алак, кердар (Юсупов, 1960, с.222), однако этот вопрос еще требует дальнейшего изучения и осмысления, во многих случаях текстологического подтверждения.

Во вторую группу входят тахаллусы – топонимы, в основном образованные от названия

центральноазиатских, закавказских и других восточных городов и областей – Ширвани, Африкенти, Дженди, Самарканди, Шамахи, Курансани, Кердари, Туркестани. Кроме последнего случая, все они происходят из города Болгар. Эти псевдонимы – тахаллусы, обозначенные от топонимов, принадлежали людям небулгарского происхождения, приезжим служителям религиозного культа, купцам и тому подобное.

Считаем нужным отдельно остановиться на терминах «мухши», «биляр», «сувар», поскольку они в данном контексте не являются тахаллусами и это явление в литературе получило различное толкование. Термин «мухши» на памятнике из Болгар (№ 75) идет в связке со словом мусульманин. Мухши – мусульманин – человек мордовского происхождения, принявший ислам. В XII–XIV вв. это явление, вероятно, было характерно для Болгара. Исследования И.Р.Газимзянова выявили погребения мордвы на северо-восточной части г. Болгара, где сохранились некоторые языческие элементы (Газимзянов, 1998, с.31). Нельзя исключить в данном случае и превращение этнонима в имя собственное. Отсутствие имени в тексте «... Ахмад, (его сын) Мухши мусульманин, (его дочь) Джаулат, (ее) место погребения» – вероятно, указывает на это.

Термины «сувар», «биляр-буляр» известны по памятникам из Бол. Тархан и Болгар (№№ 50, 57, 76). На Большетарханском памятнике чтения надписи как «... ходжа тамгачы ас-сувари» не вызывает сомнения. На одном из памятников из Болгар Г.В.Юсуповым на основании эстампажа И.Березина данный термин был прочитан как суюргал (Юсупов, 1960, с.17). Текст эпитафия № 76 из Болгар звучит так: «почитатель ученых, строивший мечети, совершавший подаяния, благодетельный Сувар иле тамгачи Али ходжа, (его) сын Атряч ходжа, (его) сын Абу-Бекр ходжа, (его) памятник». Если на первой эпитафии термин Сувар можно рассмотреть как тахаллус, то во втором случае термин «Сувар иле» указывает на определенную область или территорию. Слово «ил» читается на памятнике из Болгар № 57 в связке со словом «буляр». В 1942 г. комиссией по эпиграфике это словосочетание было прочитано как имя собственное «Бикбалтай». В настоящее время памятник восстановлен из восьми частей. Слово «иле» читается ясно. Диактрические точки под буквами «б» и «р», оголосовки дают возможность читать следующие слова как «Биляр». Словосочетание «биляр иле» прочитывается еще на одном памятнике из Болгар (№ 50). Ф.С.Хакимзянов данное словосочетание переводит как «из рода Биляр». В этимологии названий болгарских племен «барс ил», «эсегель» он считает возможным разделить на две части «барс+ил», «ис-

ки+ил», где вторая часть слова означает род, племя. Однако в ряде источников этот термин означает определенную территорию, область. В надписи Культегина «илиг» – государство; у Саиф Сараи ил – родина; у Шариф Хаджитархани валият (производное от «ил») область, государство; в Центральной Азии (Монголия) кочевой ил (аил), семейно-хозяйственная единица. В «Хосрау и Ширин» – улус – ил (Наджип, 1989, с.135). В словосочетании «Биляр иле тамгачы» термин «ил», по нашему мнению, означает определенную административно-территориальную единицу. Чеканка монет в Биляре в конце XIII в., которые в значительном количестве обнаружены в Болгаре, также говорит о восстановлении Биляра как административного центра.

На памятнике из Тяжбердино сохранился единственный географический термин – гидроним «Черемшан».

Картографирование титулов на эпитафиях показывает, что большинство титулов и имен титулатурного характера происходит из Болгар. К ним относятся «шейх», «аш-шейх ал-имам», «аш-шейх ал кабир», «челеби», «ага», «малика», «шах». Эти титулы, вероятно, не имевшие распространения среди высшего сословия болгарского феодального общества, скорее, связаны с людьми приезжими. Многие из них носят фамилии – тахаллусы ал-Африкенти, аш-Ширвани и др. К ним можно присоединить титулы имам, инал, хатун, султан, происходящие из Болгар и крупных феодальных центров Булгарского улуса – Балынгуза и Б.Тархан. Значительное распространение получают титулы алти-илчи, хаджи, ходжа, йувари, бек и термин социального характера «хум». Они встречаются на памятниках из многих населенных пунктов, хотя основная масса эпитафий с титулами сосредоточена в Болгаре (приложение 3.1).

Наличие погребений знатных людей говорит о значимости данного населенного пункта. Кроме вышеуказанных трех точек, титулы знатных людей отмечены также в надписях надгробий из Тат. Калмаюра, Ст. Ромашкино, Б.Атрясы, Чишмы, Тат. Шапкино, Ямбухтино, Н.Демкино, Казани. Эти пункты также очевидно следует считать центрами феодальных владений болгар в XIII–XIV вв.

Эпиграфические памятники волжских болгар, в основном, относятся к последней четверти XIII – середины XIV вв. Известные науке около 400 эпиграфических памятников Булгарского улуса территориально, типологически и по структуре текста разделяются на четыре региональных округа.

По своему оформлению, технике исполнения и структуре текста и по другим особенностям среди болгарских эпиграфических памятников

XIII–XIV вв. выделяются четыре региональные группы, которые компактно расположены на определенной территории, где проживало болгарское население. Каждой из них характерно своеобразие общее оформление памятника и определенный канонический текст.

Болгарская региональная группа характеризуется наличием в верхней части стрельчатой арки с плечиками и текстом, выполненным почерком стройного, каллиграфического куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение из линейного или геометрического мотивов. Камни отличаются тщательностью отделки, наличием ярко выраженных боковых и оборотного аспектов, где, как правило, фигурируют коранические формулы или орнамент.

Особенностью Кирменско-Джукетауского округа являются в оформлении – отсутствие арки, бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт; в структуре текста – отсутствие коранической формулы «Он (Аллах) живой, который не умирает», столь характерное для Болгарской группы памятников.

Граница между Болгарским и Кирменско-Джукетауским округами проходила в Закамье западнее р. Малого Черемшана, в Предкамье по линии рек Ошняк, среднему течению Меши до р. Вятка.

Восточная группа эпитафий компактно расположена на пограничных районах Башкортостана и Республики Татарстан. Эти памятники с геометрическим орнаментом, состоящим из трехчастной композиции, и большим количеством коранических формул в тексте отличаются еще своими большими размерами и более грубой обработкой. Далеко на севере, в отрыве от основной территории распространения болгарских эпитафий стоит памятник из с. Гордино Бalezинского района Удмуртии со своеобразным оформлением и текстом, что позволяет его выделить в отдельную группу.

Особенности памятников, выявленные на каждой территории, показывают на школы резьбы по камню. Наиболее значительным из них является Болгарская школа резьбы по камню, которая имела существенное влияние на возникновение и развитие других школ.

При картографировании эпиграфических памятников намечается тяготение кладбищ с надгробными камнями к отдельным городищам – Болгарское, Джукетауское, Кирменское, Кабанское, Ст. Ромашкинское и другие, бывшие в XIII–XIV вв. административно-территориальными центрами, т.е. центрами отдельных княжеств. Это подтверждается и тем, что из этих мест происходят эпиграфические камни с титулами верхушки правящего класса.

Глава III

РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII вв. И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Во второй половине XIV в., на рубеже XIV–XV столетий среди болгарских земель стало возвышаться Казанское княжество. Его усилению способствовал наряду с другими причинами и отход болгарского населения из Закамья на относительно спокойные земли Предкамья, ибо Закамские земли, бывшая центральная часть Волжской Булгарии, стали местом столкновения степных кочевников с болгарским земледельческим населением.

Частая смена власти в Золотой Орде усилила в Булгарии силы децентрализации. В русских летописях наряду с болгарскими и жукотинскими князьями все чаще упоминаются князья казанские. Так, под 1370 и 1376 годами упоминаются князья Хасан и Махмед-Султан, под 1394 г. царевич Тетяк или Энтяк, а под 1411 г. царевич Талыч. Долгие годы, с 1429 до 1445 г., в Казани правил князь Али-Бей (Галим-бек) (Халиков, 1978, с.69).

На первых порах и столица Казанского княжества продолжает сохранять имя Болгара. В начале XV века здесь еще правит местная феодальная знать. В середине XV века Казань захватывает золотоордынский хан Улу-Мухамед, который, после смерти местного князя Алим-бека, возглавил уже сложившееся феодальное государство.

Казанское ханство в период своего расцвета на рубеже XV–XVI вв. и в первой половине XVI столетия занимало значительную территорию. Границы его проходили на западе по Суре, на юге – по Самаре, на востоке – по Белой и Самаре, на севере – по реке Чепцы и нижнему течению Вятки (История ТАССР, 1968, с.69).

На данной территории проживало болгаро-татарское население, чуваша, мари, удмурты, часть башкир и мордва. Основное население (булгаро-казанское) преимущественно концентрировалось в бассейнах рек Казанки, Мешы и нижнего течения Свияги. Небольшая часть болгарско-татарского населения проживала на севере в среднем течении реки Чепца и на востоке по рекам Ик и Белой.

Памятники материальной культуры Казанского ханства сохранились сравнительно мало.

Известен ряд городищ – Казанский Кремль, Иски Казань, Чаллыньское, Старо-Зюринское, Арское, Бимерское и некоторые другие. Только первые 3 из них изучены археологически. В результате археологических и эпиграфических обследований выявлено 14 селищ, 7 местонахождений, 13 грунтовых могильников и 81 кладбище с надгробиями XV – первой половины XVI вв. (Фахрутдинов, 1975, с.78). Следовательно, эпиграфические памятники, являющиеся наиболее многочисленными, в изучении истории Казанского ханства приобретают особое значение, хотя превалирование кладбищ над остатками сел надо объяснить тем, что большинство современных сел расположено на месте поселений XV–XVI вв.

Известные науке эпиграфические памятники XV – I половины XVII вв. компактно расположены на территории Северного Предволжья и восточного Предкамья.

За пределами этой территории имеется только несколько пунктов с эпиграфическими памятниками: это г. Касимов в Рязанской области, поселок Карино в Кировской области, с. Мантово Тетюшского района и с. урочища Балынгуз у с. Билярска Алексеевского района Республики Татарстан. Памятники XV века занимают территорию, крайние точки которых расположены на севере у с. Средние Аты Арского, на юго-востоке – у с. Большие Яки Мамадышского, на юго – западе – у Тат. Танаево Зеленодольского районов Республики Татарстан. Географическим центром намечается Иски-Казань, где также имеются эпитафии XV века (карта 2).

В первой половине XVI века территория распространения надгробных камней значительно расширяется. На севере эпитафии обнаружены у с. Нохрат Слободского района Кировской области, на юге – в Закамье у с. Билярск Алексеевского, в Предволжье – у с. Мантово Тетюшского районов Республики Татарстан. Самая восточная находка сделана у села Берсут – Сукачи Мамадышского района Республики Татарстан и самая западная у с. Липша Звениговско-

го района Республики Марий – Эл. На данной территории выявлено 94 кладбища с памятниками XV – I половины XVII вв. Некоторые населенные пункты имеют по два и более кладбищ с эпитафиями, на которых учтено около 250 надгробий (карта 2, приложение 1-2, 1-3).

Самая ранняя эпитафия (1417 г.) происходит с кладбища с. Большие Яки Мамадышского района Республики Татарстан. Постепенно увеличиваясь количественно и расширяясь территориально, к 20 гг. XVI столетия традиция установления эпитафических камней достигает своего апогея и продолжает развиваться до 50-ых гг. XVI столетия. В середине XVI века после падения Казанского ханства число эпитафических памятников в силу ряда экономических и политических причин резко сокращается. Немногочисленные памятники продолжают сохраняться в Казанском крае и в г. Касимове Рязанской области.

Эпитафические памятники Казанского ханства исследователями еще в I половине XIX в. не выделялись из общей массы болгаро-татарских эпитафий. Впервые дифференцированный подход к ним намечается у К.Насыри (Насыри, 1975) и Н.Ильминского (Ильминский, 1851). Так, среди памятников Предволжья К.Насыри выделяет памятники Казанского ханства и более позднего времени (Насыри, 1975, с.41). Более полно такая дифференциация нашла отражение в работе Али-Рахима. Анализируя большое количество памятников XVI столетия со стороны орнамента, оформления и палеографии, он вводит понятие «стиль». Стиль памятников с конца XV века по XVII век, отличающийся рельефным шрифтом сульс и пышным растительным орнаментом, по его мнению, был заимствован казанцами извне (Али-Рахим, 1930, с.149), таким образом им фактически отвергается наличие преемственной связи памятников XIII–XIV и XV–XVI веков. Но все же, несмотря на ряд ошибочных положений, работа Али-Рахима дала большой толчок в развитии татарской эпитафики.

По классификации Г.В.Юсупова памятники Казанского ханства разделяются на 2 периода: памятники XV в. и памятники I половины XVI века, когда, по его мнению, устанавливается довольно однородный стиль надписи надгробий со стройным шрифтом сульс и с текстом на татарском языке и традиционным орнаментом под аркой (Юсупов, 1960, с.147). Более детализированная классификация им не была произведена.

В основу предпринятой нами классификации положен хронологическо-территориальный принцип. Территориально выделяется три региональных округа: Казанский, Каринский и Касимовский.

Казанский региональный округ занимает территорию, крайние точки которой расположены

на севере у с. Смаиль Балтасинского, на юге у Мантово Тетюшского, на востоке у с. Зюри Мамадышского районов Республики Татарстан, на западе у с. Липша Звенигорского района Республики Марий-Эль. С этой территории происходит более 200 эпитафий, основная масса которых относится к 20–40-х годов XVI в. Касимовские памятники (около 50) и каринские (3), расположенные на значительном расстоянии от Казанского округа, имеют ряд отличительных черт в оформлении и структуре текста. Они рассматриваются как локальные варианты эпитафических памятников XV – I половины XVII вв.

XV век – это период распада Болгарского государства и возникновения Казанского ханства. В середине XV века под протекторатом Москвы основывается Касимовское ханство и возникает Каринское опричное княжество. В такой сложной обстановке формируются и развиваются стильные надгробия XVI века. Даже после присоединения Казани к России в несколько видоизмененной форме продолжает существовать тот же стиль. Качественно новый тип памятников появляется только во второй половине XVII века, и поэтому памятники XV в., памятники I половины XVI в. и эпитафии II половины XVI – I половины XVII вв., выделенные Г.В.Юсуповым чисто хронологически, нами объединены стилистически в единую группу (Юсупов, 1960, с.39, 40).

Памятники этого периода по форме верхней части – полукруглые, без арки и килевидные со стрельчатой аркой. Арки невыразительные, плечики отсутствуют: в заполнение арок более ранних памятниках расположена кораническая формула, а с 20-ых гг. XVI в. – сложное переплетение растительных мотивов. Эти памятники имеют прекрасно выполненный бордюрный орнамент, состоящий из растительного мотива. Тексты эпитафий обычно состоят из 5-7, разделенных между собой рельефными полосами, строк. Как правило, первые 3-4 из них занимает изречение из Корана. Большинство эпитафий 20-50 гг. XVI в. имеют боковую надпись и надпись-штамп на обороте памятника. Надписи в основном выполнены рельефным шрифтом, почерком сульс. В конце эпитафия шрифт становится мельче. Но тексты отдельных памятников вырезаны углубленным шрифтом.

Как было сказано выше, эпитафические памятники XV и I половины XVII вв. нами разделяются на три региональных округа: Казанский, Касимовский и Каринский. Касимовский и Каринский округа дают однотипные памятники, а среди эпитафий Казанского округа выделяется несколько типов, которые хорошо укладываются в хронологические рамки. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Казанский регион

Первый тип – памятники примитивной обработки с остrokонечным или прямоугольным верхом, шестиконечной звездой или формулой в верхней части. Их размеры составляют 19x50x110 см, 20x59x110 см, 16x62x107 см. Почерк простой с элементами сульса, крупный врезанный шрифт к концу текста становится мельче. К этому типу относятся памятники из села Большие Нырсы Сабинского (№№ 2, 3) и из с. Большие Яки (№ 1) Мамадышского районов Республики Татарстан. Хронологически они охватывают 20–70-ые гг. XV в.

Памятники первого типа являются непосредственным развитием эпитафий второй половины XIV века. Здесь тот же мотив шестиконечной звезды, простой врезанный шрифт, но в структуре текста появляются компоненты, характерные для более поздних типов. Корни памятников I типа уходят еще глубже к эпитафиям первой половины XIV века Кирменско-Джукетауского округа. Несмотря на глубокие социально-экономические перемены, происшедшие во 2 половине XIV – 1 половине XV вв. мы видим непрерывное развитие традиций эпитафической школы Кирменско-Джукетауского округа. Эта цепь прослеживается на памятниках Кирмени 50-ых гг. XIV в., Ямашурмы 1362 г. и 1472 г., которых следует рассматривать как единый переходный тип от болгарских эпитафий к памятникам Казанского ханства.

Второй тип характеризуется бордюром, состоящим из ячеистого орнамента или плетенки. Верхняя часть памятников – полукруглая. Основные размеры плит таковы: 11x47x61 см, 14x56x70 см, 13x65x70 см. Как видно, памятники этого типа отличаются небольшой толщиной, а памятники с ячеистым орнаментом выделяются еще своей значительной шириной. Почерк памятников – простой врезанный, близок почерку эпитафий I типа, или простой рельефный. Между строками текста имеются врезанные или рельефные полосы. Данный тип включает памятники из с. Тат. Азелей, Средние Аты (№№ 1, 2, 3), Урывкино (№№ 1, 2), Чирпи, Тат. Ходяшево (№№ 1, 2, 3, 4) и некоторые другие. Эти памятники очень выразительны своим бордюрным орнаментом. Г.В.Юсуповым описано три вида бордюрного орнамента, входящих во второй тип: ячеистый, джут и веревочный.

1-й вид – ячеистый орнамент, представленный на надгробиях в Тат. Ходяшево (№№ 1, 2, 3, 4), состоит из треугольников, обращенных друг к другу вершинами; между ними помещены ромбики, стороны которых равны сторонам треугольников (рис. 11). Г.В.Юсупов отмечает

наличие аналогов такого орнамента в материалах Средней Азии, Руси, Болгара (Юсупов, 1960, с.140). Тат. Ходяшевские памятники последней четверти XV в., по-видимому, являются творениями рук одного мастера.

2-ой вид – орнамент в виде тройного плетения «джут» – характерен для памятников из сел Средние Аты (№ 2), Чирпы и Старый Мичень (рис. 11). «Джут» нашел отражение в каменной архитектуре болгар (орнамент двери Малого Минарета) и на золотоордынской майолике, Ф.Х.Валеев относит «джут» к узорам четвертого комплекса и отмечает употребление его в резьбе по камню и дереву (Валеев, 1969, с 136).

3-ий вид – орнамент в виде двойной плетенки по бордюру памятников из кладбищ у сел Тат. Танаево, Тат. Азелей, Урывкино (№№ 2, 6) (рис. 11), он также имеет аналоги в болгарском искусстве. Таково, например, оформление бордюра ряда болгарских костяных поделок.

Своеобразное оформление имеет памятник из Средней Аты. Бордюр его окаймлен рельефно – высеченной арабской вязью. Это пока единственный своего рода памятник в болгаро-татарской эпитафике. Все памятники 2 типа хронологически не выходят за пределы 80-90-ых гг. XV вв.

Третий тип. К этому типу относятся памятники с остrokонечным и килевидным верхом со стрельчатой аркой. Почерк этих памятников – простой и крупный, тяжелый сульс.

Принадлежащие к этому типу надгробия из Ямашурмы, Ниж. Берески, Ниж. Серды, Тат. Ходяшева, Ст. Узюм и Епанчино имеют остrokонечную и простую арку без плечиков с формулой «Он живой, который не умирает» в тимпане. Размеры памятников составляют 20x53x144 см, 22x47x130 см, 18x33x120 см. То есть по размерам они существенно не отличаются от памятников XIII–XV вв. Тексты памятников с остrokонечным верхом имеют врезанный шрифт, а тексты памятников с полукруглым и килевидным верхом исполнены рельефным шрифтом. Бордюрный орнамент разнообразен: рельефная полоса, виноградная лоза и геометрический орнамент, состоящий из зигзагообразной линии. Своеобразна и техника исполнения текстов некоторых памятников (Тат. Ходяшево), где свободное от букв пространство не выбрано, что значительно облегчало изготовление памятника. Подобной техникой выполнен и текст одного из Мало-Атнинских надгробий.

Очень разнообразное оформление имеет Н.Сердинская эпитафия. Здесь сочетаются растительный (в верхней части бордюра), геометрический (нижняя часть бордюра) и веревочный (между

строками надписи) орнаменты (рис. 12).

Все памятники этого типа имеют разделительные полосы между строками текста. Эпитафии из Н.Верески, Н.Серды и некоторые другие имеют боковую надпись в стихотворной форме. Такая надпись на арабском и татарском языках «Вижу мир развалиной по существу, не остается он продолжительно в покое» встречается на болгарских эпитафиях. Под аркой памятников этого типа расположена кораническая формула «Он живой, который не умирает». Шрифт рельефный, близкий болгарскому сульсу; между строками текста рельефная полоса. Бордюр Иски-Казанского памятника представляет широкую рельефную полосу, а бордюр памятника из Тат. Ходяшева и Средней Аты имеет орнамент в виде растительного побега. На памятнике из Средней Аты пространство вне арки занято орнаментом в виде растительного побега. Орнаментальная полоса после заглавной формулы представляет собой двойное плетение. Реконструкцию оформления этой эпитафии дал Ф.Х.Валеев (Валеев, 1969, с.134, рис.129). Орнаментация пространства вне арки встречается на болгарских надгробиях (Юсупов, 1960, табл.49). Среди поздних памятников подобное оформление не встречается. Орнаментальная полоса в виде разорванного меандра или растительного побега широко была распространена среди болгарских памятников и на эпитафиях XVI века.

Немногочисленные памятники 3-го типа хронологически не выходят за пределы двадцатых годов XVI века. Только примитивно оформленный памятник из Н.Берески установлен в 946 г.х. (1539/1540 гг.).

Четвертый тип включает в себя памятники с верхом стрельчатой и остроконечной формы и с бордюрным орнаментом в виде виноградной лозы, опушенной по всей длине памятника. Орнамент верхней части составляет «затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов – розеток, завершаются трилистником-тюльпаном; в центре розетка, по обе стороны ее продолговатые стилизованные листья» (Дульский, 1929, с.24). Г.В.Юсупов отмечает композиционную близость этого орнамента с орнаментом архитектурных памятников XIII–XVI веков в Азербайджане, Средней Азии и орнаментом болгарских надгробий. По его мнению, подобный орнамент был широко распространен в архитектурной декорировке памятников Казанского ханства (Юсупов, 1960, с.148).

К четвертому типу мы относим памятники из Чувашли, Берсут-Сукачи, Наласы (№№ 1, 2), Верхней Серды, Тат. Танаева, Ст. Тябердино, Ст. Масры (№№ 1, 2), Ямашурмы (№№ 2, 6), Хохлова, Ст. Шигали, Бол. Березы, Н.Уры, Вер-

хние Кибя-Кози, Иски-Казани (№ 2) и некоторые другие. Их размеры 22x48x128 см, 18x50x128 см, 20x45x110 см, что характерно и для памятников третьего типа. К четвертому типу относится и памятник из с. Чемерцы, где растительный и веревочный орнамент, завершающийся трилистником-тюльпаном, образует арку в виде треугольника.

Памятники четвертого типа хронологически относятся к 30–40 гг. XVI в. Показательно, что у них уже проявляются особенности, характерные для стильных надгробий I половины XVI века: штамп на обратной стороне, растительный пышный мотив, боковая надпись и другие черты. В дальнейшем совершенствуясь, этот тип переходит в пятый тип.

Пятый тип включает памятники с бордюрным орнаментом, обрамляющим часть плиты, где расположена надпись. В верхней части таких надгробий врезан орнамент, изображающий плетение растительных форм, но более усложненного типа. На оборотной стороне врезан штамп. Боковая надпись на обеих сторонах начинается со слов «Сказал пророк, да будет мир над ним» и приведено одно из изречений Мухаммада.

По характеру оформления бордюра пятый тип подразделяется на 4 вида: 1 вид – по бордюру пущена виноградная лоза. К этому виду относятся памятники из Чемерцы, Казани, Чувашли, Кугушева, Н.Серды, Молвино (№№ 1, 2), Н.Берески, Пановки, Тат. Маматкозино, Наласы и многие другие. Эпитафии из Молвино, Н.Берески, Пановки, Тат. Маматкозино имеют тот же орнамент, между основным текстом и тимпаном. Подобное явление мы наблюдаем и в памятниках болгарского периода. Размеры памятников таковы: 22x55x137 см, 20x50x115 см, 24x48x110 см. Хронологически 1 вид включает памятники 30–50 годов XVI вв.

По своим типологическим элементам памятники из Наласы несколько отличаются от эпитафий этого вида: нет в их надписи стройности, орнамент «ислими» сильно стилизован и форма памятника выделяется своей удлиненностью. На боковой части – суфийское двустипие, характерное для памятников четвертого типа.

2-й вид – по бордюру располагается орнамент из мотива тюльпана, который получил широкое распространение. Наиболее реалистично он представлен на камне из Кишметьева: трехлепестковый тюльпан в профиль с острыми лепестками расположен в один ряд по бордюру. У остальных надгробий – Ст. Шигали, Нижние Метески (№№ 1, 2), Нижняя Серда, Чувашли, Старые Менгеры) этот вид орнамента настолько стилизован, что некоторыми исследователями был принят за ром-

бики и треугольники. Мотив этот подробно описан Н.Ф.Калининым (Калинин, 1949, с.8), Н.И.Воробьевым (Воробьев, 1948, с.75) и Г.В.Юсуповым (Юсупов, 1960, с.152). Последний отмечает аналогии тюльпановидного орнамента на материалах Средней Азии, Дагестана и Азербайджана. Хронологически 2 вид относится к 40-50 гг. XVI века.

3-ий вид – по бордюру пущен орнамент из цветочных мотивов. Данный вид представлен памятниками из Чувашии и фондов Национального музея РТ, датированных 50-ыми годами XVI столетия. Этот вид широкого распространения не имеет.

4-ый вид. По бордюру камней этого вида пущен орнамент в виде своеобразного мотива побега. Он пока зафиксирован лишь на памятнике 957 г.х. (1550 г.) из Тат. Ходяшева. Ф.Х.Валеев относит его к узорам 5 комплекса (Валеев, 1969, с.137). Этот мотив в эпитафиях Казанского ханства является наиболее поздним.

Памятники шестого типа включают в себя эпитафии из Ст. Менгеря, Ст. Узюмя (№№ 1, 2), Нижних Метески, Кодрякова, Малые Атни, четыре памятника из Арского района. В основном, они относятся ко второй половине XVI – первой половине XVII вв. Размеры надгробий таковы: толщина 12-23 см, ширина 50-60 см, длина 125-160 см, то есть намечается некоторое уменьшение толщины камней. Хотя, они существенно не отличаются от надгробий Казанского ханства. Верхняя часть эпитафий килевидная или стрельчатая, в тимпане растительный орнамент, характерный для памятников Казанского ханства. Бордюр представляет растительный орнамент типа виноградной лозы, но с очень крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию крестообразной розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз. Г.В.Юсупов отмечает близкие аналоги такому сюжету на архитектурных памятниках Средней Азии. Единичные памятники этого типа продолжали свое существование в конце XVII и даже в начале XVIII века. Например: Максабаш 1080 г.х. (1669/70 г.), Нижн. Ура 1099 г.х. (1687/88 г.), Нурлаты – 1122 г.х. (1712/13 г.).

Оформление боковых частей памятников XV – I половины XVII вв. простое. У первого и второго типов надписи или орнамент по бокам отсутствуют, лишь некоторые памятники третьего типа имеют надписи на боковых частях. У эпитафий четвертого – шестого типов боковые надписи расположены в одну или в две строки и заключены в прямоугольные или остроколенные рамки. На некоторых памятниках встречается в сочетании с надписью мотив побега с

очень крупными изгибами стебля (надгробие из Арского района).

На обороте большинства надгробий четвертого – шестого типов имеется надпись-штамп лица, установившего данное надгробие, или прекрасно выполненный орнамент геральдического и цветочного характера (рис. 13). Часто рельефная надпись клейма помещается в разделенном горизонтально пополам круге, вписанном в ромб, который, в свою очередь, вписан в резной прямоугольник; все пространство вне круга заполнено резным стилизованным растительным орнаментом. Иногда центральную часть круга занимает полоска надписи. Надпись более характерна для эпитафий шестого типа, хотя встречаются и на камнях четвертого–пятого типов. Редко подобный штамп имеется и на татарских памятниках XVIII–XIX вв.

Рисунки оборотной стороны, имеющиеся лишь на немногих надгробиях из сел Большой Сулабаш, Чирши, Ташли-Ковали, Ст. Менгеры и другие, отличаются своей неповторимостью (табл. рис.13). Орнаментация плиты из Средней Аты, где шести лепестковая розетка вписана в круг, помещенный в квадрате, близка орнаменту болгарского надгробия из Тат. Азелей.

Как было указано выше, почерк надписей эпитафических памятников первого–третьего типов близок к почерку болгарских эпитафий. Простой врезанный почерк с некоторыми элементами нахса и сульса, характерный для памятников первого–третьего типов, отмечен на многих болгарских эпитафиях Восточного, Кирменско-Джукетауского округов и на позднее болгарских эпитафиях из Ямашурмы и Б.Нырсы. Тяжелый крупный «сульс» эпитафий третьего типа (Иски-Казань, Тат. Ходяшево и др.) также имеют аналогии среди надписей надгробий из города Болгара, Тат. Шапкино и других мест Болгарского и Кирменско-Джукетауского округов.

Тексты надгробий I половины XVI века (четвертый–пятый типы) написаны не строго выдержанным стилем какого-либо одного почерка. Изменение в почерке, по мнению Г.В.Юсупова, связано с общей эволюцией арабского письма в мусульманских странах в XII–XV вв. и поздним его отражением в пределах далекого Среднего Поволжья (Юсупов, 1960, с.152).

Тексты эпитафических памятников XV – I половины XVII вв. Казанского округа всех типов композиционно близки друг другу. Несколько отличаясь от текста болгарских памятников, они состоят из пяти компонентов расположенных в следующей последовательности: 1) кораническая формула; 2) слова, связанные с календарем; 3) имя и титулы погребенного; 4) словосочетание, обозначающее понятие смерти; 5)

благожелательная формула (приложение 4).

1. Кораническая формула. Для надписей I типа камней характерны часто встречающиеся на болгарских эпитафиях формулы «Каждая душа вкусит смерть» и «Именем Аллаха, милостивого, милосердного», для надписей камней 2 и 3 типов – «Он живой, который не умирает». Интересен тот факт, что формула «Он живой, который не умирает» во 2-ом и 3-ем типах передается в перефразированной форме.

Подобная перефразировка, как мы отмечали выше, характерна для болгарских эпитафий Кирменско-Джукетауского округа. На надгробиях XVI века в связи с заполнением тимпана растительным орнаментом кораническая формула открывает основной текст эпитафии. Выше отмеченные формулы уступают место другим изречениям из Корана. Например: «Не знает душа, в какой земле она умрет»; «Каждая душа вкусит смерть. Мир есть пашня конечной жизни»; «Все, что на ней (на земле) – брэнно и останется (лишь) лицо господи твоего, обладателя величия и почтения»; «Мир есть час, так используй его в благочестивых делах». Каждое изречение начинается со слов «Сказал Аллах». В зависимости от размера эпитафии данная группа занимает от трех до шести строк эпитафия.

Вероятно, подобные изречения были широко распространены и не только на эпитафиях. Например, изречение «Мир есть час, так используй его в благочестивых делах» приводится на монетах Болгара, чеканенных от имени Насир ад-Дин Аллаха в сороковые годы XIII века (Янина, 1954, № 2).

2. Слова, связанные с календарем. Как правило, приводятся год, месяц, дни месяца в некоторых случаях, как пережиток, дни недели (Б. Нырсы, № 3). Появление даты на втором месте после коранической формулы является новым признаком, что характерно и для памятников более позднего времени. На болгарских эпитафиях датой обычно завершается текст, только за редким исключением (Нижние Яки, № 1) дата приводится в середине эпитафии.

3. Имя, титулы погребенного. В эпитафиях Казанского ханства данная группа очень краткая. Необходимо отметить отсутствие генеалогии, столь характерной для болгарских памятников. Даже на эпитафиях султанов, беков и религиозных деятелей приводится лишь имя отца. В эпитафиях XVI века третья часть текста идет со связующим словом «ким».

4. Словосочетание, выражающее понятие смерти. Для памятников XV века, первой половины XVI века характерно выражение «Из мира брэнного в мир вечности переселился». Данное словосочетание мы встречаем и на болгарских

эпитафиях. В тексте 6-го типа надгробий встречаются слова «умер» или выражение «погиб от рук неверного».

5. Как правило, четвертый компонент текста завершает эпитафию, однако, в текстах первого, второго, частично третьего типа, как пережиток, встречается благожелательная формула. Некоторые изменения в структуре текста наблюдаются в шестом типе, где в надгробиях первые 3–4 строки текста занимает кораническая формула. Вторая текстологическая группа – дата выражена, как правило, годом и месяцем. Число месяца и дни недели не указываются. Лишь в некоторых случаях дата выражена более конкретно: начало, середина или конец месяца. Характерной особенностью памятников этого типа является выражение даты в форме «тарих мен ел узып...» – по прошествии тысячи... лет.

Необходимо также отметить исчезновение в надписях надгробий шестого типа связующего слова «ким» и четвертого компонента, выражающего понятие смерти, хотя на памятнике конца XVI века из Ст. Менгеры этот компонент присутствует.

Структура текста эпитафий XV – I половины XVII вв. всех типов построена по тюркоязычной конструкции. Лишь эпитафия 1543 г. из Ст. Менгер отличается наличием слов, связанных с обрядом захоронения, выраженных на арабском языке – «Это лучезарная могила». Памятники этого периода отличаются большим количеством коранических изречений. В силу этого, отпадают третий и четвертый компоненты текста болгарских эпитафий, т.е. слова, связанные с обрядом захоронения и благожелательная формула. Хотя формула еще продолжает сохраняться в первом типе надгробий. Значительные изменения происходят в третьей части – сокращаются или полностью выпадают титулы, эпитеты и родословия погребенного. Эпитафии XV–XVI вв. состоят обычно из имени отца и сына, отца и дочери или жены и мужа. Как исключение можно указать на архаичного типа эпитафию из села Нижние Берески, где наряду с мужем упомянут и отец погребенной. В болгарских же эпитафиях эта часть текста, как мы отмечали выше, занимает исключительно важное положение – нередко приводится родословная до седьмого–девятого поколений с разнообразными эпитетами и титулами.

Дата памятника за счет отсутствия дней недели, в некоторых случаях дней месяца выражена короче, чем на болгарских эпитафиях.

Сокращение структурных компонентов в тексте, в силу этого исторической информации в какой-то мере компенсируется богатым, пышным орнаментом лицевой стороны и обязательным оформлением боковых частей и оборотной

стороны камня. Забегая вперед, заметим, что текст оборотной стороны можно рассматривать как продолжение текста лицевой стороны.

Текст боковых частей, как правило, состоит из коранических изречений: «мир есть час, и используй его в богоугодных делах», «мир есть пашня конечной жизни» и др., которые в обязательном порядке начинаются словами: «Сказал пророк – да будет мир над ним». Они могут встречаться и на лицевой стороне камня. На многих камнях вырезано известное изречение на арабском и тюркском языках «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое». Вероятно, вырезались и другие надписи. Например, на ранней эпитафии из Тат. Азелей мы читаем арабскую формулу «Смерть есть врата и все люди войдут в них».

Касимовский регион

В городе Касимове Рязанской области, в бывшем центре Касимовского опричного княжества, обнаружены эпитафические памятники, по оформлению и по структуре текста близкие казанским. Все они – около 50 памятников – происходят из Старопосадского кладбища и мавзолея Шах-Али города Касимова. Памятники представляют собой тщательно обработанную плоскую плиту с килевидной, стрельчатой или остроконечной верхней частью с аркой и плечиками. В тимпане арки расположен хорошо известный по казанским памятникам пышный мотив, состоящий из сплетений растительных форм или кораническая формула. Ниже тимпана расположена вторая арка из волнистых линий, где размещена заглавная формула. Свободное от арки пространство украшено растительным мотивом. Встречается орнамент более упрощенного типа, дополненный небольшими розетками.

На обороте большинства эпитафий имеется штамп-надпись лица, установившего памятник, прямоугольной формы с овальной аркой из волнистых линий, где обычно располагается упрощенный мотив орнамента лицевой стороны и надпись.

Почерк эпитафий – простой рельефный, между строками текста имеются рельефные полосы. Тексты эпитафий занимают 8-9 строк, как правило, шесть-семь из них состоят из аятов и хадисов Корана. Таким образом, эпитафии из Касимова аналогичны казанским (пятый и шестой типы), поэтому мы относим их к татарским эпитафическим памятникам XV – I половины XVII вв. и выделяем как один из его локальных вариантов. В других местах бывшего Касимовского княжества надгробные памятники не об-

на обороте большинства камней четвертого–шестого типов имеется трафаретная надпись о том, кем поставлен этот памятник. Например: «Этот памятник мать (его) Даулат-султан воздвигла» (Мамдель), «Этот памятник родительница (его) Куркли-бика воздвигла» (Старые Менгеры) и другие. Следовательно, надпись на обороте в какой-то мере дополняет текст на лицевой стороне. Правда, имеются и особенности в этих дополнениях. Так, слово лауха – плита, надгробный памятник, соответствующее третьей части текста болгарских эпитафий, здесь выражено в ином контексте. Термины родства – «родительница», «мать», «отец», «супруг», титулы и слова титулатурного характера – «бика», «султан», «йучунь» и другие также дополняют третью текстовую часть лицевой стороны.

наружены. Показательно, что эпитафические памятники Касимова появляются во время правления Шах-Али, то есть в первой половине XVI в. и продолжают существовать до середины XVII в. По своему оформлению и структуре текста среди них мы выделяем 2 типа: первый тип – памятники со стрельчатой верхней частью, треугольной аркой с формулой «Он живой, который не умирает, все живущее умрет»; второй тип – памятники с килевидной верхней частью, стрельчатой аркой, под которой орнамент с пышным растительным мотивом.

Первый тип эпитафий более ранний, в основном они относятся к 60-70-ым гг. XVI столетия, а второй тип продолжает свое существование вплоть до середины XVII в.; последний датированный памятник 2-го типа относится к 1652 г. (1062 г.х.)

По своему оформлению касимовские памятники отличаются от казанских наличием двух арок на лицевой стороне. Верхняя стрельчатая арка заполнена орнаментом, как и у казанских памятников, нижняя волнообразная – одной из коранических формул. Штамп-надпись на обороте врезан в прямоугольнике на всю ширину памятника в несколько строк, который завершается небольшой волнистой аркой, заполненной растительным орнаментом.

В структуре текста касимовских памятников мы находим те же самые лексические части, что и в текстах надгробий Казанского округа. Причем в текстах более ранних памятников, относящихся к 60-70 гг. XVI столетия, среди коранических формул все еще встречаются формулы «Он живой, который ...» и «Каждая душа вкусит смерть...». Характерно наличие в начале текста связующего слова «ким», словосоче-

тания «из мира тленного в мир вечности переселился», а также другие особенности, столь характерные для текстов памятников Казанского округа.

Отличительной чертой касимовских памятников является употребление большого количества коранических формул. Кроме 26 и 27 стихов V суры, 57 стиха XXIX суры, 34 стиха XXXI суры, 60 стиха XXV суры Корана, часто встречаемых и на надгробиях Казанского округа, касимовские эпитафии с 80-ых годов XVI столетия и до середины XVII в. начинаются, как правило, с формулы «перед богом Иисус тоже что Адам; Адама он создал из праха, потом сказал ему «будь, и тот был» (стих 52, сура III). Показательно, что все суры приводятся без сокращений.

В тексте эпитафий на втором месте идет дата памятника. Чаще всего дата отмечается годом, месяцем и днем, однако этот компонент по сравнению с текстом казанских надгробий имеет большое разнообразие. На памятниках 1055 г.х. (1643/44 г.), 1060 г.х. (1649/50 г.), 1061 г.х. (1650 г.) годов дата приведена циклическим годом тюркского летоисчисления – год курицы, год зайца. На некоторых памятниках отмечаются дни недели – «чершенбэ» (среда), «шимбэ» (суббота), «душенбэ кичесе» (воскресенье) и другие, что зафиксировано и в текстах надгробий Казанского округа.

Третья лексическая часть эпитафии характеризуется обилием титулов, терминов родства, однако без родословных. На женских эпитафиях в обязательном порядке приводится имя мужа, на девичьих – имя отца.

Разнообразна по своему составу четвертая часть текста, выражающая понятие смерти. Всего встречено семь различных вариантов, в том числе и вариант «Из мира тленного в мир вечности переселился». Этот компонент обычно завершает эпитафию, только у некоторых имеется заключение в форме благочестивого изречения «Да помилует праведный Аллах».

На многих камнях, на боковых сторонах имеются следы надписи. На одном из камней 1019

г.х. (1610/11 г.) вырезано известное нам с болгарских времен двустилие на татарском и арабском языках: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое». Надпись помещена в рамку, а фразы разделены между собой розетками.

На оборотной стороне памятников имеется надпись-штамп, однако на более поздних эпитафиях надпись о сооружении памятника переходит на лицевую сторону. Такое явление мы видим и на памятниках Казанского округа.

Текст надписи-штампа несколько видоизменной формы повторяет текст казанских надгробий. Например, на памятнике Шах-Али вырезано «эту плиту йучунь Махи-султан ханака для деда своего Шах-Али хана велела воздвигнуть». Как видим, текст надписи-штампа касимовских памятников отличается более точным употреблением глагола; не «воздвигла», а «велела воздвигнуть», с указанием лица, для которого поставлена эпитафия.

Эпиграфические памятники Касимова по своему оформлению и структуре текста очень близки к памятникам пятого и шестого типов Казанского округа. Пятый тип эпитафии Казанского округа, по отношению к Касимовским, является более ранним и в силу этого, очевидно, служил эталоном для эпитафий второй половины XVI – первой половины XVII вв. Казани и Касимова. Поэтому среди памятников Казанского округа мы вправе искать более точные аналоги надгробий Касимова, то есть с двойными арками на лицевой стороне. Фрагмент одного такого памятника из Заказанья хранится в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана. Его размеры 18x49x66 см, на боковых частях известное двустилие на арабском и татарском языках. «Вижу мир...» на обороте штамп-надпись образца казанских эпитафий. На лицевой стороне две арки, заполненные пышным мотивом и коранической формулой; надпись не сохранилась. В какой-то мере, это надгробие является связующим звеном между казанскими и касимовскими памятниками.

Северный (Каринский) регион

Далеко от основной территории распространения татарских эпиграфических памятников находятся надгробия из с. Нохрат (Карино) Слободского района Кировской области. Немногочисленные памятники Карино, хотя и близки памятникам Казанского ханства, все же имеют существенные отличия, позволяющие выделить их как одно из локальных вариантов татарских эпиграфических памятников XV – I половины XVII вв.

В Каринском округе сохранилось 3 надгробия XVI века, самый ранний из которых датируется 909 г.х. (1504 г.). Данное надгробие в виде прямоугольной плиты со стрельчатым верхом имеет примитивную полукруглую арку: в тимпане арки – орнамент в форме бутона. После первой строчки надписи идет орнаментальная полоса, состоящая из ломаной линии. Между строками текста имеются разделительные ре-

льефные полосы. В тексте отсутствуют характерные для текстов казанских памятников XVI в. изречения из Корана.

Другие два памятника, относящиеся к 1522 и 1555 гг., идентичны друг другу. Орнаментом в виде побега, близкого к разорванному меандру, украшен только бордюр эпитафии. Шрифт обеих памятников простой врезанный. Своеобразен и текст эпитафий, начинающийся с обращения «О Мухамад, О Али». Далее следуют три коранические формулы, обычные для болгарских эпитафий. На боковых частях надписи или орнамент не имеются. На обороте третьей эпитафии вырезано лирическое обращение к умершему.

По текстам надгробий можно установить, что здесь погребены члены одной семьи: жена Али Суфия – Ай Бикач, его сын Сейтяк и его внук Джиганша. Памятник самого Али-Суфия отсутствует.

Эпитафии Нохрата по своему оформлению, орнаменту и структуре текста более архаичны, чем памятники Казанского округа. По многим параметрам данные памятники напоминают надгробия XV в. из Тат. Ходяшева.

Исследование эпиграфических памятников XV – I половины XVII вв. показывает, что самые ранние из них происходят из бывших болгарских центров и от эпитафий XIII–XIV вв., ни по оформлению, ни по структуре текста существенно не отличаются, хотя намечаются некоторые новые черты. Эти эпитафии, относящиеся к первому типу, хронологически не выходят за пределы 60-ых годов XV века. Черты, связывающие стильные эпитафии Булгара и Казани, развиваются сильнее во втором типе эпиграфических памятников, относящихся к 70-80 гг. XV в., и в третьем типе, изготовленные в конце XV века.

В начале XVI века эпиграфические памятники появляются в Карино Слободского района Кировской области, а в середине XVI века в городе Касимове Рязанской области, где проживало татарское население, имевшее тесные экономические и культурные связи с Казанью.

Они представляют собой региональные разновидности татарских эпиграфических памятников XV–XVII вв. Образцом для подражания для всех трех округов выступали вышеотмеченные памятники XV века, включающие в себя упомянутые три типа.

Как было сказано выше, среди памятников Казанского округа XV – I половины XVI столетий, мы выделяем 6 типов. Хронологически они располагаются таким образом: 1-ый тип – до 60-ых годов XV в.; 2-ой тип – 70-80-ые годы XV в.; 3-ий тип – конец XV – начало XVI вв.; 4-ый тип – 30-40-ые гг. XVI в.; 5-ый тип 30-50-

ые годы XVI в.; 6-ой тип – середина XVI – I половина XVII вв.

Из них только 4-ый и 5-ый типы представляют стильные надгробия Казанского ханства, оказавшие сильное влияние на эпитафии Касимова и на эпитафии второй половины XVII–XVIII вв. Если Али – Рахим и отрицал преемственность болгарских и казанских надгробий, то открытие Г.В.Юсуповым первого, второго и третьего типов эпитафий Казанского ханства, имеющих переходный от болгарских к казанским характер, снимает это отрицание. Возникновение стильных эпитафий Казанского ханства (4-5 типы) Али-Рахим связывал с влиянием Дагестана. Однако более ранние памятники Северного Кавказа, в том числе Дагестана, ни по оформлению, ни по структуре текста не могут быть источником влияния на татарские памятники. Отмеченный Али-Рахимом шрифт рельефный сульс был широко распространен на Востоке: мы даже его видим на Балканах, на строительной надписи из Болгарии 839 г.х. (1435 г.) (Зайнчковский, 1979, с.79-81). По своему оформлению памятники 4-ого и 5-ого типов более близки к эпитафиям Старого Крыма, а если принять во внимание, что в 30-ые гг. XVI века в Казани воцарилась крымская династия Гиреев, то подобной общности были созданы все условия.

Топографическое сравнение эпитафий конца XIV, XV, XVI столетий показывает концентрации последних вокруг старых болгарских центров, отдельные из них впоследствии становятся административными центрами даруг Казанского ханства (карта 2).

Так, например, памятники из Б.Нырсы, Ст. Мичень указывают на административный центр Зюрейской даруги, да и в самой Зюри эпитафии появляются в начале XVI века. Памятники Чирши находятся в центре Алатской даруги. По Арской даруге большая концентрация памятников отмечается вокруг Иски (Старой) Казани. Можно полагать, что центр Ногайской даруги находился в среднем течении реки Меши, на что указывают памятники с. Урывкино и Тат. Ходяшева. К Ногайской даруге относился и Чаллынский город с эпиграфическими памятниками у сел Берсут Сукачи, Уразбахты, Бол. Салтаны. В Предволжье татарское население концентрируется в бассейне нижнего течения реки Свяиги, где обнаружены памятники XV века у сел Тат. Танаева и Тат. Азелей – вероятно, там находился центр Галицкой даруги.

В первой половине XVI века география эпиграфических памятников значительно расширяется, однако топография их остается та же. Показательно, что в указанных выше центрах

или рядом с ними сосредоточены эпиграфические памятники с титулами должностных лиц: Нурлаты, Молвино по Галицкой даруге, Малые Меретяки по Зюрейской даруге; Тат. Ходяшево по Ногайской даруге, Иски-Казань, Чепчуги, Куркачи по Арской даруге, Нижние Верески, Ст. Узюм, Б. Менгеры по Алтайской даруге (приложение 3-2). Кроме вышеуказанных пунктов, по наличию значительного количества эпитафий к крупным поселкам, административным центрам можно отнести Старый Узюм, Старые Менгеры, Серду, Средние Аты, Нижние Верески, Ст. Ашит, Ямашурму и другие. Некоторые из них имеют по 2 и более кладбищ с эпитафиями: 3 – в районе Иски-Казани, по 2 – в районе сел Кишит, Верхние Серды, Нижние Серды, Ст. Масра, Тямти-Метески, что также говорит о значимости этих населенных пунктов. Известные по письменным источникам городища Казань,

Иски-Казань, Ст. Зюри, Утерняское, Чаллыньское можно связывать с кладбищами XV–XVI столетий.

В городе Арске, известном по русским летописям с XVI столетия, эпиграфические памятники не сохранились. Нужно отметить и наличие небольшого количества эпитафий в Казани – столице ханства и около нее, где писцовые книги описывают густую сеть татарских селений. Это, очевидно, объясняется большими социально-этническими изменениями, происшедшими в Казанском крае и особенно в Казани в связи с христианизацией местного населения и запретом селиться около Казани и по берегам крупных рек с середины XVI в. Более ранние источники отмечают наличие эпитафий у с. Епанчино Лаишевского района и с. Кузембетьево около Казани и другие, ныне утраченные (Борисов, 1899).

Социально-историческая терминология на памятниках XV – первой половины XVII вв.

Эпиграфические памятники XV–XVII вв. дают значительный материал по социальной терминологии казанского феодального общества: титулы, термины титулатурного характера, тахаллусы, термины родства и другие. На эпитафиях наиболее полно представлены титулы (приложение 3-2).

Титул «хан» носили правители Казанского и Касимовского ханств. Он зафиксирован на памятниках из Касимова: Ураз – Мухаммад хан 1019 г.х.(1610/11 г.), Шах Али хан 974 г.х.(1566 г.), Мустафа Али хан 1017 г.х.(1609/10 г.) и др. На одном памятнике 1061 г.х.(1650 г.) термин «хан» повторен дважды: «хан справедливый Кучум хан». Здесь термин «хан» после собственного имени является титулом правителя Сибирского ханства, а перед именем хана – эпитетом, точнее сплавом титула и эпитета.

Термин «султан» зафиксирован на памятниках из Чувашии, Нижняя Серда, Служилая Ура, Старый Узюм, Старые Менгеры и Касимова.

В ханствах XV–XVI вв. титул султан применялся к царевичам, не занимавшим официально престол (Бартольд, т.V, с.522-523). В этом значении термин «султан» употребляется на Касимовских эпитафиях (№№ 2, 6, 8, 17 и др.). Но из источников известно, что этим титулом именовали себя и Казанские ханы, сидевшие на престоле: Султан ал-гали Ибрагим хан (Великий государь Ибрагим хан), Султан ал-гали Сахиб-Гирей хан (Великий государь Сахиб-Гирей хан) (Усманов, 1979, с.34, 37). Однако в указанных примерах основным титулом казанских правителей является хан, а термин «султан ал-гали»

– эпитетом (сплавом титула и эпитета), показывающим монаршеское происхождение владельца титула (там же, с.156-160). В такой форме данный термин мы видим на памятниках Казанского ханства из Чувашии, Служилой Уры, Ст. Узюма и Ст. Менгера. На этих эпитафиях термин «султан великий – ас-султан ал-гали» стоит не после имени погребенного, где согласно тюркской конструкции текста, как правило, должен стоять титул, и даже не перед именем: между данным термином и именем погребенного расположена дата эпитафии. К тому же на отмеченных выше эпитафиях из Чувашии, Нижней Серды и Ст. Узюма погребенные имеют еще и другой титул – «ходжа». Нужно отметить и то, что места захоронений казанских ханов и членов их семей располагались в Казани, Болгарах и Балынгусе, а не в отдельных деревнях. Поэтому термин ас-султан ал-гали (султан великий) в данном случае титулом быть не может, а является эпитетом погребенного, показывающим их знатное происхождение.

Слова «султан» входит еще и в состав сложного женского имени, выделяя знатность его владельца. Например, Нур-Султан (Верхние Кибя-Кози), Даулат-Султан (Мемдель), Жанай-Султан (Ст. Менгеры № I) и другие.

На одном из памятников Касимова (№ 19) отмечен титул «улан». Одно из ранних употреблений этого титула мы видим в ярлыке Тимур-Кутлука, выданном в 1398 году (История Татарии, 1937, с.57, 58). В джучидских ярлыках термин «улан» (оглан) означал «правителя из принцев», который находился во главе более круп-

ных, чем тумены, военно-административных, территориальных единиц «крыльев – флангов» (Усманов, 1979, с.210). В данном случае, возможно, что один из родственников касимовских ханов, занимал крупную военно-административную должность. Это подтверждается еще тем, что жена этого Мухаммад-улана была похоронена в мавзолее самого хана Шах-Али.

Титул «бек» зафиксирован на памятниках из Касимова (№ 3) и Казани (эпитафия замурована на стену мечети Марджани). Данный титул в значении князя-правителя определенной области или города был известен и на эпитафиях Волжской Булгарии. В джучидских актах этот титул наравне с темниками, предводителями «десяти тысяч», обозначал титул военного и гражданского предводителя (Усманов, 1979, с.208). На памятнике из Казани данный титул отмечен трижды – при имени отца, сына и внука, что говорит о его наследственности. На многих джучидских актах титул «бек» связан с крупными военно-административными единицами – даругами (там же, с.208, табл.XV). Возможно, Мухаммад-Али бек его сын Мухаммад-Шах и его внук были правителями одной из даруг Казанского ханства.

На трех памятниках из д. Куркачи, Касимова (№ 3) и Иски-Казани упомянут широко известный по письменным источникам титул «мирза». Нередко титулу «мирза» (мурза) дается такое определение: «сын или ученик эмира, дворянин второго ранга». По своему словообразованию название напоминает «детей боярских» Московского государства» (История Татарии, 1937, с.57,58). По ярлыкам ногайского хана Юсуфа, Абдуллы Бакшея и Ивана IV (все 1549 г.) мы видим равнозначность титулов «мирза» и «князь» (там же, с.110-112). Так, в 1552 г. упоминается Камай мурза, а в Послании московского дипломата в Крыму И.Мамонова (1516 г.) в т.ч. перечисляется Бахтеяр мурза Довлетиков, Асан мурза Темиров (Исхаков, 2000, с.43, 45, 48). Титул «мирза» имел хождение, и после падения Казанского ханства. Например, он зафиксирован на памятнике 1689/70 г., хранящемся в Национальном музее РТ.

Титул «ходжа» отмечен на памятниках из Чувашли, Ниж. Серда, Узюм, Ниж. Метески, Иски-Казани. В тексте последней эпитафии он упомянут при именах отца и сына. Как мы отметили выше, этот титул в значении «хозяин, землевладелец» был известен в Волжской Булгарии (табл.3-2).

Титул «бай», богатый, уважаемый человек зафиксирован в тексте трех памятников: Н.Метески, Наласы, Ст. Узюм. В тексте последнего камня он упомянут при именах отца и сына.

По одному случаю отмечены титулы «челеби» (Бакырчи) и «ага» (Тат. Ходяшево), которые в казанском обществе XV – I половины XVII веков не получили широкого распространения.

На одном из памятников Касимова зафиксирован титул «аталык» – воспитатель ханских детей. Этот титул в форме «атабек» встречается в Азербайджане в XII–XIII вв. (Бартольд, т.1, 1963, с.430). Звание аталыка существовало в странах Азии, в Крыму, в Казани (Вельяминов-Зернов, 1864, с.437). В столице Казанского ханства были Аталыковы ворота.

Духовенство в татарском феодальном обществе XV–XVII вв. играло значительную роль. Среди титулов духовенства первенство принадлежало сеидам и шейхам.

Титул «сеид» (Чемерцы, Малые Меретяки) известен по Казанскому летописцу (ПСРЛ, т.XIX, с.392). Об очень высоком положении сеида можно судить по запискам Герберштейна, который в I половине XVI в. писал: «Он (сеид) пользуется у них таким уважением и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя протягивают ему руку, сидящему на лошади, и, наклонив голову, прикасаются к ней; это представлено одним только царям, ибо князьям касаются не руки его, а колен, знатные лица ног, а простой народ прикасается рукою только к платью его или лошади» (История Татарии, 1937, с.100). Мир-Али сеид из Чемерцы имел еще титул «устаз» – высший духовный учитель, наставник. Подробнее о титуле «сеид» можно узнать в работе смотри: Д.М.Исхакова «Сеиды в позднее золотоордынских татарских государствах».

Титул «шейх» – глава мусульманской общины, миссионер – встречается в тексте памятников из Тат. Ходяшева, М.Меретяки, Ст. Узюм, Молвино, В.Серда, Б.Менгеры. Этот титул упомянут также в ярлыке Сахиб-Гирея (История Татарии, 1937, с.101-102) и в Казанском летописце (ПСРЛ, т.XIX, с.392), где он стоит после титула «сеид».

Хаджи – человек, совершивший паломничество в Мекку. Этот титул встречается на памятниках из Акзигитова, Васюкова, Тат. Ходяшево, Молвино, Куркачи и других мест. Имея широкое хождение в Казанском обществе, нередко встречается и среди членов одной семьи. Например, титул «хаджи» на эпитафии из Акзигитова употребляется при именах отца и сына.

В единичных случаях встречаются такие титулы служителей культа, как «дервиш» (В.Серда, Касимово, Карино), «ишан» (Иски-Казань), «суфи» (Карино), «муэдзин» (Касимово), «мулла» (Иски-Казань), «хафиз» (Чувашли) (приложение 3-2). Однако, несмотря на много-

численность низшей категории служителей культа, они на эпитафиях не получили широкого отражения.

Женских титулов на эпитафиях выявлено немного. Широко распространёнными из них являются титулы «бика» – (бикач) – жена бека, знатная женщина (Т.Ходяшево, Нурлаты (№ 1), Н.Берески (№ 1), Чепчуги, Куркачи, Иски-Казань, Б.Менгеры (№№ 1,2), Касимов, Карино и другие). В большинстве случаев данный термин встречается на обороте мужских эпитафий в надписи-штампе.

С вышеназванным титулом перекликаются титулы «хатун» (Касимова, Иски-Казань) и «ханум» (Касимова). На памятниках из Касимова зафиксированы титулы «ханша» – жена хана и «туташ» – знатная девушка. Титулы «ханум», «ханыш», «ханака» давались женщинам из ханского рода (Вельяминов-Зернов, 1864, с.494).

Термины родства на татарских эпитафиях представлены значительно шире, чем на болгарских памятниках (приложение 3-3). Термин «углы» (его сын) упоминается почти во всех эпиграфических памятниках XV–XVI вв. В основном этот термин встречается на лицевой части эпитафии, то есть памятники являются мужскими, а на женских эпитафиях термин «сын» встречается в связи с отцом или с лицом, установившим памятник. На двух памятниках XV века употребляется арабская форма этого термина «бин» (Тат. Ходяшево, Бол. Нырсы).

«Гияли» – супруг(а). Этот термин употребляется и в значении «мужа», и в значении «жены» на памятниках из Иски-Казани, Касимова, Н.Метески, Чемерцы, Чувашли, Наласы, Татарское Танаево, Тохтамыш и других мест.

Термин «бинте» – дочь зафиксирован в эпитафиях из Тат. Ходяшева, Касимова, Карино, Ниж. Берески, Ст. Менгеры, Ниж. Серды, Ибры и Нурлата. На одном из памятников из Ниж. Берески употреблена тюркская форма этого термина «кыз» – дочь.

Известен термин «валида» – родитель(ница) (Ст. Менгеры, Касимов, Ст. Кишит) и более дифференцированные формы этого термина «ана» –

мать (Чемерцы, Касимов, Мемдель) – «ата» – отец (Хохлова, Ниж. Серда, Кодрякова).

На памятниках из Касимова зафиксированы термины родства «ага» – дядя, брат, «баба» – бабушка и «йучунь» – племянница. Последний из них встречается и на одной из эпитафий из с. Ст. Узюм.

Подводя итоги, нужно отметить, что в 94 пунктах выявлено около 250 памятников XV – I половины XVII вв. Более ранние памятники 1-го и 2-го типов, относящиеся к XV веку, компактно расположены в Заказанье. Эпитафии конца XV – I половины XVI (третий и пятый типы) распространяются на Предволжье, на Закамье (Балынгуз), на Вятские земли (Нократ), но основным местом бытования памятников данного периода остается Заказанье. На значительной территории, занимаемой татарским населением, устанавливается единый стиль эпиграфических памятников со стрельчатой верхней частью, пышной орнаментацией по бордюру и тимпану, канонизированным текстом (4-ый и 5-ый типы). Наблюдается единство стиля и в оформлении оборотной стороны и боковых частей. В оформлении эпитафии и в каллиграфии мастера достигли такого мастерства, что трагические события осени 1552 года, потеря государственности у татарского народа не сразу сказались на развитии татарской эпиграфики. Еще столетие до середины XVII в. сохраняется этот совершенный стиль эпиграфических памятников (6-ой тип), единичные памятники этого типа относятся даже к XVIII в. Типы памятников XV – I половины XVII вв. укладываются в определенные хронологические рамки, что показывает непрерывное поступательное развитие татарской эпиграфики. Первый тип памятников существовал до 60-ых гг. XV в.; 2-ой тип относится к 70-80-ым гг. XV в.; 3-ий тип – к концу XV – началу XVI вв.; 4-ый тип – к 30-40 гг. XVI в.; 5-ый тип – к 30-50 гг. XVI в. и 6-ой тип – ко II пол. XVI – I половине XVII вв.

Эпиграфические памятники XVI века, в том числе эпитафии с титулами, концентрируются вокруг значимых селений Казанского ханства.

Глава IV

ТИПОЛОГИЯ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.

В середине XVI столетия Казанское ханство вошло в состав русского централизованного государства. Русское правительство не только присоединило этот край политически, но и быстро начало осваивать его экономически и культурно. Сразу же после присоединения сюда потянулось значительное количество русских переселенцев и феодалов, получивших большие земельные участки. Кроме колонизации края русским населением, царское правительство начало вести русификаторскую политику. Стремясь подчинить себе край в политическом отношении, правительство оттеснило татарское население от городов, в первую очередь от Казани, на 30-40 км, а также от главных рек, являющихся в то время основными путями сообщения на 15-20 км.

Присоединение Казанского края к России в то же время внесло большие изменения в словесную иерархию Казанского феодального общества. Феодальная верхушка была выселена из своих земель, частично уничтожена. Результатом этой политики в крае явилось то, что уже через 10-15 лет после присоединения Казанского ханства к России только в волжской левобережной части нерусских феодалов оказалось более чем в три раза меньше, чем русских. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. дает нам только 13 имен таких феодалов. Небольшая часть из них владела еще землей «по старине», «без дач».

Но не все отторгнутые у местного населения земли сохранились в руках русских помещиков. К началу XVII века многие земельные владения были возвращены нерусским феодалам, но уже на правах поместного владения. Намечается политика правительства по созданию привилегированной прослойки среди нерусского населения.

Казанские феодалы, перешедшие на службу к русскому правительству, оставались некоторое время на прежнем положении во владении землей. Только при Петре I у них были полнос-

тью отняты земли и зависимые люди, ставшие теперь государственными крестьянами.

После падения Казанского ханства царское правительство проводило политику массового насильственного крещения нерусских народов. Особую жестокость подобная политика приняла при Казанском архиепископе Луке Канашеевиче. На территории Казанской губернии только за два года (1742–1744) из 536 мечетей было уничтожено 408. Ликвидация мечетей и училищ при них, уменьшение мусульманского духовенства сильно подорвали идеологическую организаторскую роль ислама.

В середине XVIII столетия на территории Среднего Поволжья и Приуралья происходят большие социально-экономические изменения, которые привели к значительной консолидации татарского населения. С середины XVIII в. начался переход от феодализма к капитализму. Постепенно зарождается и набирает силу татарская буржуазия, которая добивается некоторых уступок со стороны царского правительства: ликвидация миссионерской конторы для новокрещенных (1746), разрешения строить мечети и мусульманские школы при них (1756), свободы вероисповедания (1773), уравнивания татарских мурз в правах с русскими помещиками (1784) и др.

Молодая татарская буржуазия устанавливает тесные связи с тюркоязычными окраинами России в башкирском Приуралье, в Средней Азии и др. В школах усиленно изучаются турецкий, арабский языки, в то же время формируется самосознание народа, развивается общенациональный язык и национальная культура.

Эпиграфические памятники XVII – I четверти XX вв. не получили монографического исследования, не разработана также классификация памятников этого периода. Эпиграфические материалы XVII–XVIII вв. в той или иной степени привлечены в работах Г.В.Юсупова, Ф.Х.Валева, М.А.Усманова, М.И.Ахметзянова, И.Таирова, С.Червонной, Р.Марданова, И.Хадиева, В.Усманова.

Г.В.Юсупов хронологически выделяет памятники второй половины XVII в., эпитафии XVIII в. и памятники XIX в., отмечая, что у них нет строго выдержанных самостоятельных стилей, а есть только повторение элементов типологии предшествующих веков (Юсупов, 1960, с.41). Ф.Х.Валеев относит их к эпитафиям третьей (вторая половина XVI – середина XVIII вв.) и четвертой (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) групп (Валеев, 1950, с.90). Он также отмечает, что «стелы третьей группы почти полностью повторяют декор камней первой половины XVI в. и к середине XVIII века в надгробиях исчезает характерный стиль второй группы – резной узор, и со второй половины XIX в. резная орнаментация на надгробиях почти не применяется» (Валеев, 1984, с.95). Таким образом, оба исследователя в памятниках XVII–XIX вв. видели только повторение типов эпитафий Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Эпиграфические памятники второй половины XVII и XVIII веков зафиксированы более чем в 70 населенных пунктах (приложение 1-3). Основным местом концентрации эпитафий, по-прежнему, являются территория Республики Татарстан, а также восточные районы Чувашии и западные районы Башкортостана. Камни XVIII века известны на севере в с. Нократ Глазовского района Удмуртии, на северо-востоке у с. Бизяки, Тураева Агрызского района, на юго-востоке в Оренбурге, Тобольске и у с. Альменова Альменовского района Курганской области (карта 3).

Эпиграфические памятники данного периода, то есть XVII–XVIII вв., имеют большое типологическое разнообразие. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

К первому типу мы относим памятники килевидной и стрельчатой формы с полукруглой или стрельчатой нестройной, значительно упрощенной аркой. Под аркой сильно стилизованный растительный орнамент с двумя бутонами посередине. Мотив этот несколько напоминает орнамент на болгарских надгробиях из Болгар и Ст. Салман XIV в. и памятника из Карино I половины XVI в.. Только в некоторых случаях этот орнамент усиливается мотивом тюльпана. Бордюр памятников представляет собой широкую рельефную полосу или две врезанные линии, подобные рельефные полосы разделяют и строки текста (рис. 12).

В размерах памятников обнаруживаются значительные расхождения от 22х43х95 до 25х59х196 см. Шрифт эпитафий простой и очень мелкий, почерк близок к скорописи.

Памятники этого типа получают широкое распространение на значительной территории:

Ниж. Ура, Максабаш, Тохтамыш, Верхняя Ошма, Арск Арского, Именькова Лаишевского районов Татарстана, Нохрат Глазовского района Удмуртской Республики, Чишма Чишминского, Шигаева Белорецкого районов Республики Башкортостана и другие.

Памятники второго типа с остроконечной или килевидной верхней частью, примитивно вырезанной подтреугольной аркой, имеют следующие размеры: 24х52х170 см, 35х54х140 см, 26х57х113 см, 25х55х142 см. Намечается значительное увеличение толщины памятников. Внутри арки расположены растительный круговой орнамент или мелкая врезанная надпись. Своеобразен бордюрный орнамент эпитафий из Ст.Урмара, Тобурданова, Аттиково, Шигалей, Ковалей, состоящий из зигзагообразной линии во всю длину памятника и ромбиков, образованных двумя такими линиями, из косых насечек (Ст.Урмары), веревочного орнамента (Чебоксарский музей). Памятники второго типа расположены компактной группой в пограничных районах Татарстана и Чувашии, в основном в бассейне реки Свияга.

Тексты эпитафий 2 типа, как правило, бордюрным орнаментом разделены на три–пять секторов. В одном из секторов, обычно, в среднем или в нижнем, располагается орнамент, состоящий из двух шестилепестковых розеток. Почерк эпитафий некаллиграфический, шрифт врезанный, очень мелкий. На боковых частях и на оборотной стороне надписи и орнамента не имеет. Некоторые памятники этого типа отмечены в Заказанье, например, в с. Тат. Ходяшево, Чита Пестречинского, Бол. Нырсы Сабинского районов Республики Татарстан и относятся к рубежу XVII–XVIII вв.

Памятники 2-го типа по своему оформлению очень близки к эпитафиям XV века. Они, как было сказано выше, в XVI веке не получили дальнейшего развития. Достоянно внимания возрождение подобного типа памятников почти через 200 лет.

Третий тип – памятники с остроконечным верхом без орнаментации. Шрифт мелкий, врезанный. Размеры 15х38х105 см, 19х85х105 см. Надгробия сверху сужаются. К ним относятся эпитафии из Мавлютова, Старое Кузеево Республики Башкортостан, Буртасы Республики Татарстан и другие. Своеобразное место в этом ряду занимает надгробие из Молвино (Зеленодольский район Республики Татарстан) с надписью на арабском языке почерком, близким к сульс.

Четвертый тип – памятники с полукруглым верхом без арки с растительным орнаментом по бордюру и в верхней части. Строки текста разделены рельефными полосами. Шрифт мелкий, врезанный, почерк простой. Текст состоит

из 10 и более строк и, кроме даты, написан на арабском языке. Размеры до 25/30x75x180 см. Хронологически они появляются в конце XVIII века, а в XIX в. получают массовое распространение (рис. 15).

Пятый тип – эпитафии с полукруглым верхом без арки и орнамента. Шрифт эпитафий данного типа рельефный, почерк крупный сульс, меж строками текста рельефная полоса (рис. 16). Пятый тип получает широкое распространение в XIX веке.

Шестой тип – эпитафии с полукруглым верхом без арки и орнамента. Шрифт врезанный сульс.

В структуре текста памятников второй половины XVII–XVIII вв. имеются незначительные расхождения. Эпитафии третьего типа, как было отмечено выше, по оформлению и по структуре текста не отличаются от памятников Казанского ханства.

Надписи всех памятников первого типа начинаются с коранической формулы «Он живой, который не умирает», характерной для памятников Волжской Булгарии и ранних типов эпитафий XV–XVII вв. Вторые-четвертые строки текста занимают «аяты» и «хадисы», такие же, как на памятниках Казанского ханства и первой половины XVII столетия.

В третьей части текста исчезает выражение «по прошествии» и появляется новое выражение «диярлэр иде». Иногда дата выражена очень лаконично, приводится только год. Например, «по летоисчислению в тысяча сто десятом было» (Ниж. Ура).

Представляет большой интерес возрождение третьего компонента текста болгарских эпитафий, связанных с обрядом захоронения – «билге – билик» (Ниж. Ура), «балук» (Чишма) в значении, памятник. Такая форма отсутствовала с начала XV века.

Во многих памятниках боковые надписи и надпись-штамп отсутствует. Только в некоторых (Именьково, Чишма) надпись-штамп лица, установившего памятник, переходит на лицевую сторону. Это явление мы встречали на памятниках Касимова и в шестом типе эпитафий Казанского округа.

Надпись на обороте состоит из нескольких строк и включает в себе больше информации историко-лингвистического характера, чем сама эпитафия. На памятнике 1687/88 гг. из Ниж. Ура читаем: «этот памятник воздвиг Биктимер суфи, сын Килдияр Хафиза из аиля Оры, от людей молитву ожидая».

На некоторых эпитафиях включение этого компонента в текст лицевой стороны совершенно меняет смысл всей эпитафий. Например, в

тексте эпитафии из с. Максабаш мы читаем: «По летоисчислению в тысяча девяносто втором ... Хафиз Иштиряк сын Ишая-суфи, от людей молитву ожидая, для отца и матери при своей жизни памятник воздвиг», «Биктимер мурза для своей супруги Тугаш бике этот знак (памятник) поставил» (Нижняя Ура). Еще одна особенность структуры текста памятников этого типа – завершение эпитафии двустилием «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое», который, как правило, начиная с XIII века располагался на боковой части памятников.

Характерна структура текста памятников второго и третьего типов. К сожалению, большинство эпитафии дефектные. Мелкая врезанная надпись быстро разрушается и трудно поддается расшифровке. Здесь не встречается кораническая формула, которая открывала текст эпитафий, начиная с XIII в. Текст эпитафий начинается с даты и, как правило, состоит из шести-семи строк. После даты идет третий компонент, имя и родословная погребенного. В тексте памятника из Мавлютова зафиксирован четвертый компонент в форме «зиярат» (место погребения).

Социально-экономические изменения в Среднем Поволжье после падения Казанского ханства отражались в традиции обряда установления памятников резким уменьшением памятников, изменением их размеров и ухудшением их внешнего оформления. Если не считать двух Менгерских памятников, ничем не отличающихся от эпитафий Казанского ханства, эпитафических камни второй половины XVI – первой половины XVII в. неизвестны. В этот период татарский народ подвергся гонениям, насильственной христианизации, татарская феодальная верхушка потеряла свою руководящую роль. В результате ощущается падение роли ислама в обществе. В этих условиях народные массы не могли в полной мере соблюдать свои традиционные обряды, в том числе и ритуальные. С другой стороны, изготовление эпитафий требует и значительных материальных затрат, грамотных мастеров, хорошо владеющих навыками резьбы по камню. Стильные надгробия и в болгарском, и казанском обществе изготовляли на заказ.

Нельзя исключить, что в данный период, во второй половине XVI – первой половине XVII вв. место погребения отмечали деревянными памятниками. Такая традиция у татарского народа наблюдается, по сей день. Вероятно, к этому времени относятся многочисленные необработанные камни на древнетатарских кладбищах. На отдельных кладбищах таких камней сохра-

нились десятки (Исляйкино). Из-за отсутствия текста нельзя датировать надгробные камни, находящиеся на Нарат Елгинском, Алпаровском и других кладбищах Закамья. Эти тщательно обработанные, со стрельчатой верхней частью камни, по своим размерам и форме близки к памятникам Казанского ханства и XVII в. Нельзя исключить, что памятники без надписи были установлены на рубеже XVI, XVII вв., так как памятники, характерные для эпохи Казанского ханства, проявляют себя и в XVIII в. (Молвино). Характерными для этого периода являются памятники первого, второго и третьего типов. В более ранний период эпиграфические памятники этих типов не встречаются, не повторяются они и в более поздний период. Четвертый-пятый типы эпитафии появляются в последней четверти XVIII в. и получают широкое распространение уже в XIX веке.

Рассмотрим социальную терминологию эпитафий XVII–XVIII вв. По традиции на памятниках сохраняется высокий титул периода Казанского ханства – «мурза – мирза». Данный титул дважды встречается на памятниках из Ниж. Ура, Кодряково, на двух памятниках из Национального музея РТ, видимо, тоже из Заказанья. На трех из этих памятников титул «мурза» употребляется при именах отца и сына. Это говорит о том, что данный титул переходил по наследству. Титул «мурза» часто встречается на письменных источниках послеказанского периода. Например, в Писцовой книге Казанского уезда (Писцовая книга, 1978, с.39, 65, 88, 125 и др.).

На эпитафиях из Верхней Тирмы и Чишмы отмечен титул «бек». Трудно представить, что в XVII веке владельцы этих высоких титулов имели реальную власть.

Традиционно сохраняется титул «ходжа» – хозяин, владелец (Ст. Узюм), В то же время появляется новый термин «бай», вероятно, в том же значении (Ташли Ковали). Владельцев титулов «ходжа» и «бай» нужно искать среди землевладельцев и предпринимателей. На памятнике из Качелино выявлен термин «турэ»- чиновник, администратор.

Среди титулов большой удельный вес получают титулы религиозных деятелей. Встречаются, известные по болгарским и казанским надгробиям, титулы «хаджи», (Чита), «ишан» (Максабаш), а также появляются новые «хафиз» (Ниж. Ура, Максабаш), «суфи» (Максабаш, Бол. Нырсы, Ниж. Ура), «мулла» (Молвино, Кшкар). Расширению титулов религиозного характера способствовало разрешение правительством в середине XVIII в. строительство мечетей и мусульманских школ при ней.

Среди терминов родства, кроме в обязательном порядке употребляемых терминов «сын», «дочь», нужно отметить термин «джефет» – супруга (Ниж. Ура), «йучунь» – племянница (там же), а также термины «ага» (дядя), «ата» (отец), «баба» (дед) из Тураева. Интересен термин «йаран» (соподвижник) на эпитафии из Максабаша.

Среди эпитафий этого периода отмечено несколько памятников с тахаллусами. В двух из них встречаются тахаллусы топонимы «бараскаи» (Верхние Берески) и «кшкари» (Кшкар), один – тахаллус этноним «булгари» (Молвино). Носитель последнего тахаллуса имеет и другие тахаллусы – этнонимы «тамти» и «хытай». Этноним «кодряк» зафиксирован из Кодряково, «ашит» из Нократа, «нократ» из Нократа и Верхней Ошмы, «истяк» из Кодрякова, «табай» из Урмар и Ковали, «нуркай» из Чишмы.

Отдельные из вышеуказанных этнонимов, например, «истяк» (иштяк) нам известны по письменным источникам XVI в. Д.Исхаков, подробно рассматривающий вопросы, связанные с административно-политическим устройством татар XV–XVII вв., в «иштяках» видит часть населения татар тюрко-угорского происхождения, консолидация которого в Иштякскую общность завершилась в низовьях рек Ика, Белой к XVI в., а в пермском крае – к XVII в. (Исхаков, 1998, с.161 и сл.). Этноним «хытай» (кытай) Д.Исхаков связывает с ногаями и ногайской ордой (Исхаков, 1998, с.154).

В XIX в. получают широкое распространение – четвертый-пятый типы. Для этих памятников характерно отсутствие арки и плечиков, полукруглая верхняя часть, рельефная полоса между строками и каллиграфическая надпись шрифтом сульс. Как правило, памятники этих типов надписи на боковых частях и на обороте не имеют.

На отдельных памятниках XIX века появляются плечики (шестой тип), хотя по оформлению каллиграфии они идентичны с вышеуказанными типами.

Седьмой тип – памятники со стилизованной верхней частью. Некоторые из них установлены в паз специально для этого установленного основания. Верхняя часть эпитафии представляет имитацию тюрбана с четко выделенной по лицевой стороне камня стрельчатой аркой. Как пример можно привести эпитафию, поставленную на могиле сына Мустафы ишана Мухаммеда Батыршина из Чистополя.

Верхнюю часть памятника из Тяжбердино представляет бутон цветка. Широкий сплетенный рельефный бордюр эпитафии окаймляют нишу для надписи. Памятник установлен в пазы каменного

основания. Такое же явление мы видим на памятнике 1123 г.х. (1711) из Казанского кладбища.

На верхней части памятников из Альметьевска, Миннибаева, Мари-Ямалы, Казани, Кулшарипова имеется изображение полумесяца, а на памятниках из Старых Салман, Чистополя символ веры выражен в форме тугры.

Камни XIX века выделяются своими меньшими размерами: 14х39х113, 13х27х58, 17х39х78 см. и другие.

Памятники 8-го типа получают форму подквадратного в сечение ствола стелы размером 23х26х84 см, что дает возможность мастерам более рационального использования площади памятника для нанесения надписи. С использованием всех четырех сторон памятника для нанесения надписи частично изменилась и структура текста. Единый текст эпитафии разделяется на две равномерные части и размещается на обеих сторонах камня. На боковых частях размещается традиционное кораническое изречение. В этом плане характерен камень из фондов Музея Языковых в Ульяновске.

В XIX веке появляются оригинальные эпитафические памятники, содержащие сведения исторического немемориального характера. Наиболее ранние из них обнаружены в селе Альменьево Альменьевского района Курганской области. В надписи памятника есть информация, составляющая эпитафию: имя, отчество, дата смерти, благожелательная формула и посвящение лица, установившего памятник. Одновременно на памятнике размещаются обширные сведения о том, откуда покойный приехал, и наиболее важные сведения об его жизненном пути. Язык эпитафии обилен словами арабского и персидского происхождения. Дата 1826 г. Такого же характера памятник установлен в Каргалах Оренбургской области в 1901 г. на могиле Мустафы Хаялина. Сведения эпитафии сообщают о том, что его предок Саид Хаялин с разрешения государя императора основал селение Каргалы. Надо указать еще на одну эпитафию, поставленную на могилу Мухаммед Ханафи Усманова в селе Большая Цильня Буинского района Татарстана. В эпитафии перечисляется большое количество его родственников (21) и то, что его предки прибыли сюда в 1609/10 году со стороны Рязани из Темниково.

Характерным для этих памятников является указание места пребывания (переселения) покойного или его предков. Последние два памятника, по сути, не являются мемориальными надмогильными памятниками, поскольку установлены намного позже смерти покойного, но с указанием даты его смерти. Указание прежнего ме-

ста жительства появляется и на обычных памятниках XIX – начала XX вв. С Чистопольского кладбища известен памятник жителя села Средние Тиганы Абдулхака сына Хайруллы. Появление эпитафии такого характера нужно увязывать с массовыми переселениями татарского населения и разрушениями традиционного патриархального уклада жизни. В данных условиях сохранение сведений о происхождении своего рода стало актуальным. Именно в это время на эпитафиях появляются родоплеменные этнонимы, что не наблюдалось на эпитафиях периода Казанского ханства.

Таким образом, по материалам экспедиций автора и публикаций зафиксировано около 700 эпитафий второй половины XVII – первой четверти XX вв. Памятники второй половины XVII – середины XVIII вв. распространяются в Предкамье в пределах современной территории Татарстана. Предволжье охватывает нижнее течение Свияги и восточные границы Чувашии, в Башкортостане памятники сконцентрированы в районе Чишмы. С данной территории происходят и эпитафические памятники XIII–XVI вв. Исключение составляют только территории Восточного Предкамья от реки Вятка до границы Республики Татарстан, где более ранние эпитафические памятники не зафиксированы. На территории левобережья Волги ниже устья Камы, где зафиксированы большое количество болгарских памятников XIII–XIV вв., вплоть до конца XVIII в. памятники отсутствуют. Исследуемые памятники данного периода, в отличие от памятников Волжской Булгарии и периода Казанского ханства выделяются большим разнообразием типов, что объяснимо региональными особенностями татарских эпитафических памятников. В северо-восточной части современной территории Чувашии в XVIII в. выделяются эпитафии с богато орнаментированными геометрическими узорами, веревочным орнаментом, розетками (второй тип). Памятники этого типа отличаются отсутствием коранической формулы в тексте и размещением на первом месте эпитафии даты. Эти оригинальные эпитафии по своей декорировке имеют более ранние аналоги в Заказанье в лице памятников XV в. Компактное расположение на территории Чувашии и отсутствие подобных памятников в других районах распространения эпитафий XVII–XX вв. дает возможность их выделить в отдельную региональную группу.

В Предкамье широко распространяются памятники первого типа. Отдельные памятники этого типа имеются на севере Предволжья, в Башкортостане и в Кировской области, т.е. в тех районах, где XIII–XIV вв. существовали регио-

нальные школы резьбы по камню. Памятники II половины XVII – I половины XVIII вв. ни в Башкортостане, ни в Кировской области от других эпитафий данного периода не отличаются, поэтому, несмотря на наличие значительного расстояния между данными пунктами и основной территорией распространения памятников, мы не считаем возможным, выделить их как региональные группы.

Для XIX в. характерны памятники с полукруглым верхом, с изящным почерком рельефной сульсы (шестой тип) и почерком врезанной сульсы и насх (седьмой тип). Орнамент на данных памятниках отсутствует. Такие типы продолжают существовать и в начале XX века. Они распространяются на всей территории проживания татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья. Данные типы памятников оказывали влияние на формирование эпиграфики других тюркоязычных регионов, например, Западного Казахстана (Аджигалиев, 1994, с.45).

Распространение памятников седьмого типа, установленных в специальный паз каменного основания, появление эпитафий с полумесяцем, тугрой – явление, не характерное для болгарских и татарских памятников XV–XVII вв. Это говорит о том, что в традицию установки болгаро-татарских эпиграфических памятников на рубеже XVIII–XIX вв. были внесены извне определенные элементы новшества. Сам характер этого новшества показывает на источник – Турцию. Написанные формулы «Именем Аллаха милостивого, милосердного» в виде тугры, кроме одного случая (Ст. Салманы), нам неизвестны. Как пример более ранней аналогии можно привести памятники 1824г. из Наратлы Елга, где многократное повторение слова «Аллах» образует розетку. На отдельных памятниках этого типа нижний камень имеет углубление, образуя чашу, где собирается дождевая вода. Подобная чаша на верхней части камня имеется на камне 1865 г. из Миннибаево. Исследователь М.Ахметзянов отмечает, что по верованиям мусульман из этой чаши пьют певчие птицы (Ахметзянов, 2000, с.48). В этой связи нужно упомянуть изречение «Смерть есть чаша и все люди выпьют из нее», отмеченное на памятнике XIV в. из Старое Ильдеряково. По народным верованиям, обильный дождь и полив способствовали очищению души.

Смерть человека мусульманская идеология воспринимала как неизбежную, но не трагическую действительность. По верованиям душа человека после отделения от тела попадает в рай. В этом плане символично оформление памятника в виде арки – райских ворот и присутствие ниже тимпана орнамента в виде виноградной

лозы, воспринимающиеся как символ вечной жизни. Реалистичный геометрический орнамент эпитафий XIII–XIV вв. в XVI веке переходит в растительный, в основном, цветочный орнамент. Неизменным остается только виноградная лоза. На памятниках XIX века появляются и другие атрибуты рая – райские ворота и райские птицы.

Мастера в изготовлении четырехгранных подквадратных сечений ствола памятников в Крыму достигли совершенства. Отдельные исследователи видят в надгробиях такого типа изображенного человека. «Живое существо изображать, конечно, нельзя, но этот камень, этот столб в чалме, он смотрится почти как человек, и в его силуэте даже можно узнать суровую статью, грузную мощь и юношескую стройность умершего», – пишет С.М.Червонная (1997, с.18).

Татарские памятники Поволжья, несмотря на стилизованность верхней части, не повторяют крымские: четкая вертикальность, основополагающий принцип всей болгаро-татарской эпиграфики, здесь не нарушен. Среди эпитафий этого периода, особенно XIX – начала XX вв., имеются большое количество памятников, изготовленных непрофессионалами.

Включение памятника в тот или иной тип предполагает наличие хорошо обработанной поверхности камня, каллиграфической надписи, элемента оформления верхней части, бордюра, оборотных и боковых сторон (не всегда) и орнаментации. Подобные камни – это работы профессиональных мастеров. Иногда мастера указывали и свое имя (Именьково).

Язык памятников XVII–XX вв. – татарский с большим включением арабских и персидских слов. В трафаретных текстах первого, третьего типов арабские слова занимают значительную долю текста. Тексты второго, четвертого типов полностью на татарском языке, в эпитафиях отсутствует кораническая формула. В текстах других типов кораническая формула, благожелательные и традиционные слова, связанные с образом захоронения на арабском языке.

XIX веке в эпиграфике закрепляется традиция написания даты цифрами, отмеченная на памятниках еще XIII веке. В данном случае появление традиции написания даты цифрами связано с двойным написанием даты по хиджре (мусульманскому) и милади (христианскому) летоисчислению. В дальнейшем написании даты цифрами прочно займет свое место в тексте эпитафия. Двойное написание даты продолжится в течение всего XIX века.

Великие потрясения октября 1917 г. не отразились на развитии эпиграфики. Эпиграфические типы памятников, характерные для XIX в.,

продолжают существовать до начала сороковых годов XX столетия. Например, эпитафия из Чистополя 1931 г., написанная каллиграфическим почерком полукуфи.

Сегодняшнее состояние изученности эпиграфических памятников конца XVIII – начала XX вв. не дает возможности выделить региональные особенности татарских эпиграфических памятников. Известные науке памятники Прикамья, Западного Закамья, включая северную часть Ульяновского Поволжья, Северного Предволжья, дают однотипные памятники. В Восточном Закамье эпитафии Альметьевского региона несколько выделяются из общей массы памятников конца XVIII – начала XX вв. наличием на отдельных камнях тамг. Некоторых из них, на-

пример, тамги из Старое Абдулово, М.Ахметзянов датирует XIV–XV вв. (Ахметзянов, 2000, с.56). Среди памятников этого района имеются эпитафии с геометрическим орнаментом, близким ко второму типу (Кулшарипово, 1812 г.) и эллипсоидной верхней частью (Нижняя Мактама, 1916 г., Кулшарипово, 1781 г.). В последнем случае автор публикации видит в ней лицо человека (Ахметзянов, 2000, с.44). В тексте отдельных памятников на первом месте ставится имя, отчество человека, на последнем месте приводится имя мастера, но в связи с неполной исследованностью эпитафий данного периода сказать, проявляется ли здесь особенность региона или это явление характерно для всей татарской эпиграфики XIX – начала XX вв., трудно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию болгаро-татарских эпитафических (намогильных) памятников XIII – первой трети XX вв. В работе использованы памятники, изученные самим автором во время экспедиционных поездок по Республике Татарстан и Ульяновской области. Изучены эпитафии, хранящиеся в ГИМ (Москва), БГИАМЗ (Болгар), Национальном музее РТ (Казань), Музее ИЗО (Казань), КГУ (Казань), в Чистопольском и Тетюшском музеях. К работе также привлечены экспедиционные материалы крупнейшего эпитафиста Г.В.Юсупова, хранящиеся в архивах ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ. В работе использовано более 900 болгаро-татарских эпитафических памятников XIII – первой трети XX века.

Исследованы данные памятники неравномерно. Если эпитафии XIII – первой половины XVI вв. привлекали внимание исследователей, а сохранившиеся в полном объеме памятники опубликованы, то более поздние намогильные камни, особенно эпитафии XIX, XX вв. не подверглись монографическому изучению. Еще предстоит планомерное изучение данных памятников в пределах Республики Татарстан и на территории компактного проживания татар.

Подробно рассмотрев круг всего эпитафического наследия нами был проведен анализ формы и внешнего оформления, орнаментики, структуры текста и словарного состава, титулов и терминов родства и на этой основе выделены региональные варианты болгаро-татарских эпитафий.

В отдельные периоды социально-экономической и идеологической жизни болгарского XIII–XIV вв. и татарского общества XV–XX столетий возникал единый стиль эпитафических памятников на всей территории распространения намогильных камней, характеризующийся единым шрифтом письма, структурой текста и орнаментацией. Конгломерат сходных социально – политических ячеек породил сходную эпитафику. Единый эпитафический массив существенными стадийными хронологическими различиями дает возможность выявления этнокультурных специфических признаков, выделения местных региональных черт. Эпитафика болгарская и татарская компактна, непрерывна и преемственна (в культурном, политическом и психологическом планах), относительно единообразно по языку. Центром возникновения эт-

нических процессов и ядром культурного синтеза для стадии становления традиции является Болгары, для стадии дальнейшего развития и укрепления традиции – Заказанье и Северное Предволжье. Стильные надгробия, безусловно, работа мастеров профессионалов-резчиков по камню. Единые архитектурные приемы, общие для памятников болгарской архитектуры и эпитафических памятников, высокая каллиграфия и кораническая поэзия показывают, что эпитафические памятники являются составной частью болгаро-татарской городской культуры. На это показывает и притяжение древних кладбищ с эпитафиями к городищам XIII–XIV вв., центрам даруг XV–XVI вв., крупным населенным пунктам XVII–XX вв.

Изучение текстов лапидарной эпитафики показывает огромную роль Корана, арабского языка в идеологической жизни болгаро-татарского общества. Каллиграфия письма в сочетании орнамента арки, плечиков и других отдельных элементов оформления достигла в эпитафики художественного совершенства. Отдельные эпитафические памятники можно рассматривать как произведения высокого благородного исламского искусства, столь характерного для мусульманского Востока.

Привлечение эпитафических памятников в качестве исторических источников по истории болгарского и татарского феодального общества дает значительный материал по титулатуре, социально-этническим терминам XIII–XVIII вв.: значительная часть терминов данного порядка согласуется с сохранившимися письменными источниками.

Эпитафические памятники выступают как источники в таких важных вопросах, как возникновение и складывание крупных исторических центров, возникновение татарских аулов, а также миграция и расселение болгаро-татарского народа. Материалы эпитафики показывают несколько таких крупных перемещений населения, происходящих в течение XIV – первой половине XVIII вв.

Как было сказано выше, самые ранние памятники с сохранившимися датами относятся к 70-ым годам XIII века. Хронологическое развитие эпитафий вплоть до середины XVIII в. приведено на гистограмме 1 (см. приложения). Для анализа включены эпитафические памят-

ники только с сохранившимися датами, что значительно сокращает количество памятников. Из около 400 эпитафических памятников XIII–XIV вв. выбрано 76, в том числе из 170 памятников Болгара – 45. То же самое нужно сказать и для памятников XV – первой половины XVIII вв. Несмотря на это, динамика развития эпитафического наследия на гистограмме проявляется четко. Гистограмма эпитафий XIII–XIV вв. показывает плавный подъем количества эпитафий и спад в диапазоне 690–750 гг. хиджры. В Болгарах ее подъем начинается на десятилетие раньше, спад – в 730-ые годы, а памятники 750-ых годов отсутствуют полностью. Это нельзя объяснить только сохранностью памятников, уничтожением или использованием их в хозяйственных целях. Если бы это было так, то и для XVI в. мы получили такую же гистограмму. Однако она показывает другую картину: резкий спад количества эпитафий в 960-ые гг., что связано с включением Казанского ханства в состав России и подрывом основ социально-экономической базы татарского государства.

Гистограмма памятников XIII–XIV вв. дает иную картину. Максимальное количество эпитафий было установлено в 710–720 гг., а в 730–740-ые гг. хиджры их количество значительно снижается. Это труднообъяснимо, поскольку период правления Узбека и Джанибека называют эпохой расцвета Золотой Орды, в том числе Булгарского улуса. Естественно, наблюдается увеличение количества памятников в 1100 гг. хиджры (1690 годы), когда намечается стаби-

лизация жизни в татарском обществе в новых условиях, в рамках единого русского централизованного государства.

В связи с неполной изученностью памятников второй половины XVIII – начала XX вв. хронологическое развитие эпитафий изобразить графически не представляется возможным. Однако имеющиеся материалы говорят о стабильном развитии эпитафики в течение всего XIX века, снижении количества памятников в начале XX века и их полном исчезновении в 30-ые годы XX века, что является следствием Октябрьской революции и господством в обществе атеистической идеологии.

В XVII–XVIII вв., хотя и отмечается широкий разброс композиционных решений в оформлении эпитафий, можно наблюдать сложение определенных типов для отдельных регионов. Это направление продолжается и в XIX в. Большое разнообразие типов в XIX – первой трети XX вв. связано с включением в процесс оформления эпитафий широкого круга непрофессиональных писцов и резчиков по камню. В работе мастеров-профессионалов Казанского края наблюдается соблюдение единых норм традиции резьбы на камне: форма, орнаментация, каллиграфия, структура текста и др. Складывающийся единый стиль XIX – первой трети XX вв. был прерван Октябрьской революцией и последующим за ней установлением единой атеистической идеологии. В 80-ые гг. XX в. наблюдается возрождение прерванной на время традиции установки резного эпитафического камня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Калинин, 1955 – Калинин Н.Ф. Итоги комиссии по болгарско-татарской эпиграфики. – Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, ф. 8, опись № 1, ед.хр. 62.

Калинин, 1955 – Калинин Н.Ф. Отчеты археологической экспедиции Казанского филиала АН СССР за 1955, 1956 гг. Там же, ф. 8, опись № 1.

Калинин, 1956 – Калинин Н.Ф. О старом татарском кладбище в Казани. 1928. Там же, ф. 8, опись № 1.

Юсупов, 1963 – Юсупов Г.В. Полевой дневник экспедиции за 1963 год. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 373.

Юсупов, 1964 – Полевой дневник экспедиции за 1964 год. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 379.

Юсупов, 1965 – Полевой дневник экспедиции за 1965 год. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 383.

Юсупов, 1966 – Полевой дневник экспедиции за 1966 год. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 385.

Юсупов, 1967 – Полевой дневник экспедиции за 1967 год. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 387.

Г.В.Юсупов. Отчет об исследовании эпиграфических памятников в закамских районах ТАССР в 1962–1963 гг. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 296.

Г.В.Юсупов. Эпиграфические памятники Болгарского городища. – Архив Института Археологии РАН, ф. Р-21, ед.хр. 2015.

Г.В.Юсупов. О работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР в 1961 г. в районах правобережья Волги-Казани. – 1961. Там же, ф. 72, опись № 1, ед.хр. 298.

Болгарская эпиграфика. Чтение текстов из с. Болгары, взятые из альбома по болгаро-татарской эпиграфики. Там же, ф. 8, опись № 1, ед.хр. 63, 64.

Камни, находящиеся в Болгарском музее (Каталог древностей при Черной палате в с. Болгары, Спасского кантона ТАССР). Составлен В.Ф. Смолин в 1926 году. Там же, ф. 8, опись № 1, ед.хр. 57.

Альбом фотографий по болгаро-татарской эпиграфики, часть 1, там же, ф. 8, ед.хр. 62.

Альбом фотографий по болгаро-татарской эпиграфики, часть 2, там же, ф. 8, ед.хр. 63.

Альбом фотографий по болгаро-татарской эпиграфики, часть 3, там же, ф. 8, ед.хр. 64.

Калинин Н.Ф. Итоги комиссии по болгаро-татарской эпиграфики за период с декабря 1941 по 1 декабря 1942 г., Там же, ф. 8, опись № 1, ед.хр. 58.

Отчет об исследовании эпиграфических памятников в северо-западных районах ТАССР в 1959 г., Там же, ф.72, опись № 1, ед.хр. 294.

Литература

Али-Рахим, 1923 – Али-Рахим. История татарской литературы. Казань, 1923. – Т.1, часть 2.

Али-Рахим, 1929 – Али-Рахим. О двух татарских надгробных памятниках XVII в. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. – Казань, 1929. – Вып.3. – С.14-22.

Али Рахим. Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. // МОРПП ТАССР. – Казань, 1930. – Вып.IV. – С. 49-57.

Али-Рахим, 1930 – Али-Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – Т.1. – С.145-172.

Адджигалиев, 1994 – Адджигалиев С.И. Особенности мемориальной эпиграфики Западного Казахстана // Известия ИАНРК. Серия филологическая. – Алма-Ата, 1994. – №1. – С.44-57.

Адджигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. – 654 с.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва. Межгосударственные отношения. Казань: Таткнигоиздат, 1995. – 159 с.

Андреев, 1956 – Андреев Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных памятников // Ученые записки НИИЯЛИ. – 1956. – Вып.14.

Археологические памятники Центрального Закамья. Казань. ИЯЛИ Г.Ибрагимова КФАН СССР. – 1988. – 97 с.

Ахмаров, 1893 – Ахмаров Г.Н. Заметки о происхождении нескольких кладбищ при татарских селениях Волжско-Камского края // ИОАИЭ. – Казань, 1893. – Т. XI, вып. 3. – с.277.

- Ахметзянов, 1983 – Ахметзянов М.И. О лексике татарских эпитафий XVII–XVIII вв. // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань, 1983. – С.75-84.
- Ахметзянов, 1984 – Ахметзянов М.И. Письма из древности // Советская Татария № 174, 1984.
- Ахметзянов, 1997 – Ахметзянов М.И. Тайны эпитафий // История Лаишевского края. Без указания места издания, 1997. – С.114-117.
- Ахметзянов, 1998 – Ахметзянов М.И. Болгар теленен язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) // Татарская археология. – Казань, 1998. – №1 (2). – С.99-120.
- Ахметзянов, 1999 – Ахметзянов М.И. Биектау төбәгенен XIII–XVII гасырлардан калган татар эпиграфикасы // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. – Казань, 1999. – С.90-123.
- Ахметзянов, 2000 – Ахметзянов М.И. Улгәннәрнен каберен бел. Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре. – Казан, 2000. – 158 с. илл.
- Ашмарин, 1902 – Ашмарин Н.И. Болгары и Чуваши // ИОАИЭ. – Казань, 1902. – Т.18, вып. 1-3. – С.1-132.
- Ашмарин, 1928 – Ашмарин Н.И. Болгарские надписи, найденные около с.Тукмакла // Известия общества исследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1928. – №5. – С.16-21.
- Ашмарин, 1905 – Ашмарин Н.И. О мусульманском камне в загородном архирейском доме в Казани // ИОАИЭ. – Казань, 1905. – Т.21, вып. I. – С.92-112.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. – Москва: Наука, 1981. – 209 с.
- Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 240 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. ИЯЛИ КФАН СССР. – Казань, 1983. – 116 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Бассейн р. Черемшан. ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. – Казань, 1990. – 112 с.
- Булич, 1926 – Булич А.К. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // Вестник научного общества Татароведения. – Казань, 1926. – №4. – С.76-80.
- Бретаницкий, 1976 – Бретаницкий Л. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. – Москва, 1976.
- Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. № 4. – 1 марта 1926 г. – 32 с.
- Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай столицы Золотой Орды. – Казань, 1923. – 62 с.
- Байчоров, 1989 – Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. – Ставрополь, 1989. – 284 с.
- Башкиров, 1929 – Башкиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. – Казань, 1929. – 117 с.
- Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. – Москва, 1963.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. // Москва: Мodus Граффити, 1996. – 563 с.
- Березин, 1862 – Березин И.Н. От Чистополя до Богородского // Казанские губ. Ведомости, 1862. – № 36.
- Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Императорского Казанского университета. – Казань, 1852. – Кн.2. – 89 с.
- Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). – Москва: Наука, 1971. – 134 с.
- Бороздин, 1927 – Бороздин И.Н. Новые данные по золоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года) // Новый Восток. Кн. 16-17. – Москва, 1927. С.256-274.
- Бороздин, 1929 – Бороздин И.Н. Из истории татарской культуры. Научно-исследовательская экспедиция в Татарскую республику летом 1928 г. // Новый Восток. № 25. – Москва, 1929. – С.185-201.
- Бороздин, 1930 – Бороздин И.Н. Два татарских надгробия близ городища Иски Казань // МОРРП ТАССР. – Казань, 1930. – Вып.4. – С.58-65.
- Борисов, 1899 – Борисов В.Л. Мусульманская надпись из деревни Куземетьево // ИОАИЭ. – Казань, 1899. – Т.15, вып.4.
- Борынги, 1963 – Борынги татар әдәбияты. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 579 б.
- Булатов, 1963 – Булатов А.Б. Болгарские эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Правобережье Волги // Эпиграфика Востока, XVI. – М.-Л.: Наука, 1963. – С.56-71.
- Булатов, 1967 – Булатов А.Б. Эпиграфические памятники Закамья // Ученые записки НИИЯИЭ. – Чебоксары, 1967. – С.198-215.
- Булатов, 1969 – Булатов А.Б. Антропонимы у болгар // Ученые записки НИИЯИЭ. – Чебоксары, 1969. – Вып. 47. – С.249-253.
- Валеев, 1969 – Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1969. – 202 с.
- Валеев, 1975 – Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. – 216 с.
- Валеев, 1970 – Валеев Ф.Х. Архитектура и искусство Волжско-Камской Булгарии // Ученые записки Казанской государственной консерватории. – Казань, 1970. – Вып. 4. – С.79-110.

- Валеев, 1975 – Валеев Ф.Х. Архитектурно-декоративное искусство Казанских татар. Сельское жилище. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. – 92 с.
- Валеев, 1984 – Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 171 с.
- Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990 – Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. – М.: Советский художник, 1990. – 215 с.
- Валеева, 1998 – Валеева Д.К. Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских болгар // Татарская археология №1(2). – Казань, 1998. – С.88-98.
- Валеева Д.К. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII–XIV вв.). – Казань: «Фикер», 2003. – 230 с.
- Валеев, Мухаметшин, 2000 – Валеев Р.М., Мухаметшин Д.Г. Великий Болгар – памятник болгаро-татарской цивилизации. – Анкара, 2000. – 192 с. илл.
- Вознесенский, 1894 – Вознесенский П.Н. Надгробные камни в Жукотинском округе по левую сторону Камы. Сорочьи горы на Каме // ИОАИЭ. – Казань, 1894. – Вып. I. – С.75-78.
- Воробьев, 1926 – Воробьев Н.И. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР // МОРРП ТАССР. – Казань, 1929. – Вып. III. – С.11-14.
- Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. Историко-этнографические наблюдения 1955 года в Татарской АССР // Известия КФАН СССР, 2. – Казань, 1957. – С.205-209.
- Вельяминов-Зернов, 1863 (1864, 1866) – Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. I. – 1863. Ч. II. – 1864. Ч. III. – 1866.
- Галлямов, 1997 – Галлямов Р.Ф. Селения Казанского ханства: источниковедческий аспект // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. Издание Татарского гуманитарного института. – Казань, 1997. – С.62-66.
- Гарипова, 1980 – Гарипова Ф.Г. Отражение древнеболгарских топонимов и этнонимов в топонимии Среднего Поволжья // Исследование языка древнеписьменных памятников. – Казань: 1980. – С.111-124.
- Гарипов, 1972 – Гарипов Г.М. Старотюркские письменные памятники Башкирии. // Советская тюркология. – Баку, 1972. – №4.
- Гафуров, 1971 – Гафуров А.Г. Лев и кипарис. О восточных именах. – Москва, 1971. – 239 с.
- Генинг, Халиков, 1964 – Генинг В.Н., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М: Наука, 1964. – 200 с.
- Георги, 1799 – Георги И.С. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть II. – СПб., 1799.
- Гимади, 1948 – Гимади Х. Народы Среднего Поволжья в период Золотой Орды. // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. I. – С.185-226.
- Греков, Калинин, 1948 – Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. I. – С.97-185.
- Греков, Якубовский, 1950 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л., 1950. – 473 с. илл.
- Давлетшин, 1990 – Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период. X – нач. XIII вв). Казань: Таткнигоиздат, 1990. – 192 с.
- Давлетшин, 1999 – Давлетшин Г.М. История духовной культуры тюрко-татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1999. – 511 с.
- Даркевич, 1976 – Даркевич В.П. Художественный металл Востока XIII–XIII вв. – Москва, 1976. – 197 с.
- Дебиров, 1966 – Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. – Москва: Наука, 1966. – 206 с.
- Денике, 1928 – Денике Б.П. Орнаментация минарета «Малого столба» в Болгарах // МОРРП ТАССР. – Казань, 1928. – Вып. II. – С.5-10.
- Денике, 1939 – Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М.-Л., 1939.
- Денисов, 1969 – Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1969.
- Дульский, 1929 – Дульский П. Несколько слов по поводу орнаментики памятников XVI–XVII вв. // МОРРП ТАССР. – Казань, 1929. – Вып. III. – С.22-27.
- Егерев, 1958 – Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА № 61. – Москва, 1958. – С.360-392.
- Егоров, 1975 – Егоров В.Л. О времени возникновения Казани // Советская археология. – 1975. – №4. – С.80-87.
- Егоров, 1984 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М: Наука, 1984. – 245 с.
- Егоров, 1984 – Егоров Н.И. Болгаро-чувашско-кипчакские этно-языковые взаимоотношения в XIII–XVI вв. // Болгары и чуваша. – Чебоксары, 1984. – С.90-103.
- Ефимова, 1960 – Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА, № 80. Т. III. – Москва, 1960. – С.169-194.
- Закиев, Кузьмин-Юманади, 1993 – Закиев

М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф. Волжские Булгары и их потомки. – Казань, 1993. – 160 с.

Закиев, 1978 – Закиев М.З. Об истоках языка основных компонентов Казанских татар. (К этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1978.

Заляй, 1948 – Заляй Л.К. К вопросу о происхождении татар (по материалам языка) // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С.81-89.

Заходер, 1967 – Заходер Б. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. – Москва, 1967.

Зайнчковский, 1979 – Зайнчковский А. Арабский памятник ранней османской эпиграфики в Болгарии // Э.В. – Т. XVI. – М.-Л., 1979. – С.79-81.

Иванов, 1961 – Иванов А.А. О принципах датировки медных и бронзовых изделий Ирана XV–XVIII вв. // Труды Г.Э. – Л., 1961. – Т.5.

Износков, 1893 – Износков И.А. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. – Казань, 1893. – Т. II, вып. 3. – Отдельный оттиск.

Ильминский, 1851 – Ильминский Н.И. Татарские надписи из времен Казанского ханства в Лаишевском уезде // Записки Археологического общества. – Москва, 1851. – Т. III. – С.114-118.

Ильминский, 1865 – Ильминский Н.И. О фонетическом отношении между чувашским и тюркскими языками // Известия Археологического общества. – СПб., 1865. – Т. V.

Износков, 1884 – Износков И.А. О сообщениях члена сотрудника Соловьева Е.Т. и члена сотрудника Нократского Р.М. // ИОАИЭ. – Казань, 1884. – Т. III. – С.293-297.

Калинин, 1956 – Калинин Н.Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. – Казань, 1956. – С.25-31.

Калинин, 1948 – Калинин Н.Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С.96-104.

Карасев, 1911 – Карасев В. Материалы для археологической карты Казанской губернии. Отчет о поездке в Чистопольский уезд // ИОАИЭ. – Казань, 1911. – Т. XXVII, вып. I. – 12 с.

Катанов, 1895 – Катанов Н.Ф. Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии в 1895 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1895. – Т. 13, вып. 3.

Катанов, 1905 – Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. – Казань, 1905. – Т. 21, вып. 3. – С.1-8.

Катанов, 1921 – Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Казанский музейный вестник. №1-2. – Казань, 1921. – С.54-57.

Каюм Насыйри, 1975 – Каюм Насыйри. Избранные произведения. Т. 2 (на татарском языке). – Казань: Таткнигоиздат, 1975.

Кобеко, 1892 – Кобеко Д.Ф. Надгробные надписи в Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – 1892. – Т. VII, вып. 4.

Кобеко, 1894 – Кобеко Д.Ф. Еще о надгробных надписях в Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – 1894. – Т. IX.

Ковалевский, 1954 – Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана // Ученые записки НИИЯЛИЭ. – Чебоксары, 1954. – Вып. 9. – 64 с.

Ковалевский, 1956 – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1956. – 348 с.

Кляшторный, 1974 – Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. – Москва, 1974.

Корнилов, 1929 (1) – Корнилов П.Е. К орнаментике булгаро-татарского резного камня // МОРРП ТАССР. – Казань, 1929. – Вып. 3. – С.53-55.

Корнилов, 1929 (2) – Корнилов П.Е. К изучению эпиграфического резного камня булгаро-татарской эпохи // МОРРП ТАССР. – Казань, 1929. – Вып. 3. – С.1-4.

Кочнев, 1976 – Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: ФАН, 1976. – 82 с.

Коран, 1990 – Коран // Перевод и комментарий И.Ю.Крачковского. – Москва: Наука, 1990. – 727 с.

Крачковская, 1952 – Крачковская В.А. Памятник арабского письма в Средней Азии и Закавказья до IX в. // ЭВ. – М.-Л., 1952. – Вып. 6.

Кузьмин-Юманади, 1986 – Кузьмин-Юманади Я.Ф. Об истоках «булгарской эпиграфики второго стиля» // Формирование и функционирование татарского языка. – Казань, 1986. – С.22-34.

Кузьмин-Юманади, 1988 – Кузьмин-Юманади Я.Ф. О чувашских словах в болгарских эпиграфиях // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С.72-88.

Лавров, 1966 – Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. – М., 1966. – Кн. 1. Надписи X–XVII вв.

Лепехин, 1771 – Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг. Ч. I. – СПб., 1771.

Магницкий, 1866 – Магницкий В.К. Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда // Казанские губ. ведомости № 46. – 1866.

Малов, 1947 – Малов С.Е. Булгарские и та-

тарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1947. – Вып. I. – С.38-45.

Малов, 1948 – Малов С.Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. – М.-Л., 1948. – Вып. II. – С.41-48.

Ш.Марджани, 1989 – Марджани Ш. Мөстәфад аль-әхбәр фи әхвәли Казан вә Булгар. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 415 с. (на татарском языке).

Марданов, 1995 – Марданов Р.Ф. Археографические находки из Заказанья // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции. – Казань: Заман, 1995. – С.145-147.

Марданов Р., Хадиев И. «Таш архив серләре» // Эхо веков. – 2002. – № 3–4.

Марданов, Хадиев, 2001 – Марданов Р.Ф., Хадиев И.Г. Некоторые итоги изучения эпиграфических памятников Кукморского района РТ (предварительное сообщение) // Диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Под ред. А.А.Бурханова. – Казань, 2001. – Вып. 2. – С.382-385.

Массон, 1963 – Массон М.Е. Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса // Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1963. – Вып. VIII. – С.24-36.

Материалы, 1978 – Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1978. – 131 с.

Мельников, 1862 – Мельников С. Почин Шемордан и деревня Едигерово // Казанские губернские ведомости № 18. – 1862.

Мельников, 1862 – Мельников С. От Чистополя до села Богородского // Казанские губернские ведомости № 35. – 1862.

Менгес, 1979 – Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Ленинград, 1979.

Мухамадиев, 1980 – Мухамадиев А.Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по историко-лингвистике истории Татарии. – Казань, 1980. – С.122-136.

Мухаммадиев, 1983 – Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – Москва: Наука, 1983. – 165 с. с таб.

Мухамадиев, 1990 – Мухмадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. – Казань: Таткнигоиздат, 1990. – 192 с. илл.

Мухамадьяров, 1968 – Мухамадьяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности. – Москва, 1968.

Мухаметшин, 1974 – Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Болгарского городища // Первое в Поволжье археолого-эпиграфическое совещание. Тез. док. – Казань, 1974. – С.46.

Мухаметшин, 1976 – Мухаметшин Д.Г. О новых эпиграфических памятниках Болгарско-

го городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань: Издательство КФАН СССР, 1976. – С.60-71.

Мухаметшин, 1977 – Мухаметшин Д.Г. Об орнаментике эпиграфических памятников города Болгара // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977. – С.103-110.

Мухаметшин, 1989 – Мухаметшин Д.Г. О региональных вариантах болгарских эпиграфических памятников XIII–XV вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов на Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. – С.32-38.

Мухаметшин, 1993 – Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.118-133.

Мухаметшин, 1994 – Мухаметшин Д.Г. Социальная терминология болгарских эпитафий XIII–XIV вв. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола, 1994. – С.100-107.

Мухаметшин, 1997 – Мухаметшин Д.Г. Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников // Тезисы научной конференции. Билярск, сентябрь 1997 г. – Казань: «Фест», 1997. – С.59-61.

Мухаметшин, 2002–а – Мухаметшин Джамиль. Молитва на камне // Казань. №11-12. – 2002. – С.64-70.

Мухаметшин, 2002–б – Мухаметшин Д.Г. Резьба по камню в Среднем Поволжье по материалам эпиграфики XIII–XIV вв. Поволжье в средние века. – Нижний Новгород, 2001. – С.100-101.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1987 – Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – Москва: Наука, 1987. – С.143-158.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1987 – Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 128 с.

Мухтаров, 1978 – Мухтаров Л. Эпиграфические памятники Кухистана (XI–XIX вв.). Книга I. – Душанбе, 1978.

Мухтаров – Мухтаров А.М. Намогильные кайраки с женскими именами (XIV–XVI вв.). ЭВ. – М.-Л.

Паллас, 1773 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.I. – СПб., 1773.

Петровский, 1911 – Петровский Н.М. О летоисчислении древних болгар // ИОАИЭ. – Казань, 1911. – Т.28, вып.6. – С.432-502.

- Понамарев, 1882 – Понамарев П.А. Данные о городах Волжско-Камской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. – Казань, 1882. – Т. X, вып. 5.
- Понамарев, 1904 – Понамарев П.А. На татарских святынях Иски-Казани // Казанский телеграф № 3540 от 17.IX.1904.
- Понамарев, 1883 – Понамарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Тубулга – Тау и неопределенные города // ИОАИЭ. – Казань, 1883. – Т. XI, вып. 4.
- Порфирьев, 1922 – Порфирьев С.И. К истории сборника болгарских надписей // ИОАИЭ. – Казань, 1922. – Т. XXXI, вып. 4. – С. 41-44.
- Поляков, Черемных, 1975 – Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Заревщана // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. – М., 1975. – С. 261-279.
- ПСРЛ. – СПб., 1856. – Т. VII.
- ПСРЛ. – СПб., 1862. – Т. IX.
- ПСРЛ. – Москва, 1962. – Т. VIII, XII.
- ПСРЛ. – М., 1965. – Т. IX; XV.
- ПСРЛ. – Т. XIX, XX.
- Писцовая книга, 1978 – Писцова книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. – Издательство Казанского университета, 1978. – 239 с.
- Протокол, 1879 – Протокол общего собрания от 4.X. 1879 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1879. – Т. 2.
- Протокол, 1880 – Протокол общего собрания от 4.X. 1880 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1880. – Т. 2.
- Протокол, 1880 – Протокол общего собрания от 16.X. 1880 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1880. – Т. 4.
- Протокол, 1884 – Протокол общего собрания от 16.X. 1884 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1884. – Т. 4.
- Протокол, 1885 – Протокол общего собрания Общества от 19.XI. 1885 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1885. – Т. 4, вып. I.
- Протокол, 1886 – Протокол общего собрания Общества от 19.XI. 1886 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1886. – Т. 6, вып. I.
- Протокол, 1888 – Протокол заседания Совета Общества от 5.II. 1888 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1888. – Т. 7.
- Протокол, 1889 – Протокол заседания Совета Общества от 5.II. 1889 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1889. – Т. 7.
- Рычков, 1770 – Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. – СПб., 1770. – 189 с.
- Саттаров, 1973 – Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары. – Казань: Издательство Казанского университета, 1973. – 396 с.
- Серебренников, 1956 – Серебренников Б.А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашскими, болгарскими и татарским языками // Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР. – Чебоксары, 1956. – Вып. XIV.
- Смирнов, 1955 – Смирнов А.П. Волжские болгары. – Москва: Издательство ГИМ, 1951. – 275 с.
- Смирнов, 1833 – Смирнов. О надгробных камнях близ села Калмаюр // Заволжский муравей. – Казань, 1833. – №4.
- Смолин, 1927 – Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 г. // ИОАИЭ. – Казань, 1927. – Т. XXXIII, вып. 4.
- Сулейманова-Валеева, 1988 – Сулейманова-Валеева Г.Ф. К вопросу об источниках изучения искусства периода Казанского ханства // Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. – Казань, 1988. – С. 28-42.
- Список памятников истории и культуры ТАССР, находящихся на государственной охране. – Казань: Минкультуры, 1987. – 111 с.
- Тагирджанов, 1970 – Тагирджанов А.Т. Влияние поэмы Фирдоуси «Юсуф и Зулейха» на «Киссаи Юсуф» Али и «Юсуф и Зулейха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. – Ленинград, 1970. – Вып. 21(84). – С. 54-58.
- Таиров, 1993 – Таиров Н. Габдулла Тукай и Тимаш бай // Татарстан. № 9. 1993.
- Таиров, 1995 – Таиров Н. О чем говорят могильные камни // Татарстан. № 11/12. 1995.
- Татар, 1984 – Татар әдәбияты тарихы. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – Т. I. – 567 б.
- Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVI–XVIII вв. – Казань. Издательство Казанского университета, 1972. – 222 с.
- Усманов М. Салкын ташларнын кайнар сулышы // Мирас. № 5-6. 1994. – С. 54-66.
- Усманов, 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Издательство Казанского университета, 1979. – 317 с.
- Усманов, 1980 – Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 223 с.
- Усманов, 1985 – Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем Востоке в период феодализма. – М.: Наука, 1985. – С. 177-185.
- Усманов В.М. Исторические памятники (Эпиграфические памятники Сеитовой слободы). – Стерлитамак, 2005. – 366 с.
- Усманов В.М. Тарихи ядкәрләр. – Уфа, 2005. – 167 с.
- Фасмер, 1925 – Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. – Казань, 1925.

– Т. 33, вып. I. – С.29-60.

Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология, №4. – Москва, 1973.

Фахрутдинов, 1975 – Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975. – 218 с.

Фахрутдинов, 1979 – Фахрутдинов Р.Г. Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии // Советская тюркология, №2. – Баку, 1972.

Фахрутдинов, 1984 – Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – Москва: Наука, 1984. – 214 с.

Федотов, 1984 – Федотов М.Р. О болгарском и чувашском языках // Болгары и чуваша. – Чебоксары, 1984. – С.76-90.

Федоров-Давыдов, 1972 – Федоров-Давыдов Г.А. Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар // НЭ. – Москва, 1972. – Т.Х. – С.167-174.

Федоров-Давыдов, 1966 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.

Федоров-Давыдов, 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – Москва, 1973. – 179 с.

Федоров-Давыдов, 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – Москва: Издательство Московского университета, 1976. – 226 с.

Фукс, 1817 – Фукс Н.Ф. Краткая история города Казани. Издание университетской типографии. – Казань, 1817. – 60 с.

Фукс, 1991 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Фонд ТЯК. Репринтное воспроизведение. – Казань, 1991. – 210 с.

Фейезханов, 1863 – Фейезханов Х. Три надгробных болгарских надписи. Известие Археологического общества. – СПб., 1863. – Т.IV. – С.396-404.

Хакимзянов, 1974 – Хакимзянов Ф.С. Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии // Советская тюркология, №4. – 1974. – С.15-17.

Хакимзянов, 1974 – Хакимзянов Ф.С. Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых. – Казань, 1974. – С.15-17.

Хакимзянов, 1974 – Хакимзянов Ф.С. Консанантизм языка эпитафий волжских болгар // Аспекты лингвистического анализа (на материалах языков разных систем). – Москва, 1974.

Хакимзянов, 1975 – Хакимзянов Ф.С. Болгарские эпитафии как источник по истории тюркских языков Урала и Поволжья, «Вторая Южно-Уральская археографическая конф. (тез. док. и сообщений)». – Уфа, 1975.

Хакимзянов, 1976 – Хакимзянов Ф.С. Язык

памятников Волжской Булгарии (на материале эпитафий XIII–XIV вв.) Автореф. дис. канд. филолог. наук. – Москва, 1976. – 21 с.

Хакимзянов, 1977 – Хакимзянов Ф.С. О приемах интерпретации болгарских эпитафических текстов // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. – Уфа, 1977. – С.67-74.

Хакимзянов, 1978 – Хакимзянов Ф.С. Двухязычный болгарский памятник // Советская тюркология, №2. – 1978. – С.62-68.

Хакимзянов, 1978 – Хакимзянов Ф.С. Эпитафические памятники г. Булгара // Источниковедение и история тюркских языков. – Казань, 1978. – С.21-36.

Хакимзянов, 1980 – Хакимзянов Ф.С. Болгарские эпитафические памятники Закамья // Исследование языка древнеписьменных памятников. – Казань, 1980. – С.33-40.

Хакимзянов, 1983 – Хакимзянов Ф.С. О Поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань, 1983. – С.3-25.

Хакимзянов, 1985 – Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С.76-90.

Хакимзянов, 1987 – Хакимзянов Ф.С. Эпитафические памятники Волжской Булгарии и их язык. – Москва: Наука, 1987. – 192 с.

Хакимзянов, 1995 – Хакимзянов Ф.С. Эпитафические памятники города Булгар // Эхо веков. – 1995. № 2. – С.75-82.

Хакимзянов, Мухаметшин, 1980 – Хакимзянов Ф.С., Мухаметшин Д.Г. Эпитафические памятники Волжской Булгарии // Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент: ФАН, 1980. – С.33-34.

Халиков, 1978 – Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Таткнигоиздат, 1978. – 160 с.

Халиков, 1987 – Халиков А.Х. Волжская Булгария XII–XIII вв. и особенности формирования болгарской народности // Поэт-гуманист Кул-Гали. – Казань, 1987. – С.88-103.

Халиков, 1989 – Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 224 с.

Халикова, 1971 – Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.64-69.

Халикова, 1986 – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Издательство Казанского университета, 1986. – 159 с.

Худяков, 1991 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Москва: Инсан, 1991. – 319 с.

Червонная, 1983 – Червонная С.М. Изобразительное искусство Советской Татарии. – М.: Советский художник, 1983. – 221 с.

Червонная, 1987 – Червонная С.М. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. – М.: Искусство, 1987. – 352 с.

Червонная, 1997 – Червонная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму. – М., 1997. – 35 с.

Чернышев, 1971 – Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.272-292.

Шпилевский, 1877 – Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.

Шихсаидов, 1984 – Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. – М: Наука, 1984. – 461 с.

Шарипов А., Мухаметзянов. Жәүһәрләр эзләп // Социалистик Татарстан. – 1978. – 5 апрель.

Эрдман, 1832 – Эрдман Ф.И. О надгробных надписях в Болгарах // Заволжский муравей. – Казань, 1832. – № 21. – 1219-1231 с.

Юшков – Юшков Н.Д. Сообщение. Протоколы заседаний Обществ естествоиспытателей при КГУ. Т.4.

Юсупов, 1951 – Юсупов Г.В. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении Казанских татар) // Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1951. – Т.5. – С.78-94.

Юсупов, 1952 – Юсупов Г.В. Болгаро-татарские эпиграфические памятники XIII–XVII веков (к вопросу о происхождении казанских татар). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Уфа: 1952. – 15 с.

Юсупов, 1953 – Юсупов Г.В. О некоторых болгарских эпиграфических памятников // Эпиг-

рафика Востока. – 1953. – Вып. VII. – С.26-30.

Юсупов, 1956 – Юсупов Г.В. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики // Эпиграфика Востока. – 1956. – Вып. XI. – С.44-54.

Юсупов, 1959 – Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. – Москва, 1959.

Юсупов, 1960 – Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. – 322 с.

Юсупов, 1963 – Юсупов Г.В. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // Эпиграфика Востока. – Москва: Наука, 1963. – Вып. XVI. – С.72-78.

Юсупов, 1964 – Юсупов Г.В. Итоги полевых эпиграфических исследований (1961–1963 гг.) // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ АН СССР за 1963 год. – Казань, 1964. – С.69-71.

Юсупов, 1970 – Юсупов Г.В. Антропонимы в болгарско-татарской эпиграфике // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – Москва, 1970.

Юсупов, 1971 – Юсупов Г.В. Болгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник к вопросу об этногенезе казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 217-232.

Юсупов, 1972 – Юсупов Г.В. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // Эпиграфика Востока. – 1972. – Вып. XXI.

Юсупов, Хисамутдинов, 1947 – Юсупов Г.В., Хисамутдинов Г.М. Историко-этнографические исследования в районах Татарии // Красная Татария. 1947, 13 сентября.

Юсупов, Хисамутдинов, 1951 – Юсупов Г.В., Хисамутдинов Г.М. Болгарские эпиграфические памятники, найденные летом 1947 г. // Эпиграфика Востока. – 1951. – Вып. 4. – С.68-76.

Янина, 1962 – Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т.IV. – Москва, 1962. – С.179-204.

Литература на иностранных языках

F.S. Hakimzianov. New Volga Bulgarian inscriptions // Acta Orientalia. Hung. T. XL (1), 1986. – P.173-177.

J.R. Meuer. Das funktionsverv tun in Volga bolgarian-cuwasiseccen // Acta Orientalia. Hung. T. XVII (1), 1988. – S.93-110.

A.N. Khalikov and J.G. Muhametschin. Unpublished Volga Bulgarian inscriptions // Acta Orientalia. Hung. T. XXXI, 1977. – P.107-125.

A.Rona-Tas, S.Fodor. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgar-torok feliratok. Studia Uralo-Altaica. I. Szeged, 1973. – 189 p.

A. Rona-Tas. A Volga Bulgarian inscriptions from 1307 // Acta Orientalia. Hung. T. XXX (2), 1976. – P.153-186.

Tekin T. Volga Bulgar kitabeleri ve Volga Bulgarcasi // Turk Dili Kurumu yayinlari, 531. Ankara, 1988.

J.Benzing. Das Hunnishe, Donau bolgarische und Wolgabulgarische // Ph TF. – 1959. – T.1.

O.Pritsak. Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955 (UAB, I).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АБТЭ – Альбом по болгаро-татарской эпиграфике. Сост. Н.Ф.Калинин. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР».

ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

НИИЯЛИЭ – Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары.

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, Казань.

СА – Советская археология. Москва.

СТ – Советская тюркология. Баку.

СЭ – Советская этнография. Москва.

МОРРП ТАССР – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань.

ЭВ – Эпиграфика Востока. Москва-Ленинград.

ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва.

ТКАЭ – Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.

ЦГАДА – Центральный Государственный архив древних актов.

ВНОТ – Вестник научного общества Татароведения.

Дневник – Полевой дневник Г.В.Юсупова. Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР, ф-72.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

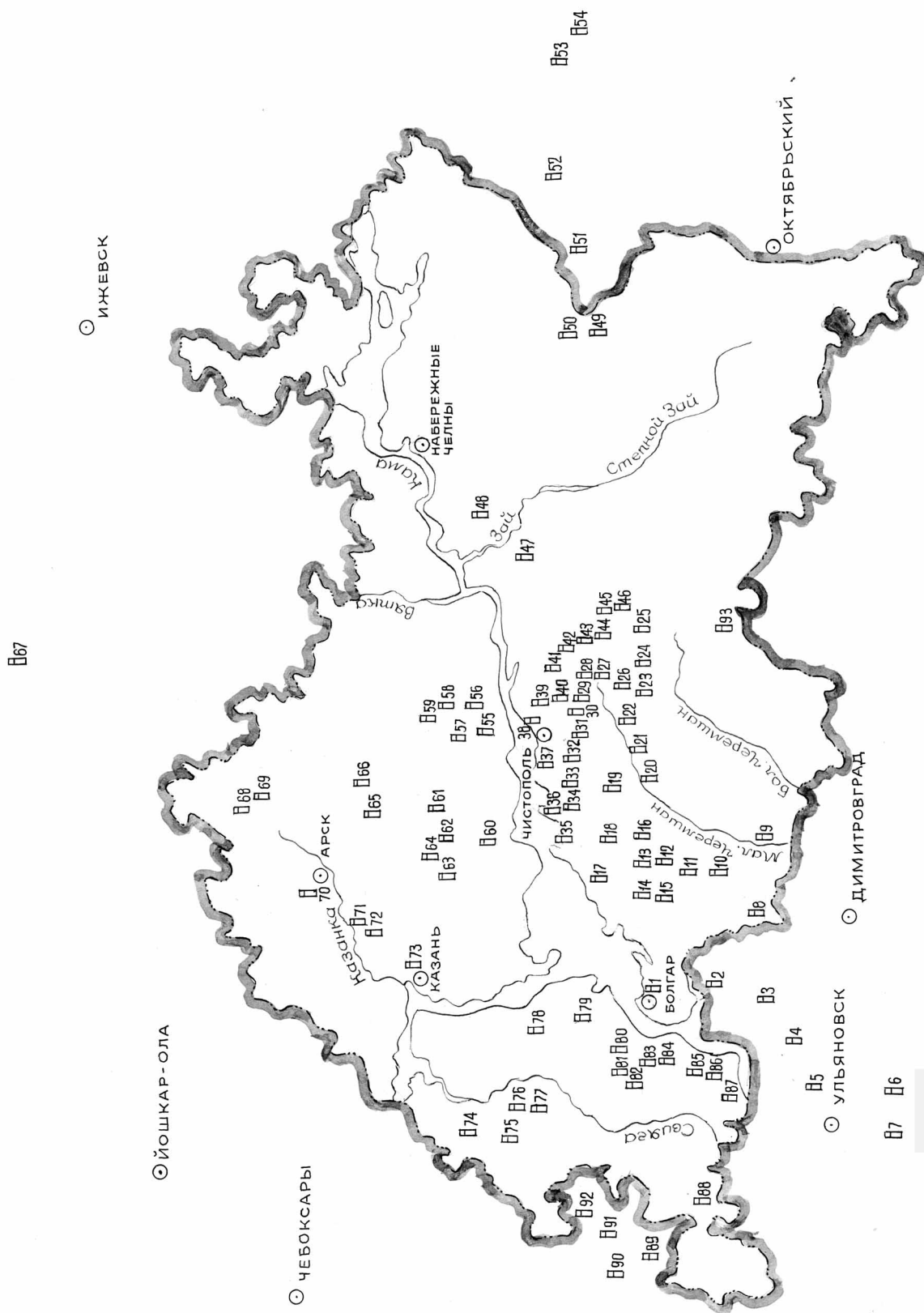
ТРУАК – Труды Рязанской уездной архивной комиссии.

БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.

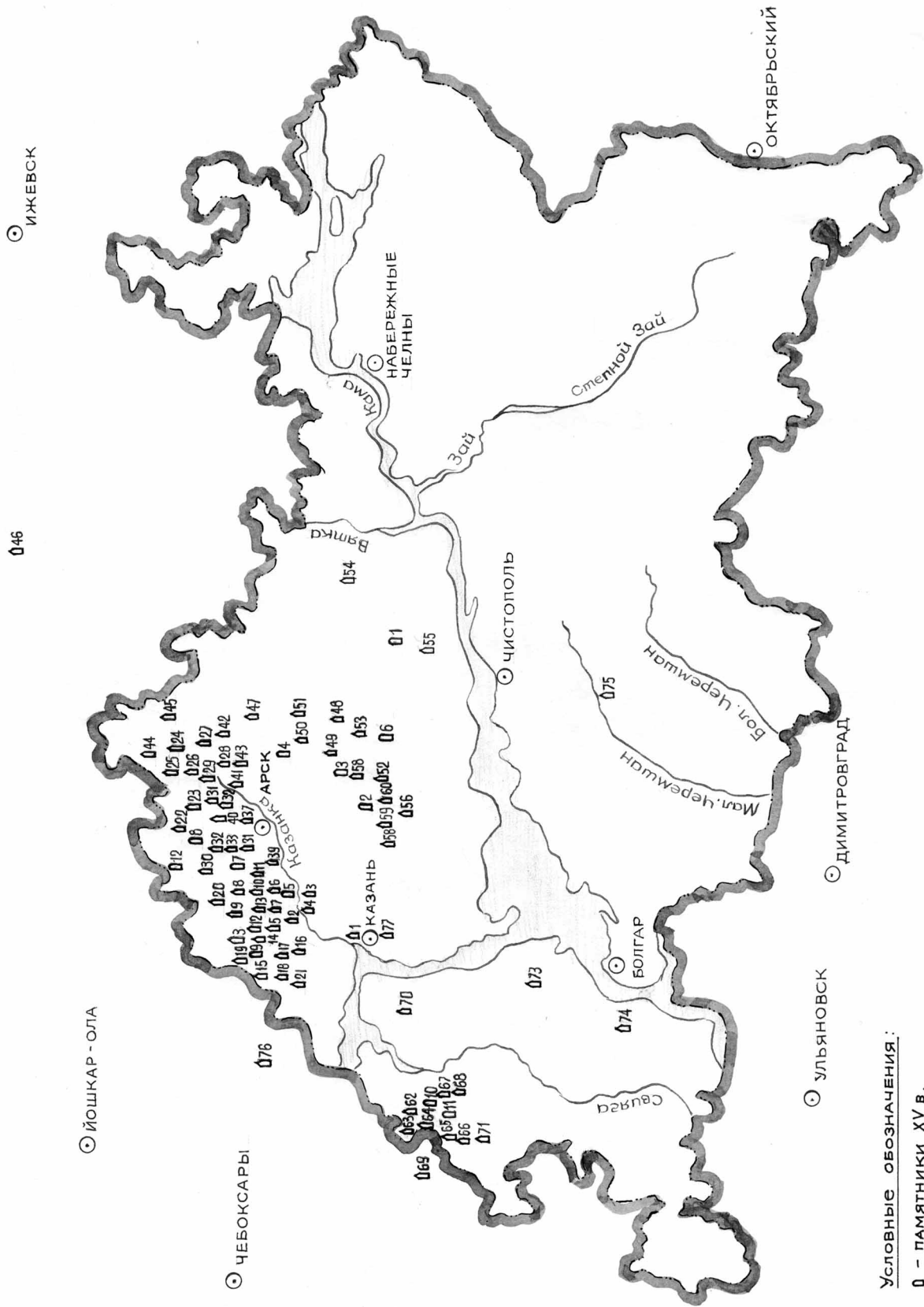
Таткнигоиздат – Татарское книжное издательство. Казань.

Т. – таблица.

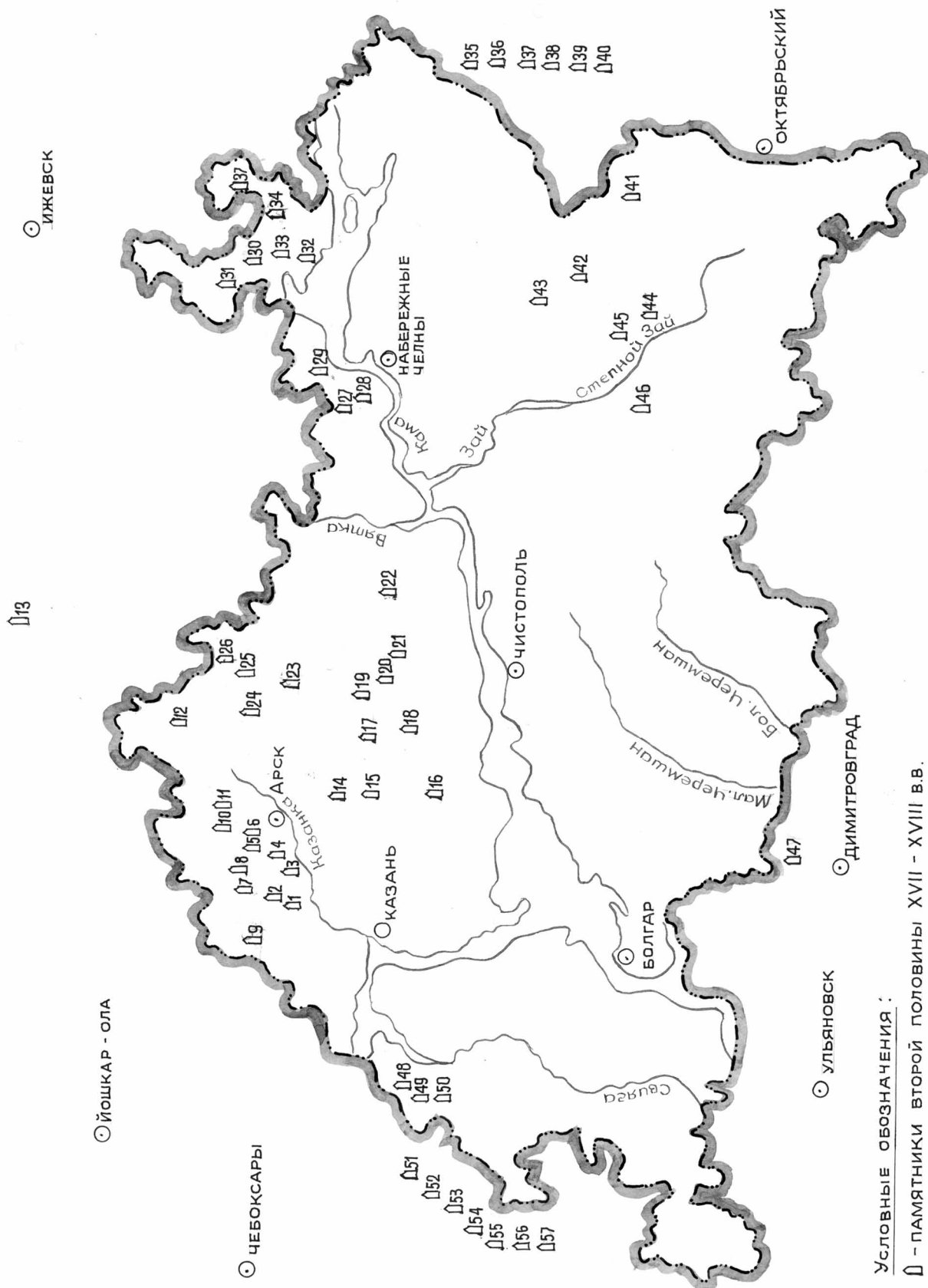

Условные обозначения:
 П - памятники XIII - XIV вв.

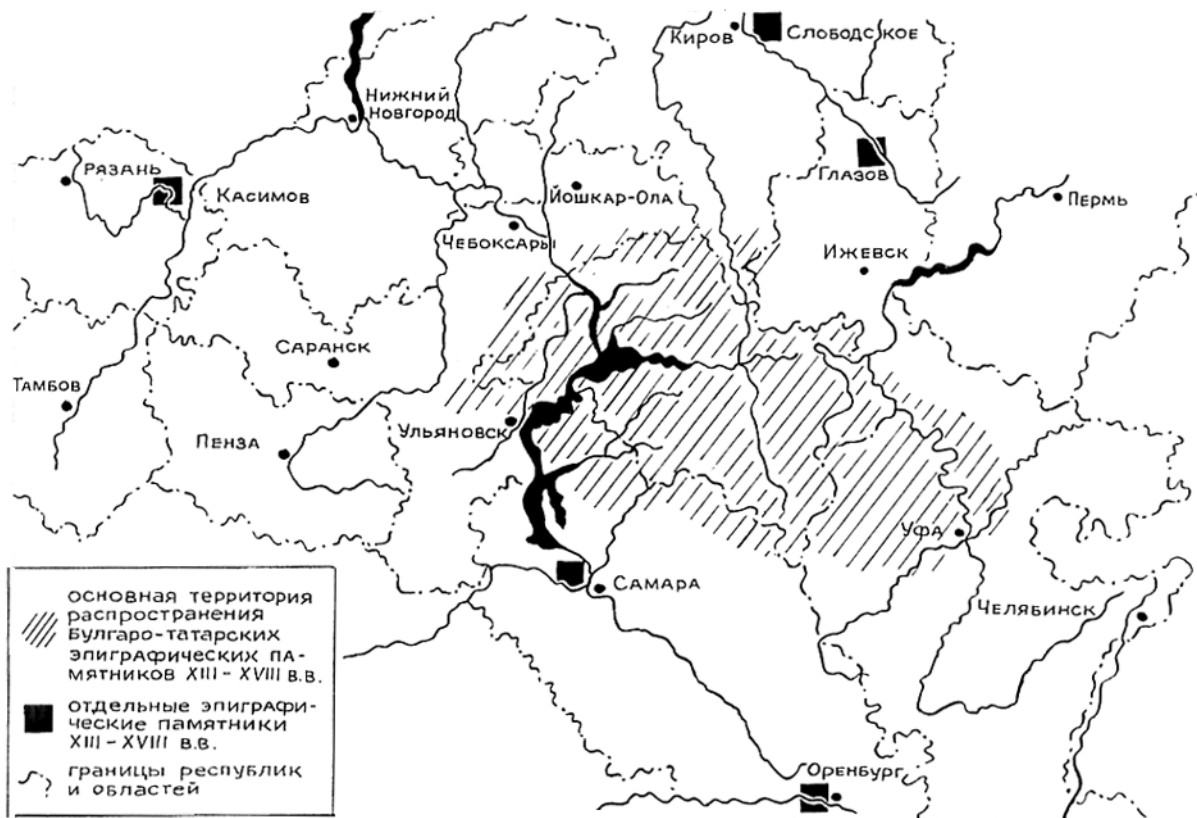
Карта 1. Карта распространения эпитафических памятников XIII–XIV вв.

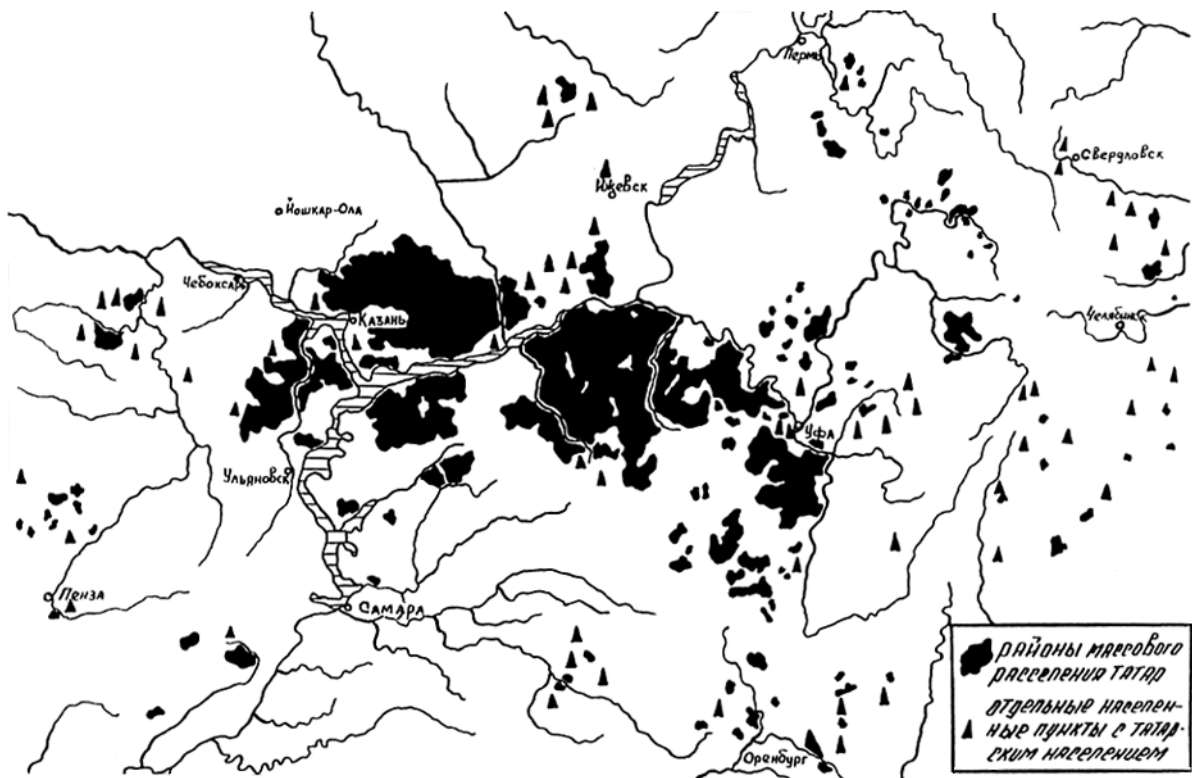
Карта 2. Карта распространения эпитафических памятников XV–XVI вв.

Карта 3. Карта распространения эпитафических памятников XVII–XVIII вв.

Карта 4. Карта распространения булгаро-татарских эпиграфических памятников XIII–XVIII вв.

Карта 5. Карта расселения татарского населения XIX–XX вв.

Приложение 1-1

Пункты распространения болгарских эпитафических памятников XIII–XIV вв.

№ п/п	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Кол-во
1	Болгарское	Спасский район	160
2	Матвеевское	Старо-Майнский	2
3	Староуреньское	Чердаклинский	2
4	Тат. Калмаюрское	-//-	7
5	Архангельское	-//-	1
6	Батраки	Сызраньский	1
7	Муранский могильник	-//-	1
8	Иски-Рязабское	Спасский	5
9	Нижне-Альмурзинское	Алькеевский	1
10	Тат. Бурнаевское	-//-	1
11	Тат. Шапкинское	-//-	1
12	Тяжбердинское 1	-//-	2
12а	Тяжбердинское 2	-//-	7
13	Старо-Баллыкульское	-//-	6
14	Ямбухтинское 1	Спасский	6
14а	Ямбухтинское 2	-//-	1
15	Старо-Салмановское	Алькеевский	1
16	Старо-Челнинское	-//-	1
17	Сухокурналинское	Алькеевский	5
18	Ошнякское	Алексеевский	4
19	Подлесно-Шенталинское	-//-	2
20	Балынгузское	-//-	4
21	Новочувадамское	-//-	1
22	Новотатадамское	-//-	1
23	Новодемкинское	Аксубаевский	7
24	Барско-Енарускинское	-//-	4
25	Старойбрайкинское	-//-	1
26	Старотаткереметьевское	-//-	1
27	Савгачевское	-//-	1
28	Старосаврушское	-//-	4
29	Урмандеевское	-//-	1
30	Чувялтанское	Чистопольский	3
31	Ишалкинское	-//-	1
32	Таттолкишское 1	-//-	1
32	Таттолкишское 2	-//-	1
33	Ильдеряковское	-//-	4
34	Кубасское	-//-	1
35	Донауровское	-//-	2
36	Змеевское	-//-	1
37	Русскосарсазское	-//-	1
38	Староромашкинское	-//-	15
39	Исляйкинское	-//-	4
40	Жукотинское	-//-	1
40а	Чистопольское	-//-	1
41	Кармалинское	Новошешминский	1
42	Тубылгытауское	-//-	1
43	Елховское	-//-	1
44	Утяшкинское	-//-	1
47	Среднечелнинское	Нижнекамский	2

№ п/п	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Кол-во
48	Клятлинское	-//-	8
49	Урсаевское	Азнакаевский	3
50	Старошакуровское	-//-	1
51	Мавлютовское	Бакалинский	1
52	Старокалмашовское	Чекмагушинский	1
53	Чишминское	Чишминский	1
54	Красноключинское	-//-	2
55	Кирменское	Мамадышский	14
56	Уразбахтинское	-//-	1
57	Дигитлинское	-//-	1
58	Нижнеякинское	-//-	6
59	Таутерменское	Сабинский	1
60	Большеошнякское 1	Рыбнослободский	1
61	Большеошнякское 2	-//-	1
62	Русскосердинское	Пестречинский	1
63	Читинское	-//-	1
64	Кибя-Козинское	Сабинский	2
65	Изминское	-//-	1
67	Гординское	Балезинский	1
68	Староашитское	Арский	2
69	Старокишитское	-//-	1
70	Иски-Казанское	Высокогорский	2
71	Ямашурминское	-//-	1
72	Сидорово-Пустышное	-//-	1
73	Казанское (Кабанское)	г. Казань	4
74	Татазелеевское	Зеленодольский	1
75	Малокайбицкое	Апастовский	1
76	Шам-Булыхчинское	-//-	1
77	Кульганское	-//-	5
78	Староказеевское	Камско-Устьинский	2
79	Салтыгановское	-//-	2
80	Большеатряское	Тетюшский	17
81	Монастырское	-//-	1
82	Ямбухтинское	-//-	2
83	Большешемякинское	-//-	1
84	Тетюшское	-//-	1
85	Урюмское	-//-	5
86	Мантовское	-//-	1
87	Большетарханское	-//-	1
88	Старошаймурзинское	Буинский	1
89	Байглычевское	Батыревский	1
90	Байтыревское	-//-	5
91	Полевобикшишское	-//-	1
92	Большеяльчиковское	-//-	1
93	Курманаевское	Нурлатский	1

Приложение 1-2

Пункты распространения татарских эпитафических памятников XV в.

№ п/п	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Кол-во
1	Большаякинское	Мамадышский	1
2	Татходяшевское	Пестречинский	4
3	Урывкинское	-//-	2
4	Старомиченьское	Сабинский	1
5	Иски-Казанское	Высокогорский	1
6	Большенырсинское	Тюлячинский	3
7	Среднеатинское	Арский	4
8	Нижнее-Верескинское	Атнинский	1
9	Чиршинское	-//-	1
10	Татазелевское	Зеленодольский	1
11	Тат.Танаевское	-//-	1
12	Нижне-Уринское	Атнинский	1

Приложение 1-2. Продолжение

Пункты распространения татарских эпитафических памятников
XVI – первой пол. XVII вв.

№ п/п	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Количество зарегистрированных памятников
1	Казанское (Кремлевское)	г. Казань	2+1 7
2	Куркачинское	Высокогорский	2
3	Ямашурминское	-//-	7
4	Чепчугинское	-//-	2
5	Хохловское	-//-	3
6	Русско-Урматское I	-//-	8
6а	Русско-Урматское II	-//-	1
7	Иске-Казанское	-//-	1
8	Уньбинское	-//-	4
9	Тохтамышовское	-//-	2
10	Русскоайшинское	-//-	3
11	Татайшинское	-//-	1
12	Чемерценское	-//-	2
13	Ташлы-Ковалинское	-//-	1
14	Чиршинское	-//-	1
15	Чувашлинское	-//-	5
16	Альдермышское	-//-	1
17	Ибрянское	-//-	2
18	Мендельское	Высокогорский	2
19	Айбашское	-//-	1
20	Большесулебашское	-//-	3
21	Большекургузинское	Зеленодольский	1
22	Казакларское	Высокогорский	1
23	Нижневерескинское	Атнинский	7
24	Староашитское	-//-	5
25а	Староузюмское II	-//-	2
25	Староузюмское I	-//-	7
26	Малоатнинское	-//-	6
27	Староменгерское	-//-	15
28	Старокишитское I	-//-	4
28а	Старокишитское II	-//-	1
29	Верхнесердинское I	-//-	2
29а	Верхнесердинское II	-//-	8
30	Комургузинское	-//-	3
31	Нижнеуринское	-//-	1
32	Нижнесердинское I	-//-	4
32а	Нижнесердинское II	-//-	2

№ п/п	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Количество зарегистрированных памятников
33	Верхнеатнинское	Арский	2
34	Большеберезинское	--/--	3
35	Среднеатнинское	--/--	6
36	Наласинское I	--/--	5
36а	Наласинское II	--/--	2
37	Нижнеметескинское	--/--	2
38	Кодряковское	--/--	3
39	Кишметьевское	Высокогорский	1
40	Казылинское	Арский	2
41	Старомасринское I	--/--	1
41а	Старомасринское II	--/--	5
42	Мендюшское	--/--	1
43	Верхнекорсинское	--/--	1
44	Карадуганское	Балтасинский	1
45	Смаильское	--/--	2
46	Каринское	Глазовский	3
47	Изминское	Сабинский	2
48	Старозюринское	Тюлячинский	1
49	Тямти-Метескинское	--/--	3
49а	--/-- II	--/--	1
50	Мало-Шинарское	--/--	1
51	Верхне Кибя-Козинское	--/--	2
52	Шеджинское	--/--	2
53	Тямтинское	--/--	1
54	Берсут-Сукачинское	Мамадышский	1
55	Уразбахтинское	--/--	1
56	Большесалтанское	Рыбно-Слободский	1
57	Епанчинское	Лаишевский	1
58	Пановское	Пестречинский	
59	Юнусовское	--/--	1
60	Кибячинское	--/--	1
61	Тат. Ходяшевское	--/--	1
62	Кугушевское	Зеленодольский	2
63	Васюковское	--/--	1
64	Акзигитовское	--/--	1
65	Бакырчинское	--/--	1
66	Тат. Танаевское	--/--	2
67	Нурлатское	--/--	1
68	Молвинское	--/--	1
69	Шигалинское	Янтиковский	2
70	Тат. Маматкозинское	Верхнеуслонский	1
71	Малокайбицкое	Кайбицкий	1
72	Старо-Тябердинское	--/--	2
73	Ямбухтинское	Тетюшский	1
74	Мантовское	--/--	1
75	Балынгузское	Алексеевский	1
76	Липша	Звениговский Марий Эл	1
77	Кузембетьево	Казань	1

Приложение 1-3

Пункты распространения татарских эпиграфических
памятников второй половины XVII – XVIII вв.

№ п/п	Название насел. пункта	Район	Кол-во
1	Кодряково	Высокогорский	1
2	Ковали	--/--	1
3	Качелино	Арский	1
4	Арск	--/--	1
5	Верх. Ура	--/--	1
6	Ниж. Ура	--/--	3
7	Мал. Атия	Атнинский	1
8	Бол. Менгеры	--/--	1
9	Сая	--/--	1
10	Ниж. Верески	--/--	1
11	Верх. Верески	--/--	1
12	Смаил	Балтасинский	1
13	Нохрат	Слободской р-он Кировской обл.	1
14	Тат. Ходяшево	Пестречинский	1
15	Чита	--/--	1
16	Ст. Ошняк	Рыбно-Слободской	1
17	Максабаш	Мамадышский	1
18	Бол. Нырсы	--/--	1
19	Бол. Нырты	--/--	1
20	Таканьш	Мамадышский	1
21	Дусаево	--/--	1
22	Верх. Ошма	--/--	1
23	Люга	Кукморский	1
24	Олуяз	--/--	1
25	Байлангар	--/--	1
26	Мамаширово	--/--	2
27	Посеево	Менделеевский	1
28	Бизяки	--/--	1
29	Тураево	--/--	2
30	Назар	Агрызский	1
31	Кудашево	--/--	1
32	Ст. Сляково	--/--	1
33	Салаучи	--/--	2
34	Рысова	--/--	1
35	Чишма	Чишминский р-он Респуб. Башкортостан	1
36	Ниж. Тирмя	--/--	1
37	Шигаево	Белорецкий	1
38	Туркино	Кушнаренковский	1
39	Мавлютово	--/--	1
40	Кигазы	--/--	1
41	Саралы	Азнакаевский	1
42	Митряево	Муслимовский	3
43	Байряки	--/--	1
44	Габдрахманово	Альметьевский	1
45	Кама-Исмагилово	--/--	1
46	Кульшарипова	--/--	1
47	Боровка	Мелекесский р-он Ульяновская обл.	1
48	Нурлаты	Зеленодольский	3
49	Тат. Танаево	--/--	1
50	Буртасы	--/--	1
51	Ст. Урмары	Урмарский р-он Респуб. Чувашия	1
52	Аттиково	--/--	1
53	Ст. Шигали	--/--	1
54	Ковали	--/--	1
55	Систлиби	--/--	1
56	Яльчики	Яльчиковский	1
57	Байглычево	Батыревский	1

Приложение 1-4

Список зарегистрированных эпитафических памятников XIX – начала XX вв.

№ п/п	Кладбища с памятниками	Местонахождение	Кол-во зарегистрированных памятников
1	Альметьевск	Альметьевск. р-н Респуб. Татарстан	6
2	Ст. Багряж	-//-	3
3	Кама-Исмагилова	-//-	5
4	Аксу	-//-	1
5	Бигешева	-//-	2
6	Буралы	-//-	1
7	Габдрахманова	-//-	2
8	Кичучат	-//-	2
9	Кулшарипова	-//-	4
10	Маметова	-//-	1
11	Миннибаева	-//-	6
12	Тайсуганова	-//-	1
13	Ниж. Мактама	-//-	3
14	Урсалыбаш	-//-	1
15	Чупаева	-//-	2
16	Верх. Мактама	-//-	1
17	Нов. Надирова	-//-	1
18	Мари-Ямалы	Актанышский р-н	1
19	Казанское татарское кладбище	Казань	12
20	Кышкар	Арский р-н	1
21	Нов. Княри	-//-	1
22	Б. Менгери	-//-	1
23	Кушар	-//-	1
24	Верх. Ора	-//-	1
25	Ран. Коллар	-//-	1
26	Чембулат	-//-	
27	Малмыж	-//-	1
28	Ниж. Ора	-//-	1
29	Молвино	Зеленодольский р-н	1
29а	Тат. Танаева	-//-	1
30	Сухие Курнали	Алексеевский р-н	1
31	Балтаси	Балтасинский р-н	1
31а	Карадуван	-//-	1
32	Сингелей	Лаишевский р-н	3
33	Тат. Кабаны	-//-	3
34	Бол. Чынлы	Дрожжановский р-н	2
35	Нарат Елга	Чистопольский р-н	1
36	Чистополь	-//-	8
37	Бакирово	Лениногорский р-н	1
38	Нуркеево	Сармановский р-н	1
39	Какре-Елга	Азнакаевский р-н	1
40	Урсаева	-//-	1
41	Чалпы	-//-	1
42	Ямбухтино	Спасский р-н	2
43	Псеева	Менделеевский р-н	1
44	Казаклар	Арский р-н	1
45	Качимир	Кукморский р-н	1
46	Асан-Елга	-//-	1
47	Арпаяз	-//-	1
48	Пеяк	-//-	1
49	Ядыгер	-//-	1
50	Верх. Шемордан	-//-	1
51	Нижн. Шемордан	-//-	1
52	Тарлау	-//-	1
53	Нурмабаш	-//-	1
54	Мамашир	-//-	1
55	Маскара	-//-	1
56	Кошкино	-//-	1
57	Бол. Сердек	-//-	1
58	Каюки	-//-	1

Сводная таблица эпитафических памятников с Болгарского городища

№ п/п	Дата	Размер (см)	Язык	Шрифт основного текста	Форма верхней части	Форма арки	Наличие плечиков	Заполнение арки	верхней части от основного текста	Бордюр	Боковые части	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	XIII–XIV вв.	16x59x77	арабск.	врезан. куфи	полукруглая		+		–	рельефн. полоса	–	–
2	–/–	14x20x24	булгар.	–/–	*					–/–	надпись	–
3	–/–	22x60x117	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	полу- круглая	+	формула «Он живой»	рельефная полоса	–/–	–	–
4	694 г.х.	24x53x113	–/–	–/–	–/–	килевид- ная	+	шести- лепестковая розетка	–	орнамент 3-го типа	–	–
5	721 г.х.	22x40x75	–/–	–/–	*					рельефн. полоса	куфи рельефн.	–
6	705 г.х.	18x53x122	–/–	–/–	скошенная	стрель- чатая	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	–/–	куфи рельефн.	куфи врезан.
7	нет	15x40x80	–/–	куфи врезан.	*					прямая линия	–	–
8	XIII–XIV вв.	34x29x15	–/–	куфи рельефн.	*					–/–		
9	–/–	16x58x33	арабск.	сульс рельефн.	*					рельефн. полоса	–	–
10	–/–	19x45x53	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	стрель- чатая	+	восьмилепест- ковая розетка	–	прямая линия	–	–
11	XIII–XIV вв.	18x37x66	булгар.	куфи рельефн.	*			формула «Он живой»	рельефн. полоса	прямая линия		розетка надпись куфи врезан.
12	–/–	23x32x22	булгар.	куфи рельефн.	*							куфи врезан.
13	–/–	12x30x35			скошенная	полукруг- лая	+	восьмилепест- ковая розетка		прямая линия		–
14	–/–	22x67x55	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	килевид- ная	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	рельефн. полоса	–	–
15	–/–	18x44x32	булгар.	куфи рельефн.	*				–/–	–/–	–	–
16	728 г.х.	20x45x28	булгар.	куфи врезан.	*					прямая линия	–	–
17	727 г.х.	14x49x180	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	килевид- ная	+	формула «Суд Аллаха...»		–/–	–	–
18	XIII–XIV вв.	20x24x23	булгар.	куфи врезан.	*					прямая линия	–	–
19	–/–	10x42x40	арабск.	сульс рельефн.	*					рельефн. полоса	–	–
20	–/–	11x34x58	булгар.	куфи врезан.	*					–	–	–
21	–/–	24x50x32	арабск.	сульс рельефн.	*					рельефн. полоса	сульс рельефн.	–
22	–/–	18x44x55	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная		+	шестилепестко- вая розетка	–		–	–

23	—/—	18x30x21	—/—	—/—	—/—	—/—	—/—	формула «Он живой»	—	—	—	—
24	6** г.х.	12x34x60	—/—	—/—	—/—	—/—	—/—		—	—	—	—
25	690 г.х.	24x52x120	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	+		формула «Суд Ахлаха»		рельефн. полоса		—
26	—/—	14x21x18			прямоугольная			шестилепестковая розетка	—	рельефн. полоса		—
27	—/—	18x21x44	булгар.	куфи рельефн.	*							—
28	—/—	16x29x34	—/—	куфи врезан.	полукруглая	+	нет		—	—	—	—
29	нет	12x45x77	—/—	—/—	нет	—	—		—	—	—	—
30	XIII–XIV вв.	11x25x32	—/—	—/—						рельефн. полоса		—
31	—/—	18x46x40	—/—	куфи врезан.	прямоугольная	+	стрельчатая	шестилепестковая розетка	—	рельефн. полоса		—
32	нет	12x54x68	—/—	—/—	полукруглая	—	нет		—	—	тамга	—
33	заготовка	24x50x86										—
34	XIII–XIV вв.	18x57x50	булгар.	куфи врезан.	*					прямая линия		—
35	—/—	22x54x70	—/—	куфи рельефн.	*					рельефн. полоса		—
36	—/—	20x52x86	—/—	—/—	*					—/—	куфи рельефн.	—
37	—/—	21x67x143	арабск.	сульс рельефн.	*	+		формула	—	орнамент 3 типа		—
38	—/—	18x58x66	булгар.	куфи врезан.	*						куфи рельефн.	—
39	—/—	20x56x100	?	—/—	*					2 прямые линии		—
40	—/—	10x60x102	?	—/—	*						куфи рельефн.	—
41	XIII–XIV вв.	18x58x105	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	+	клевидная			рельефн. полоса		—
42	—/—	20x43x54		—/—	остроконечная	+	остроконечная	восьмилепестковая розетка	—	орнамент 3 типа		восьмилепест. розетка
43	—/—	16x36x43			прямоугольная	+	клевидная		—/—	—	—	—
44	—/—	18x48x40	булгар.	куфи рельефн.	—/—	+	—/—	формула «Он живой»	—	рельефн. полоса	куфи рельефн.	—
45	—/—	23x73x75	арабск.	сульс рельефн.	—/—		—/—	—/—	виноградная лоза	—/—	—	—
46	—/—	18x60x150		—/—	—/—	+	—/—	—/—	—/—	—/—	—	—
47	697 г.х.	20x62x158	арабск.	—/—	полукруглая	+	полукруглая	формула «Он живой»	—/—	—/—	—	—
48	699 г.х.	20x55x183	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	+	стрельчатая	—/—	—/—	—/—	—	—
49	XIII–XIV вв.	16x44x35		куфи врезан.	—/—	+	—/—	восьмилепестковая розетка	—/—	рельефн. и врезан. полосы		—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50	718 г.х.	20x56x133	-//-	-//-	*		+	-//-	виноградная лоза	-//-	-	розетка, куфи врезан.
51	684 г.х.	20x60x184	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрельчатая	+	формула «Он живой»	-//-	орнамент 3 типа	-	-
52	заготовка	22x69x76			*							
53	заготовка	17x41x56			*							
54	XIII-XIV вв.	17x38x60	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	стрельчатая	+	восьмилест- ковая розетка	-//-	рельефн. и врезан. полосы	-	-
55	XIII-XIV вв.	20x65x33	заготовка		прямоугольная	стрельчатая						
56	709 г.х.	19,5x52,5x 155	булгар.	куфи рельефн.	скошенная	-//-	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	рельефн. полоса	-	-
57	707 г.х.	24x62x127	-//-	куфи врезан.	прямоугольная	-//-	+	формула «Он живой»	-//-	-//-	-	-
58	749 г.х.	20x58x80	-//-	куфи рельефн.	-//-	-//-	+	формула «Он живой»	рельефная полоса	-//-	куфи врезан.	-
59	XIII-XIV вв.	24x66x95	арабск.	сульс рельефн.	скошенная	килевид- ная	+	-//-	-//-	-//-	орнамент	-
60	-//-	21x58x136	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	полукруг- лая	+	-//-	виноградная лоза	рельефн. полоса	надпись	розетка
61	-//-	?x30x20	-//-	куфи врезан.	*					орнамент 3 типа	-	-
62	-//-	25x80x130	-//-	куфи рельефн.	*					рельефн. полоса	куфи рельефн.	-
63	-//-	20x25x38	арабск.	сульс рельефн.	*					-//-	надпись	-
64	-//-	28x68x125		-//-	прямоугольная		+	формула «Он живой»				
65	720 г.х.	17x41x83	булгар.	куфи врезан.	-//-	полукруг- лая	+		-	-	-	-
66	XIII-XIV вв.	22x60x82		куфи рельефн.	*					рельефн. и врезан. полосы	надпись	-
67	-//-	26x78x100	арабск.	сульс рельефн.	*					рельефн. полоса	надпись	-
68	-//-	20x27x35		куфи врезан.	полукруглая			формула «Суд Аллаха»	-//-	-//-	-	-
69	719 г. х.	17x50x83	булгар.	куфи рельефн.	*					-//-	куфи рельефн.	-
70	690 г.х.	20x62x100	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрель- чатая	+	формула «Он живой»	-	-	-	-
71	XIII-XIV вв.	23x67x69	-//-	-//-	*					орнамент 3 типа и виноград- ная лоза	орнамент	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
72	--/	26x78x120	арабск.	--/	--/	--/	+	формула «Он живой»		рельефн. полоса	--	--
73	705 г.х.	22x27x35	булгар.		*					--/	куфи рельефн.	куфи вырезан., бордюр 1 черта
74	742 г.х.	30x78x242	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	полукруглая	+	формула «Он живой»	рельефн. полоса	--/	сульс рельефн.	--
75	XIII-XIV вв.	22x60x104	булгар.	куфи рельефн.	--/	стрельчатая	+	--/	орнамент 3 типа	--/	--	шестилепестковая розетка
76	708 г.х.	22x57x196	--/	--/	--/	--/	+	формула «Суд Аллаха»	--	--/	--	--
77	719 г.х.	22x44x52	булгар.	куфи рельефн.	*					--/	--	--
78	XIII-XIV вв.	20x50x56			*							
79	--/	20x59x61		сульс рельефн.	*						сульс рельефн.	--
80	--/	21x25x47	арабск.	--/	прямоугольная	стрельчатая	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	--/	--	--
81	--/	16x31x30	булгар.	простой вырезан.	*			восьмилепестковая розетка	--	--/	--	--
82	--/	19x62x64	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрельчатая	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	--/	--	круговой орнамент
83	XIII-XIV вв.	24x44x40	--/	куфи рельефн.	--/	--/	+	формулы «Суд Аллаха», «Он живой»				
84	--/	23x15x40	--/	сульс рельефн.	*					трилистник	сульс рельефн.	надпись
85	нет	17x43x82	булгар.	куфи вырезан.	--/	--/	+	формула «Суд Аллаха»	--	--	--	--
86	720 г.х.	17x46x89	--/	--/	скошенная	--/	+	6-ти лепестковая розетка с внутренней розеткой	--	--	--	--
87	XIII-XIV вв.	26x29x49	--/	--/	*					рельефн. и вырезан. полосы	--	--
88	--/	22x27x47	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрельчатая	+	формула «Он живой»	--	рельефн. полоса	--	--
89	--/	21x38x22		вырезан. простой	*					2 прямые линии	--	--
90	--/	19x24x53	булгар.	куфи рельефн.	--/	--/	+	формула «Он живой»	рельефн. полоса	рельефн. полоса	--	--
91	--/	21x12x36	--/	простой вырезан.	*					--/	--	--
92	--/	23x59x65	--/	сульс рельефн.	--/	--/	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	--/	орнамент куфи рельефн.	--
93	--/	24x30x85	арабск.	сульс	--/	--/	+	--/	--/	рельефн. полоса	--	--

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
94	-/-	25x68x35	-/-	сульс рельефн.	*					-/-	-	-
95	-/-	18x15x37	-/-	-/-	скошенная	стрель- чатая		восьмилепест- ковая розетка		-/-	-	рельефн. надпись
96	-/-	17x14x10	?		*					рельефн. полоса	-	-
97	-/-	24x26x75	арабск.	сульс рельефн.	*					-/-	надпись	-
98	-/-	30x24x70	-/-	-/-	*					-/-		-
99	-/-	заготовка			*							
100	-/-	19x52x24	булгар.	куфи рельефн.	*					-/-	куфи рельефн.	-
101	нет	19x47x130	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрель- чатая	+	формула «Он живой»		-/-	-	-
102	691 г.х.	24x50x166	-/-	-/-	-/-	-/-	+	-/-		-/-	-	-
103	734 г.х.	24x61x271	-/-	сульс рельефн.	-/-	-/-	+	-/-	-/-	-/-	-	-
104	719 г.х.	20x47x182	-/-	-/-	-/-	-/-	+	-/-	-/-	-/-	-	-
105	718 г.х.	19x60x152	-/-	-/-	-/-	-/-	+	-/-	-/-	-/-	-	-
106	72*	22x55x130	?	-/-	-/-	-/-	+	формула		-/-	-	-
107	699 г.х.	21x55x186	-/-	-/-	-/-	-/-	+	-/-		-/-	ромбический орнамент	надпись
108	711 г.х.	21x65x221	булгар.	-/-	-/-	киле- видная	+	-/-	-/-	-/-	-/-	розетка
109	724 г.х.	20x55x210	поволжск. порки	-/-	-/-	-/-	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	-/-	-	-
110	730 г.х.	21x61x174	булгар.	куфи рельефн.	-/-	-/-	+	-/-	-/-	рельефн. полоса	-	-
111	710 г.х.	25x72x256	арабск.	сульс рельефн.	-/-	-/-	+	-/-	-/-	-/-	-	-
112	713 г.х.	20x54x154	булгар.	куфи врезан.	полукруглая	стрель- чатая	+	восьмилепест- ковая розетка	-	рельефн. полоса	-	-
113	717 г.х.	19x49x145	-/-	-/-	прямоугольная	-/-	+	-/-	-	-/-	-	-
114	686 г.х.	15x66x140	арабск.	сульс рельефн.	-/-	-/-	+	формула «Он живой»	-	-/-	-	надпись
115	XIII в.	18x66x130	-/-	-/-	-/-	-/-	+	-/-	-	орнамент 3 типа	-	-
116	716 г.х.	20x51x115	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	-/-	+	-/-	виноградная лоза	-/-	надпись	орнамент
117	XIV в.	22x71x152	поволжск. порки	сульс рельефн.	-/-	стрель- чатая	+	-/-	-/-	рельефн. полоса	сульс рельефн.	куфи рельефн.
118	725 г. х.	22x67x135	булгар.	куфи рельефн.	-/-	полу- круглая	+	-	-	-/-	-	восьмиле- пестковая розетка
119	690 г.х.	17x50x82	-/-	-/-	*					-/-	-	-
120	XIV в.	20x52x122	-/-	-/-	*					-/-	надпись	куфи рельефн.
121	711 г.х.	22x54x110	-/-	-/-	*					рельефн. полоса	куфи рельефн.	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
122	XIII-XIV вв.	22x49x119	-//-	куфи врезан.	прямоугольная	полу- круглая	+	восьмилепест- ковая розетка		рельефн. и врезан. полосы	-	-
123	-//-	21x60x175	поволжск. пюрки	сульс рельефн.	-//-	стрель- чатая	+	формула «Он живой»	виноградная лоза	-//-	-	-
124	-//-	11x9x3		-//-	*							
125	-//-	21x52x21		куфи врезан.	*							
126	-//-	20x36x42			*			розетка				
127	-//-	211x27x20			*							
128	XIII-XIV вв.	20x48x97	булгар.	-//-	*			восьмилепест- ковая розетка		рельефн. полоса	-	-
129	-//-	18x29x35			скошенная	стрель- чатая	+	-//-		-//-	-	-
130	-//-	20x28x31			*							
131	-//-	20x24x28			*					рельефн. полоса		
132	-//-	19x45x55		сульс рельефн.	*					-//-	ромбический орнамент	
133	-//-	20x30x43		-//-	*					-//-	-	-
134	7**	78x25x40	булгар.	куфи врезан.	*							-
135	XIII-XIV вв.	19x55x62			*							
136	-//-	17x48x44			*							
137	-//-	25x62x65	заготовка									
138	-//-	25x60x135	-//-									
139	-//-	23x44x69	-//-									
140	-//-	16x80x65			*							
141	-//-	9x15x15			*							
142	-//-	18x50x125			*							
143	XIII-XIV вв.	х60x110	булгар.	куфи рельефн.	*					рельефн. и врезан. полосы		
144	723 г.х.	?x55x200	-//-	куфи врезан.	прямоугольная	стрель- чатая	+	восьмилепест- ковая розетка	-	рельефн. полоса		
145	690 г.х.	18x70x285	арабск.	сульс рельефн.	-//-	-//-	+	формула «Он живой»	виноградная лоза			
146	7**	?x71x160	булгар.	куфи врезан.	-//-	-//-	+	-//-	-	две линии		
147	690 г.х.	17x28x38	-//-	-//-	-	-	-			врезан. линия	-	
148	687 г.х.	17x42x50	-//-	-//-						рельефн. полоса	-	
149	нет	16,5x38x50	-//-	-//-	полукруглая	стрель- чатая	+	формула «Суд Аллаха»	-	-	-	
150	нет	16x43x85	-//-	-//-	прямоугольная	-//-	+	формула «Он живой»	-	-	-	
151	XIII-XIV вв.	23x62,5x22 5	-//-	-//-	-//-	-//-	+	восьмилепест- ковая розетка	виноградная лоза	орнамент 3 типа		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
152	722 г.х.		-//-	куфи рельефн.	прямоугольная	-//-	+	формула «Суд Аллаха, Он живой...»	-	рельефн. полоса		
153	7* I г.х.		булгар.	куфи врезан.	*		+	восемилепест- ковая розетка		рельефн. и врезан. полосы		
154	717 г.х.	20x59x96	поволжск. торки	сульс рельефн.	прямоугольная	стрель- чатая	+	формула «Он живой»	-	-		
155	XIII в.	18x60x?	арабск.	-//-	*							
156	XIII-XIV вв.	...x50x26	булгар.	куфи врезан.	*				рельефн. и врезан. полосы			
157	-//-	...x52x135	арабск.	сульс рельефн.	прямоугольная	стрель- чатая	+	формула «Он живой»		рельефн. полоса		
158	-//-	...x60x110	булгар.	-//-	*							

Эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Закамье

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размер (см)	Язык	Шрифт основного текста	Форма верхней части	Форма арки	Наличие плечиков	Заполнение арки	Бордюр	Боковые части	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Ошняк Алькеевский р-н	727 г.х. рамазан	?	булгар.	куфи врезан.							
2	--/--	720 г.х. сафар	18x60x90	--/--	--/--							
3	--/--	?	?	--/--	--/--							
4	--/--	?	24x60x110	?	?							
5	--/--		18x65x80									
6	Подлесная Шентала Алексеевский р-н	–	?	булгар.	простой врезан.							
7	--/--	730 г.х.	17x99x45	--/--	--/--							
8	Биллярск Алексеевский р-н	720 г.х.	24x60x160	--/--	куфи врезан.							
9	--/--	?	18x60x82	арабск.	--/--							
10	--/--	?	23x49x100	?	--/--							
11	--/--	712 г.х. раби I	21x59x146	булгар.	сульс рельефн.							
12	Ново-Чувашский Адам Алексеевский р-н	747 г.х. 5 день	25x75x125	--/--	куфи рельефн.							
13	Ново-Татарский Адам Алексеевский р-н											
13	Новое Демкино Аксубаевский р-н	758 г.х.	29x71x132	булгар.	простой врезан.							
14	--/--	7** мухаррам 5 день	18x64x3152	--/--	простой							
15	--/--	?	25x66x92									
16	--/--	748 г.х. сафар, 15 день	24x63x185	булгар.	простой врезан							
17	--/--	?	24x74x142									
18	--/--	?	22x64x53									
19	Барское Енарускино Аксубаевский р-н.	715(7) г.х.	?	булгар.								
20	--/--	748 г.х.	18x56x166	--/--								
21	--/--	раби I	18x67x103		вырезан.							
22	--/--	7	24x69x110	--/--	--/--							
23			20x67x100									
24	Старое Ибрайкино Аксубаевский р-н	71(5)8 г.х.	27x55x112	булгар.	куфи врезан.							
25	Старый Тат. Киреметь Аксубаевский р-н	752 г.х. шаабан	19x60x120	--/--	простой рельефн.							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
26	Савлачева Акубаевский р-н											
27	Старые Стурushi Акубаевский р-н	7	?	булгар.	полукуфи врезан.							
28	-/-	710 г.х. раджаб 18 день	30x60x70	-/-	-/-							
29	-/-	7**... шаабан	20x62x120	-/-	-/-							
30	-/-											
31	Урмандеево Акубаевский р-н	-	20x54x97	-/-								
32	Чув.Елтан Чистотольский р-н											
33	-/-	720 г.х. мухаррам	22x52x175	-/-	куфи врезан							
34	Ишалькино	-	15x40x52x1 24	-/-								
35	Тат.Толкиш	?	28x80x160									
36	-/-	749 г.х.	24x63x125	булгар.	врезан.							
37	Тат.Тукмаклы											
38	Нараг Елга											
39	Кубассы											
40	-/-											
41	Жукотин											
42	Змево											
43	Рус. Сарсазы											
44	Исляйкино	-	23x55x155	булгар.								
45	-/-	...4 раби II	20x55x100	-/-	врезан.							
46	-/-		18x48x90	-/-								
47	-/-		20x45x90									
48	Каргалы											
49	Кармалы	738 г.х. мухаррам	26x69x162	булгар.								
50	Верх. Никиткино	750 г.х.	24x37x86	-/-	врезан.							
51	Нижн. Никиткино (Ленино)											
52	Елховка											
53	Утяшкино											
54	Сред. Челны Нижнекамский р-н	724 г.х.	18x54x130	булгар.								
55	-/-		13x35x65									
56	Клятли	-	9x31x90	булгар.	простой врезан.							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
57	Урсаво Азнакаевск. р-н	-	18x57x175	-/-	-/-							
58	-/-	???	10x40x170	булгар.								
59	-/-		21x62x75	-/-								
60	-/-		17x62x150	-/-								
61	-/-		20x40x75									
62	-/-		14x37x145									
63	-/-		18x58x140									
64	-/-		26x52x180									
65	Ст.Калмашова Чакмагышский р-н Башкортстан	747 г.х. 13 день	11x49x90	булгар.	простой врезан.							
67	Ст. Байрамгулово	651 г.х.			куфи врезан.							
68	Ст. Шакурово	-			простой врезан.							
69	Чишмя Чишминский р-н Башкортстан	740 г.х.	27x67x150	арабск.	сульс рельефн.		стрель- чатая	+	формула			
70	Красный Ключ -/-	шауваль	29x64x200	булгар.	куфи рельефн.		-/-	+	-/-			
71	-/-	731 г.х. раджаб	?	-/-				+	орнамент		-	
72	Ст. Ромашкино	733 г.х. раджаб 23 день	21x62x140	булгар.	куфи рельефн.	-		+				
73	-	736 г. раби 1		-/-				+				
74	-	-	27x37x125	-/-				+				
75	-	733 г.х. раджаб 15 день	25x63x130	-/-	простой рельеф.			-				
76	-	-	21x60x50	-/-	полукуфи			-				
77	-	7	19x57x144	-/-	куфи рельефн.	прямоугольная ?		+	ромашка			
78	-	718 г.	23x62x93	-/-	куфи врезан.	-/-		-	ромашка			
79	-	705 г. раби II 25 день	19x58x150	-/-	простой врезан.	-/-		+	рис.			
80	-	-	22x60x80	-/-				-				
81	-/-	-	-	-/-				+	формула «Он живой»			
82	-/-	716 г.	22x50x110	-/-	куфи врезан.	прямоугольная	-/-	+				
83	-/-	-	20x52x96	-/-								
84	-/-	716 г.	21x60x107									
85	-/-	-	18x11x80	-/-		прямоугольная		+	формула «Он живой»			
86	Ст. Балыкуль Алькеевский р-н	718 г.	16x40x96	булгар.	куфи врезан.			+	-/-			
87	-/-	-	16x70x100	-/-		-/-	-/-	-				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
88	-/-	-	14x46x75	-/-	-/-	-/-	стрельчатая	+	рис.			
89	-/-	726 г.	20x51x100	-/-	-/-	-	-/-	+	формула «Он живой»	-	-	
90	-/-	сафар 5 день	24x65x170	-/-	-/-	-/-	-/-	+	ромашка	-	-	
91	-/-	-	17x34x74	-/-	-/-	-/-	-/-	+	формула «Он живой»	-	-	
92	Иске-Раджаб Спасский р-н	745 г. раджаб 3 день	23x56x108	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	-/-		формула «Суд Аллаха»	-	-	
93	-/-	-	19x44x95	булгар.	-/-	-	-	-	-	-	-	
94	-/-	-	18x60x62	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
95	-/-	705 г.	-	-/-	куфи	-	-	-	-	-	-	
96	-/-	720 г.	-	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
97	-/-	-	-	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
98	Ямбухтино Спасский р-н	(70)9?	16x48x90	-/-	куфи врезан	-	-	-	розетка	-	-	
99	-/-	717 г. шауваль	21x44x80	булгар.	куфи врезан.	-	-	-	-	-	-	
100	-/-	733 г. раджаб	19x90x70	-/-	-/-	-	-	-	розетка	-	-	
101	-/-	724 г. шауваль	21x58x120	-/-	куфи рельефн.	-	-	-	-	-	-	
102	-/-	-	22x61x120	-/-	-	-	-	-	-	-	-	
103	-/-	-	28x55x19,5	-	сулье рельефн.	прямоугольная	-	+	-	-	-	
104	Тяжбердино Алькеевский р-н	706 г. зулькагда	18x15x95	булгар.	куфи врезан.	-/-	-/-	+	-	-	-	
105	-/-	723 г. раджаб 15 день	16,5x50x95	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
106	-/-	705 г. раби II	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
107	Чердаклинский р-н Ульяновская обл.	723 г.х.	17x45x45	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
108	-/-	-	20x53x66	-	-	-	-	-	-	-	-	
109	Матвеевка Старо-Майнский р-н Ульяновская обл.	737 г.х.	-	арабск.	-	-	-	-	-	-	-	
110	Матвеевка Старо-Майнский р-н Ульяновская обл.	-	-	булгар.	-	-	-	-	формула, рельефн. куфи	-	-	
111	Тат. Калмаюр Чердаклинский р-н Ульяновская обл.	759 г.х. шауваль в конце	21x63x150	булгар.	простой врезан.	-	-	-	формула	-	-	
112	-/-	-	20x38x100	-/-	куфи врезан.	-	-	-	-	-	-	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
113	-/-	751 г.х. шауваль	21x91x258	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
114	-/-	75	17x50x110	-/-	-/-	-	-	-	-	-	-	
115	-/-	-	18x42x82	-/-	простой врезан.							
116	-/-	764 г.х.	25x60x119	-/-	-/-							
117	-/-		8x20x50									
118	Архангельское Чердаклинский р-н Ульяновская обл.	716 г.х.	?	булгар.	куфи рельефн.							
119	Правая Волга-Батраки Куйбышевская обл. Сызранский р-н	-	?x72x92	-/-	куфи врезан.							
120	Тат. Шапкино Алькеевский р-н	710 г.х.	23x60x160	арабек.	сульс рельефн.							
121	Тат. Бунаво Алькеевский р-н	-	20x47x60		врезан.							
122	Нижн. Альмурино Алькеевский р-н		16x40x80									
123	Ст. Челны Алькеевский р-н	707 г.х.	18x50x90	булгар.	куфи врезан.							
124	Сухие Курнали Алекеевский р-н	726 г.х. сафар. 26 день	18x50x108	-/-	-/-							
125	-/-	724 г.х. зухлиджа 18 день	23x53x125	-/-	-/-							
126	-/-		10x37x65	-/-	-/-							
127	-/-		18x70x135	-/-	-/-							
128	-/-		15x38x60	-/-	-/-							

Эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Заказанье

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размер (см)	Язык	Шрифт основного текста	Форма верхней части	Форма арки	Наличие плечиков	Заполнение арки	Бордюр	Боковые части	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Тат. Кирмени Мамадышский р-н		17x50x70	булгар.	куфи врезан.	прямоугольная	–	–		–	–	–
2	–/–	753 г.х.	15x56x90	–/–	простой врезан.	–/–		–		–	–	–
3	–/–		17x50x17	–/–	куфи врезан.				нет	–	–	–
4	–/–		17x49x75	–/–	–/–	прямоугольная	стрельчатая	+	надпись, формула	–	–	–
5	–/–	74?	20x37x43	–/–	простой врезан.		–	–	фото	–	–	–
6	–/–	738 г.х.	15x47x65	–/–				+	розетка «Солнце»	рисунок		
7	–/–	737 г.х.	14x44x90	–/–				+				
8	–/–	732 г.х.	13x42x58	–/–	простой врезан.							
9	–/–	?	17x50x40	–/–	–/–							
10	–/–		18x47x90	–/–	–/–							
11	–/–	?	13x40x60	?		прямоугольная	стрельчатая					
12	Ниж. Яки	741 г.х. раби II	?	булгар.	простой врезан.	–/–	–	–		–	–	–
13	Бол. Нырсы Сабинский р-н	758 г.х. рамазан	23x67x140	–/–	куфи рельефн.	–/–		+	цветочн. орнамент	–	–	–
14	Таутермен Лаишевский р-н	–	25x73x176	–/–	–/–	–/–		+	цветочн. орнамент	–	–	–
15	Кибя-Кози Сабинский р-н	7**..	?	–/–	простой врезан.	–/–	?	?	?	?	–	–
16	Измя	732 г.х. раджаб	?	–/–	–/–	–/–	–	–	–	–	–	–
17	Гордино Балезинский р-н Удмуртия	723 г.х.	?	–/–	–/–	–/–		+	формула	–	–	–
18	Ст. Ашит. Арский р-н	758 г.х. 18 день зулькагда	18x50x120	–/–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	–/–	7*3 г.х.	21x60x80	–/–	–/–	–/–	–	–	–	–	–	–
20	Ст. Кишит	7**	20x50x150	–/–	–/–	–/–	–	–	–	–	–	–
21	Рус. Урмат Высокогорский р-н	680 г.х.	17x35x150	–/–	куфи врезан.	–/–	–	–	–	–	–	–
22	–/–	?	22x53x110			–/–	–	–	–	–	–	–
23	Ямашурма Высокогорский р-н	784 г.х. джумади I	15x53x130	булгар.	простой врезан.	–/–		–	шестиконечная звезда	линия	–	–
24	Казань	?	40x96x350	арабск.	сульс рельефн.	–		–	формула	линия	–	–
25	–/–	696 г.х.	?	булгар.	куфи врезан.							
26	–/–	7**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Предволжье

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размер (см)	Язык	Шрифт основного текста	Форма верхней части	Форма арки	Наличие плечиков	Заполнение арки	Бордюр	Боковые части	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Бол. Атрясы Тетюшский р-н	724 г.х.	20x54x140	булгар.	куфи рельефн.	прямоугольная	стрельчатая	+	формула «Он живой»	рисунок	–	–
2	–	–	21x37x80	–	куфи врезан.	–	–	+	«ромашка»	–	–	–
3	–	–	–	–	–	–	–	+	формула «Суд Аллаха»	–	–	–
4	–	720 г.х.	19x48x105	–	–	–	–	+	«ромашка»	–	–	–
5	–	703 г.х. раби I	47x120	–	куфи рельефн.	килевидная	–	+	формула «Он живой»	рисунок	–	–
6	–	7**	19x46x82	–	куфи врезан.	прямоугольная	–	+	«ромашка»	жирная линия	–	–
7	–	–	18x43x85	–	–	?	–	+	–	–	–	–
8	–	702 г.х.	х50x120	–	–	прямоугольная	–	+	«ромашка»	–	–	–
9	–	707 г.х.	23x59x110	–	куфи рельефн.	–	–	+	формула «Он живой»	рисунок	–	–
10	–	715 г.х.	27x60x110	булгар.	куфи врезан.	–	–	+	«ромашка»	–	–	–
11	–	?	18x30x93	–	–	–	–	+	рисунок	–	–	–
12	–	74	18x52x95	булгар.	–	–	–	+	формула «Он живой»	–	–	–
13	–	7	–	–	куфи рельефн.	полукруглая	–	+	–	–	–	куфи врезан.
14	–	714 г.х.	20x55x140	–	–	прямоугольная	стрельчатая	+	–	линия	–	–
15	–	725 г.х.	–	булгар.	куфи врезан.	–	полукруглая	+	«ромашка»	тонкая линия	–	–
16	–	759 г.х. шауваль	–	булгар.	–	–	стрельчатая	+	формула «Он живой»	–	–	–
17	Мал. Кайбицы Апастовский р-н	–	?	–	куфи врезан.	–	–	+	цветок	–	линия	–
18	Шамбалыхчы	730 г.х.	15x35x86	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	Кульганы	734 г.х. мухаррам	20x10x104	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	–	–	19x41x90	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21	–	–	20x47x90	–	–	–	–	–	–	–	–	–
22	–	–	20x46x100	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23	–	–	15x39x80	–	–	–	–	–	–	–	–	–
24	Стар. Казеево Камско-Устинский р-н	724 г.х.	14x38x85	булгар.	–	–	–	–	–	–	–	–
25	–	–	12x34x75	–	–	–	–	–	розетка	–	–	–
26	Салтыганово	7	–	–	куфи врезан.	–	–	–	–	–	–	–
27	–	706 г.х.	–	–	куфи рельефн.	–	–	–	–	–	–	–
28	–	708 г.х. рамазан	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
29	Бол. Атрясы Тетюшский р-н	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
30	Бол. Шемякино	7?	19x52x99	-//-	рельефн.	?	?	-	-	-	-	-
31	Ямбухтинно	642 г.х.		булгар.	сульс	-	-	-	-	-	-	-
32	-//-	747 г.х.		-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
33	Тепюши	719 г.х.		-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	Урюм											
35	-//-	725 г.х. мухаррам 28 день		-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
36	-//-		20x45x	-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	-//-		23x27x33	-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
38	-//-		26x45x80									
39	Мангово											
40	Бол. Тарханы	714 г.х. джумади I 6 день	х55x130	-//-	куфи врезан.	рисунок	рисунок	+	формула	-	-	-
41	-//-	720 г.х. мухаррам	х60x140	-//-	-//-	-	-	-	-	-	-	-
42	Ст. Шаймурзино Буинский р-н											
43	Байлычево Батыровский р-н Чувашия	-	13x40x54	булгар.	куфи врезан.	рисунок	рисунок	+	формула	-	-	-
44	Байтеряково	727 г.х.	-	булгар.								
45	-//-	7?3 г.х.	20x62x66	-//-								
46	-//-	7?	24x60x67	-//-	сульс рельефн.							
47	-//-		20x52x72	-//-	куфи вырезан.							
48	-//-		27x30x30	-//-	сульс							
49	Бол. Яльчики											
50	Тат. Азелей Зеленодольский р-н	?	14x57x55	-//-	?	-	-	+	формула			

Эпиграфические памятники XV в.

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размер (см)	Язык	Шрифт основного текста	Форма верхней части	Форма арки	Наличие плечиков	Заполнение арки	Бордюр	Боковые части	Обратная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Иски Казань	900 г. раби II	14x48x110	татар.	сульс рельефн.			-	-	-	-	-
2	Средние Аты	880 г.	11x47x110	-	-	-	-	-	-	рельефн. арабская вязь	надпись	-
3	-//-	-//-	-//-	-	-	-	-	-	-	джут	-	-
4	-//-	-//-	19x55x148	-	-	-	-	-	орнамент		-	-
5	-//-	-	-	-	сульс рельефн.			-	формула	рисунок	-	-
6	Чирши	890 г.	16x39x103	татар.	простой рельефн.	полукруглая	полукруглая	-	формула	джут	надпись	-
7	Тат.Ходяшево	897 г.	135x65x70	татар.	простой врезан.	+	+	+	+	+	-	-
8	-//-	893 г.	14,5x56x70	-//-	-//-	полукруглая	-	-	-	-	-	-
9	-//-	-	-	-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	-//-	-	-	-//-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Урывкино	?	15x52x75	-//-	-	-	нет	-	-	веревочный орнамент	-	-
12	-//-	-	17x86x82	-//-	-	?	?	-	-	-	-	-
13	Бол.Нырсы	802 г.	16x55x130	-//-	-//-		нет	-	-	-	-	-
14	-//-	847 г.	20x59x110	-//-	-//-	-//-	-//-	-//-	шестилепестковая розетка	-	-	-
15	-//-	877 г.	19x50x10	-//-	-//-	-//-	-//-	-//-	-//-	-	-	-
16	Бол. Яки	82	16x62x107		-//-	?						
17	Тат. Азелей	886 г.	11,5x44x111	татар.	сульс рельефн.	-//-		-	-	веревочный орнамент	надпись	-
18	Тат. Танаэво	893 г.										
19	Тат. Ходяшево	-	-	-//-	сульс рельефн.			-	-	-	-	-

Сводная таблица эпитафических памятников первой половины XVI в.

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размеры (см)	Шрифт	Форма верхней части	Разделительная полоса	Заполнение верхней части	Бордюр	Боковая сторона	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Н.Серда	909	22x47x130	простой врезан.	подтреугольная					
2	Наласа	927	18x48x95	сульс рельефн.	--/	линейная, геометрическая, растительная	кораническая формула	орнамент	надпись	—
3	В. Кибя-Кози	934	20x45x110	--/	килевидная	рельефная полоса	орнамент	виноградная лоза	--/	надпись-штамп
4	Ст. Узюм	91*	*x50x123	--/	--/	--/	кораническая формула	--/	*	*
5	Ямашурма	926	20x53x144	простой врезан.	подтреугольная	врезанная линия	*	врезанная линия	*	*
6	Епанчино	926	*	простой рельефн.	полукруглая с аркой	*	кораническая формула	виноградная лоза	*	*
7	Н. Берески	946	18x38x120	простой врезан.	стрельчатая	виноградная лоза	--/	--/	надпись	*
8	Т. Ходяшева	924	23x65x108	простой рельефн.	полукруглая	рельефная полоса	--/	геометрический орнамент	*	*
9	Тат. Танаева	*	25x30x96	*	*	*	*	*	надпись	*
10	Чемерцы	941	20x45x130	сульс рельефн.	подтреугольная	рельефная полоса	орнамент	виноградная лоза	--/	
11	--/	940	21x45x140	*	*					
12	Хохлова	914	16x43x120	*	*				надпись	
13	Бол. Карагузя	92*	15x54x150	простой рельефн.	килевидная	*	орнамент	*	--/	
14	--/	*	21x50x163	--/	--/		--/		--/	штамп
15	Бакырчы	950	17x47x100	*	*					
16	--/	950	20x50x96	*	*					
17	Верх. Береза	953	23x50x160	*	*				надпись	
18	Верх. Серда	943	16x40x105	*	*				--/	
19	Ст. Масра	95*	18x46x105	*	*				--/	
20	М. Агня	950	23x52x135	простой рельефн.	килевидная				--/	
21	--/	947	24x50x135	--/	--/				--/	штамп
22	Бол. Сулабаш	952	12x33x150	--/	*				--/	--/
23	Тохтамыш	951	18x53x100	*	*				--/	--/
24	Наласа	948	22x50x120	*	*					--/
25	--/	948	23x50x110	*	*				надпись	--/
26	--/	943	14x50x90	*	*				--/	—
27	Убря	9**	12x45x130	*	килевидная				--/	штамп

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
28	--/	921	20x37x62	*	*					II
29	Хохлово	*	20x47x105	*	подтреугольная				надпись	
30	Тепюши	*	19x52x115	*	*				--/	--/
31	Пановка	951	20x55x150	простой рельефн.	килевидная	рельефная полоса	орнамент	виноградная лоза	--/	*
32	Ниж.Серда	952	24x53x130	*	*				--/	штамп
33	Ст.Шигали	957	*	*	стрельчатая				--/	
34	--/	950	*	*	*					
35	Тяпти-Метески	954	*	*	*					
36	Бакырчы	939	*	*	*					
37	Мемдель	947	25x52x205	*	*				надпись	штамп
38	Пановка	951	20x55x150	*	*					
39	Альдермыш	948	24x53x125	*	*			тюльпан	надпись	штамп
40	Чепуги	950	25x48x182	*	*				--/	--/
41	Куркачи	953	*	*	*				--/	
42	Рус.Урмаг	930	14x50x115	*	*				--/	
43	Ниж.Серда	948	24x48x110	простой рельефн.	килевидная	рельефная полоса	орнамент	виноградная лоза	--/	штамп
44	Ниж.Верески	95*	24x45x125	--/	--/	--/	--/		--/	--/
45	--/	944	19x47x1125	*	*				--/	
46	Тат.Мамагкозино	907	20x48x100	простой рельефн.	*	рельефная полоса			--/	--/
47	Тат.Ходяшево	957	30x49x145	--/	килевидная	--/	орнамент	цветочный мотив		
48	Чуваши	950	23x47x118	--/	--/		--/	тюльпан	надпись	
49	--/	949	30x50x162	--/	--/	рельефная полоса	--/	виноградная лоза		
50	Ниж.Метески	948	25x56x136	--/	--/	геометрический орнамент	--/	растительный орнамент		
51	--/	948	22x55x137	--/	*					
52	Кишметьево	949	22x46x68	--/	*	рельефная полоса		тюльпан	надпись	штамп
53	Ст.Менгеры	951	25x60x215	--/	килевидная		орнамент	орнамент		
54	Наласа	9*1	16x48x160	--/	--/	рельефная полоса	--/	виноградная лоза		
55	Нохраты	960	*	*	*					
56	--/	926	*	*	*					
57	--/	909	*	*	*					
58	Рус. Айша	95*	*	*	*				надпись	--
59	--/	934	*	*	*				--/	
60	Сред.Аты	950	18x47x135	*	*				--/	
61	--/	*	21x57x65	простой рельефн.	килевидная				--/	штамп
62	Мал.Кайбыцы	930	*	*	подтреугольная				--/	

Сводная таблица эпитафических памятников XVII – первой половины XVIII вв.

№ п/п	Местонахождение	Дата	Размеры (см)	Шрифт	Форма верхней части	Разделительная полоса	Заполнение верхней части	Бордюр	Боковая сторона	Оборотная сторона
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Тохтамыш	1103	20x42x110	простой рельефн.	прямоугольная	рельефн. полоса	зооморфный мотив	рельефн. полоса	–	
2	Ямашево	1110								
3	Шигали	1026	*	простой врезан.						
4	Нохрат	1114	20x48x100							
5	Туркино	1098								
6	Ниж.Ура		20x52x107							
7	--		19x46x110							
8	Арский р-н	1101	22x54x91	простой рельефн.	полукруглая	рельефн. полоса	орнамент			
9	Максабаш	1092	22x43x95	--	килевидная	--	--	растительный орнамент		
10	Чишма	1107	*x38x126			--				
11	--	1107	25x59x196							
12	Именькова	1088	15x49x112		полукруглая	рельефн. полоса	орнамент			
13	НМ РТ	1106		сульс рельефн.	килевидная	--	--			
14	Верх.Ошма	1104		--	подтреугольная	--	--	рельефн. полоса		
15	Ст. Кишит	1037								
16	Тобольск	1084								

Титулатура на болгарских эпитафических памятниках XIII–XIV вв.

№ п/п	Кладбища	Титулы																			
		Алти-ильчи	Хум	Хаджи	Ходжа	Йувари	Бек	Бу	Малик	Султан	Шах	Амир	Ага	Хагун	Инал	Челби	Шейх	Имам	Аш-шейх ал-кабир	Аш-шейх ал-имам муфти	
1	Болгарское	5	3	7	10	8	6	2	3	2	1	1	1	2	-	1	1	-	1	1	1
2	Т. Шапкинское	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Казанское	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Ямбухтинское	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	Чишминское	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Б. Тарханское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
7	Байрамгуловское	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Матвеевское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	Б. Агрянское	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Сух. Курналинское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Ст. Казеевское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Б. Шемякинское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Архангельское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Б. Ошняковское	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	Ст. Ашитское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	Урмандеевское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Кармалинское	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	Ромашкинское	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	Тат. Калмаюрское	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-
20	Билярское	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	Новодемкинское	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	Иске-Раджабское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	Ильдеряковское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	Изминское	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	Ошнякское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	Салтугановское	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Титулатура на татарских эпитафических памятниках XV – первой половины XVII вв.

Титулы Кладбища с надгробиями	Хан	Султан	Олан	Бек	Мирза	Ходжа	Ага	Бай	Челеби	Аталык	Шейх	Сейд	Хаджи	Устаз	Дервиш	Мулла	Хафиз	Муэдзин	Ишан	Суфи	Бика	Хатун	Ханша, Ханака	Туташ	Ханум
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
Иски-Казань	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+
Касимово	+	+	+	+	+					+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-
Нохрат	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Бакырчи	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Куркачи	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Чемерцы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Казань	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чувашли	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Ниж. Серда	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Наласа	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тат.Ходяшево	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Нурлаты	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Ниж. Верески	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Ниж.Метески	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мал. Меретяки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Узюм	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Молвино	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Васюково	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Акзигитово	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Служ.Ура	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чепчуги	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Бол. Менгеры	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Верх. Серда	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-

Приложение 3-3

Термины родства на эпитафических памятниках XV – первой половины XVII вв.

Термины родства Кладбища с надгробиями	Ибн	Углы	Хаяле	Гыяле	Кыз	Валида	Ючунь	Ана	Ага	Баба	Ага
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Б. Нырсы	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тат. Ходяшево	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Иске-Казан	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Урывкино	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Карино	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Узюм	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Епанчино	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Молвино	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Берсут-Сукачи	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ниж. Берески	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Ст. Менгеры	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-
Казань	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ниж. Метески	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Ср. Аты	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ямашурма	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чемерсы	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-
Пановка	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чувашли	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Хохлово	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Ниж. Серда	-	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-
Наласа	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Тат. Маматкозино	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кугушево	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мал. Кайбицы	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тат. Танаево	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Чирши	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Верх. Аты	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кодряково	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Акзигитово	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нурлаты	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Тябердино	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Убря	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Кишет	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
Тохтамыш	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Б. Сулабаш	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Масра	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Верх. Серда	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Бакырчы	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Карагужя	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Шигали	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Касимово	-	+	+	+	-	+	+	+	-	+	+
Тетюшский музей	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Мендель	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-

Приложение 3-4

Титулатура на татарских эпитафических памятниках
XVII – первой половины XVIII вв.

Титулы Кладбища	Суфи	Хафиз	Бай	Мирза	Ходжа	Ючунь	Ишан	Бек, Бикеч	Хаджи	Жефет	Тура	Остабия	Ага	Ата, Баба
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Ниж. Ура	+	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-
Таш. Ковали	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кодряково	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ст. Узюм	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Максабаш	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В. Тирма	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Чишма	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Б.Нырсы	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Арск	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
Качелино	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Тураево	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Чита	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Приложение 3-5

Этнонимы на татарских эпитафических памятниках XVII–XVIII вв.

Этноним Кладбище	Кодряк	Истяк	Ашит	Нократ	Табай	Нуркай
1	2	3	4	5	6	7
Кодряково	+	+	-	-	-	-
Нократ	-	-	+	+	-	-
Верх.Ошма	-	-	-	+	-	-
Урмары	-	-	-	-	+	-
Ковали	-	-	-	-	+	-
Чишма	-	-	-	-	-	+

Приложение 3-6

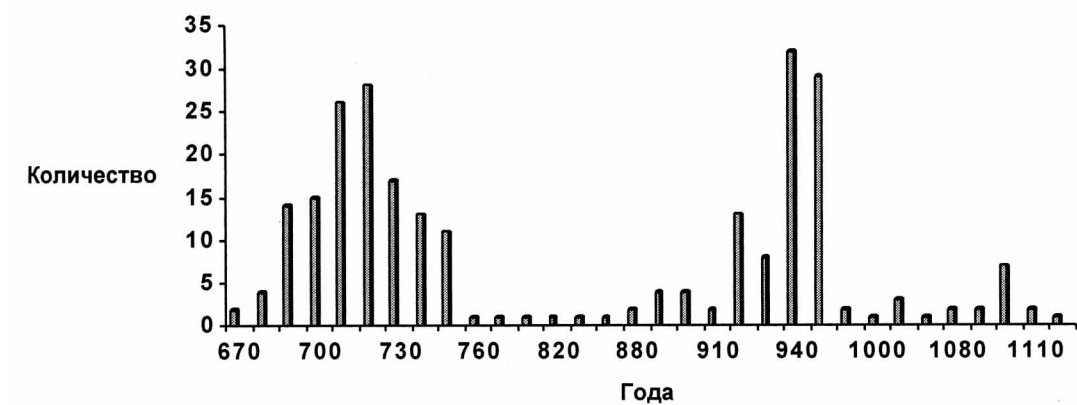
Титулатура на татарских эпитафических памятниках
второй половины XVIII – начала XX вв.

Титулы Кладбища	Суфи	Хафиз	Бай	Мирза	Ходжа	Йучунь
1	2	3	4	5	6	7
Ниж. Ура	+	+	-	+	-	-
Таш. Ковали	-	-	+	-	-	-
Кодряково	-	-	-	+	-	-
Ст. Узюм	-	-	-	-	+	+
Максабаш	-	-	-	+	-	-
В. Тирма	-	-	-	-	-	-
Чишма	-	-	-	+	-	-
Б.Нырсы	+	-	-	-	-	-
Чита	-	-	-	-	+	-
Арск	-	-	-	+	-	-
Качелино	-	-	-	-	+	-
Тураево	-	-	+	-	-	-

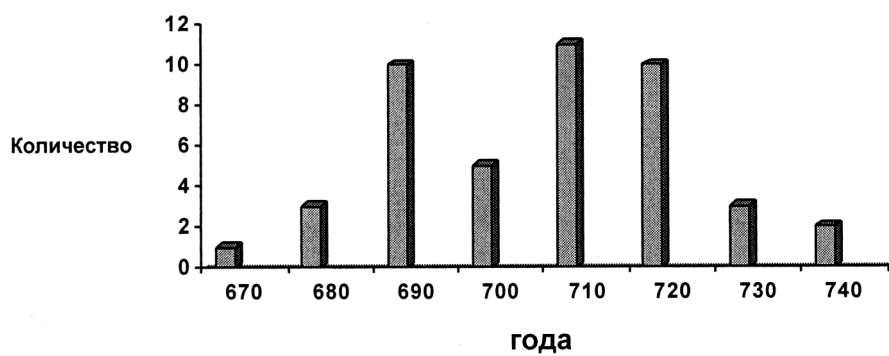
Позиционная расстановка структурных компонентов текста болгаро-татарских эпитафических памятников XIII – начала XX вв.

наименование структурных компонентов	период	2 половина XIII в.				1 половина XIV в.				2 половина XIII – 1 половина XIV вв.						2 пол. XIV в.	XIV – 1 половина XVII вв.												
	округ	Болгарский								Кирменско-Джукетауский			Восточный				Северный	Казанский						Северный	Касимовский				
	группа тип	1		2		1		2		1		2		1			2		3		2	1	2	3	4	5	6	1	2
		1	2	1	2	1	2	3	1	2	3	4	1	2	1		2	3	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	
Кораническая формула	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		
Вводная часть, эпитеты	3				3	2	3									3										3	3		
Основная часть – имена, титулы, термины родства	3		2	2	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	2									
Слова, связанные с обрядом захоронения	2		3	3	2	3	2	3	3	3	3		3	3	3	3	2	3	3	3	3								
Благожелательная формула	4		4	4	4	4	4	4	4	4	4		4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4		
Слова, обозначающие понятие смерти	5		5	5	5	5	5	5	5	5	5		5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5		
Дата	6		6	6	6	6	6	6	6	6	6		6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6		
Благочестивое изречение	7		7		7			7					7			7	7												

наименование структурных компонентов	период	2 пол. XVII – 1 пол. XVIII вв.		2 пол. XVIII в.	XIX – первая треть XX вв.		
	тип	1	2	3	4	5	6
Кораническая формула		1			1	1	1
Основная часть имени, титулы, термины родства		3	2	2	3	3	2
Слова, связанные с обрядом захоронения		5	3			2	
Благожелательная формула		6			5		
Слова, обозначающие понятие смерти		4			4	5	3
Дата		2	1	1	3	4	4
Благочестивое изречение		7				6	

Гистограмма 1. Хронология эпитафий XIII – первой половины XVIII вв. по десятилетиям Хиджры

Гистограмма 2. Хронология эпитафий Болгара по десятилетиям Хиджры

**Таблица для перевода дат мусульманского летоисчисления
на европейское (по юлианскому календарю)**

Г.Х.	Г.Н.Э.	Г.Х.	Г.Н.Э.	Г.Х.	Г.Н.Э.	Г.Х.	Г.Н.Э.	Г.Х.	Г.Н.Э.
		661	15.11.1262	708	21.06.1308	755	26.01.1354	802	03.09.1399
		662	04.11.1263	709	11.06.1309	756	16.01.1355	803	22.08.1400
		663	24.10.1264	710	31.05.1310	757	05.01.1356	804	11.08.1401
		664	13.10.1265	711	20.05.1311	758	25.12.1356	805	01.08.1402
		665	02.10.1266	712	09.05.1312	759	14.12.1357	806	21.07.1403
		666	22.09.1267	713	28.04.1313	760	03.12.1358	807	10.07.1404
		667	10.09.1268	714	17.04.1314	761	23.11.1359	808	29.06.1405
		668	31.08.1269	715	07.04.1315	762	11.11.1360	809	18.06.1406
		669	20.08.1270	716	26.03.1316	763	31.10.1361	810	08.06.1407
		670	09.08.1271	717	16.03.1317	764	21.10.1362	811	27.05.1408
		671	29.07.1272	718	05.03.1318	765	10.10.1363	812	16.05.1409
		672	18.07.1273	719	22.02.1319	766	28.09.1364	813	06.05.1410
		673	07.07.1274	720	12.02.1320	767	18.09.1365	814	25.04.1411
		674	27.06.1275	721	31.01.1321	768	07.09.1366	815	13.04.1412
		675	15.06.1276	722	20.01.1322	769	28.08.1367	816	03.04.1413
		676	04.06.1277	723	10.01.1323	770	16.08.1368	817	23.03.1414
		677	25.05.1278	724	30.12.1323	771	05.08.1369	818	13.03.1415
		678	14.05.1279	725	18.12.1324	772	26.07.1370	819	01.03.1416
		679	03.05.1280	726	08.12.1325	773	15.07.1371	820	18.02.1417
		680	22.04.1281	727	27.11.1326	774	03.07.1372	821	08.02.1418
		681	11.04.1282	728	17.11.1327	775	23.06.1373	822	28.01.1419
		682	01.04.1283	729	05.11.1328	776	12.06.1374	823	17.01.1420
		683	20.03.1284	730	25.10.1329	777	02.06.1375	824	06.01.1421
		684	09.03.1285	731	15.10.1330	778	21.05.1376	825	26.12.1421
		685	27.02.1286	732	04.10.1331	779	10.05.1377		
		686	16.02.1287	733	22.09.1332	780	30.04.1378		
		687	06.02.1288	734	12.09.1333	781	19.04.1379		
		688	25.01.1289	735	01.09.1334	782	07.04.1380		
642	09.06.1244	689	14.01.1290	736	21.08.1335	783	28.03.1381		
643	29.05.1245	690	04.01.1291	737	10.08.1336	784	17.03.1382		
644	19.05.1246	691	24.12.1291	738	30.07.1337	785	06.03.1383		
645	08.05.1247	692	12.12.1292	739	20.07.1338	786	24.02.1384		
646	26.04.1248	693	02.12.1293	740	09.07.1339	787	12.02.1385		
647	16.04.1249	694	21.11.1294	741	27.06.1340	788	02.02.1386		
648	05.04.1250	695	10.11.1295	742	17.06.1341	789	22.01.1387		
649	26.03.1251	696	30.10.1296	743	06.06.1342	790	11.01.1388		
650	14.03.1252	697	19.10.1297	744	26.05.1343	791	31.12.1388		
651	03.03.1253	698	09.10.1298	745	15.05.1344	792	20.12.1389		
652	21.02.1254	699	28.09.1299	746	04.05.1345	793	09.12.1390		
653	10.02.1255	700	16.09.1300	747	24.04.1346	794	29.11.1391		
654	30.01.1256	701	06.09.1301	748	13.04.1347	795	17.11.1392		
655	19.01.1257	702	26.08.1302	749	01.04.1348	796	06.11.1393		
656	08.01.1258	703	15.08.1303	750	22.03.1349	797	27.10.1394		
657	29.12.1258	704	04.08.1304	751	11.03.1350	798	16.10.1395		
658	18.12.1259	705	24.07.1305	752	28.02.1351	799	05.10.1396		
659	06.12.1260	706	13.07.1306	753	18.02.1352	800	24.09.1397		
660	26.11.1261	707	03.07.1307	754	06.02.1353	801	13.09.1398		

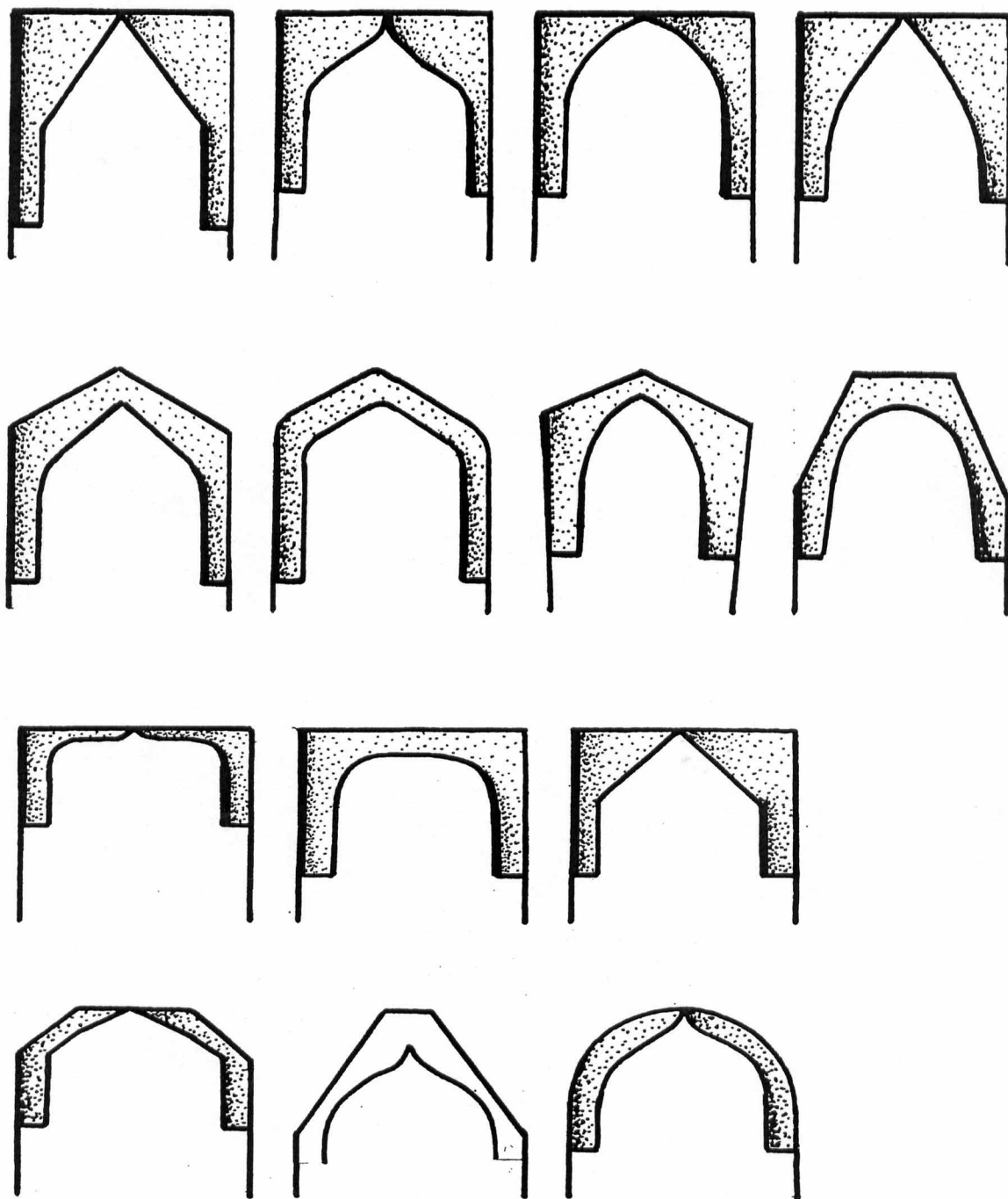

Рис. 1. Форма верхней части и форма арки болгарских памятников

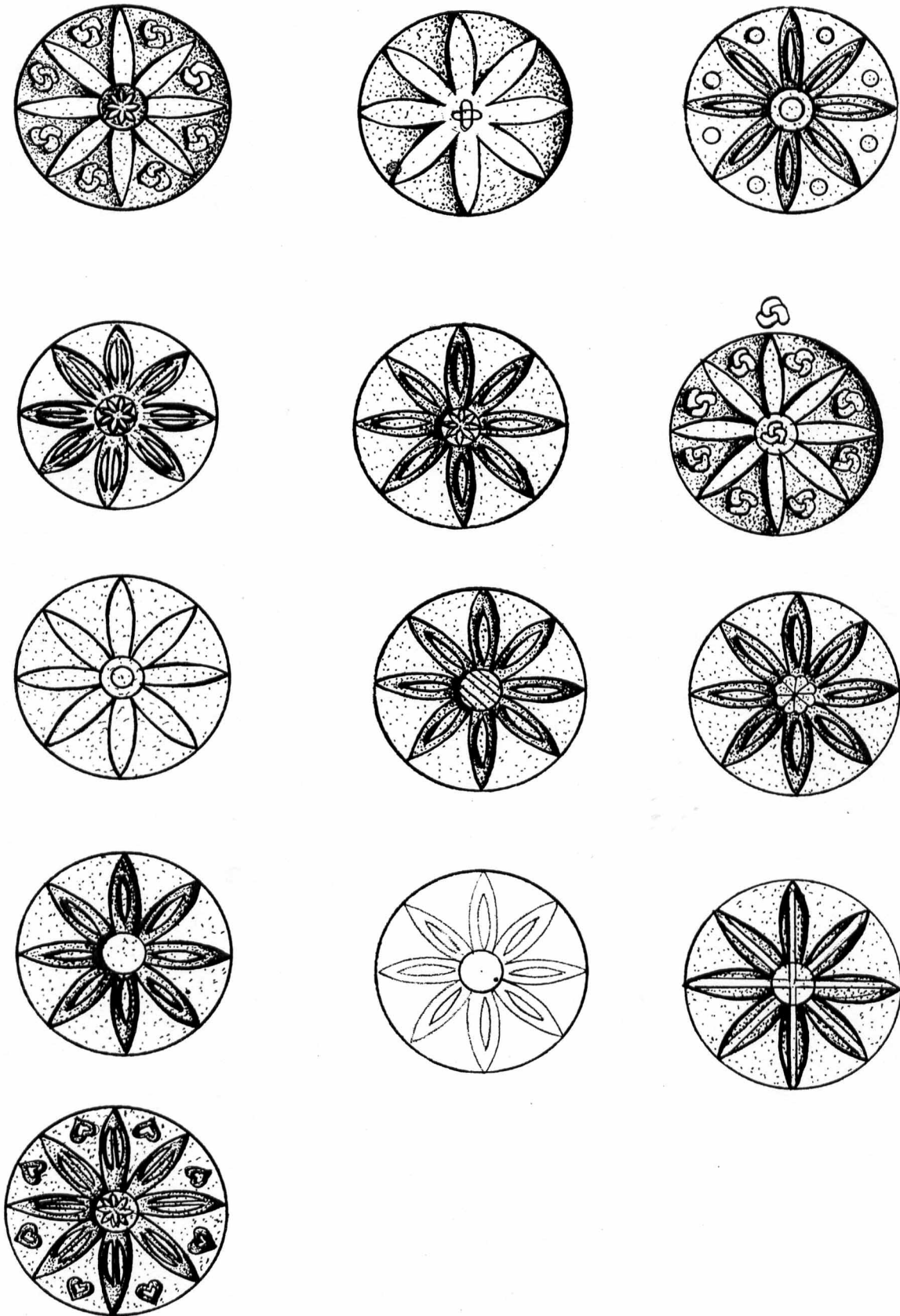

Рис. 2. Мотив розетки на болгарских эпитафических памятниках. Болгарский округ

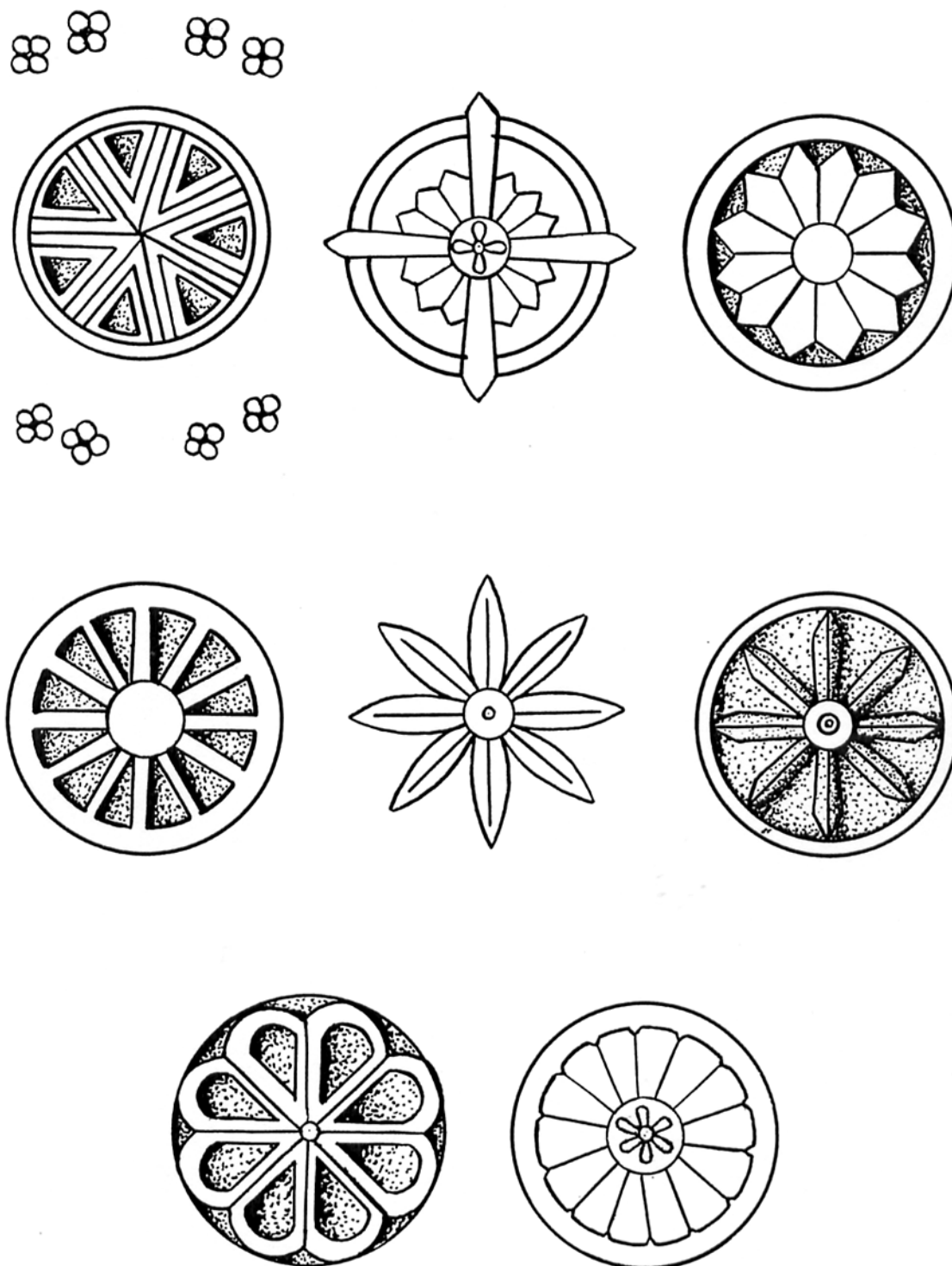

Рис. 3. Мотив розетки. Кирменско-Джукетауский округ

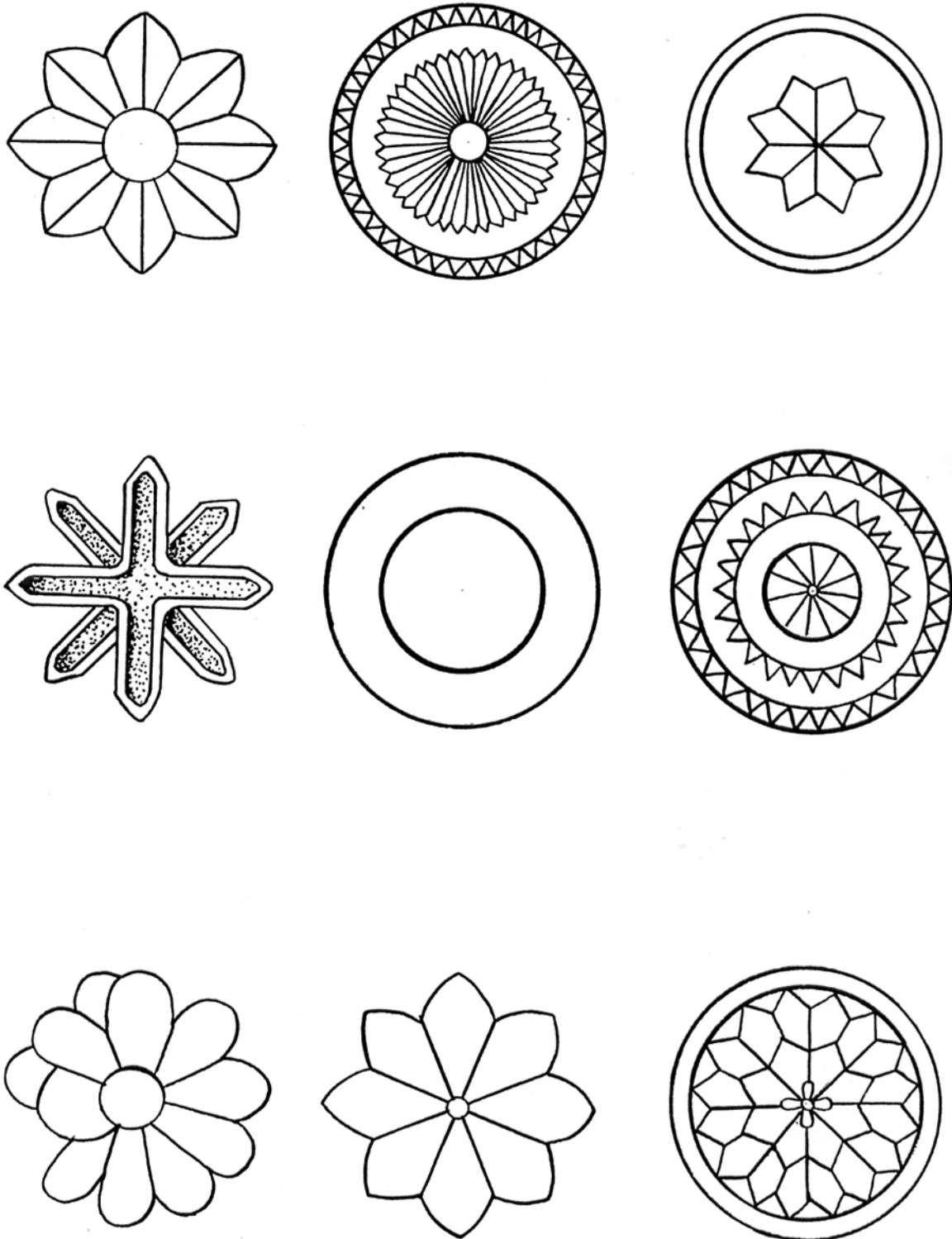

Рис. 3. Продолжение

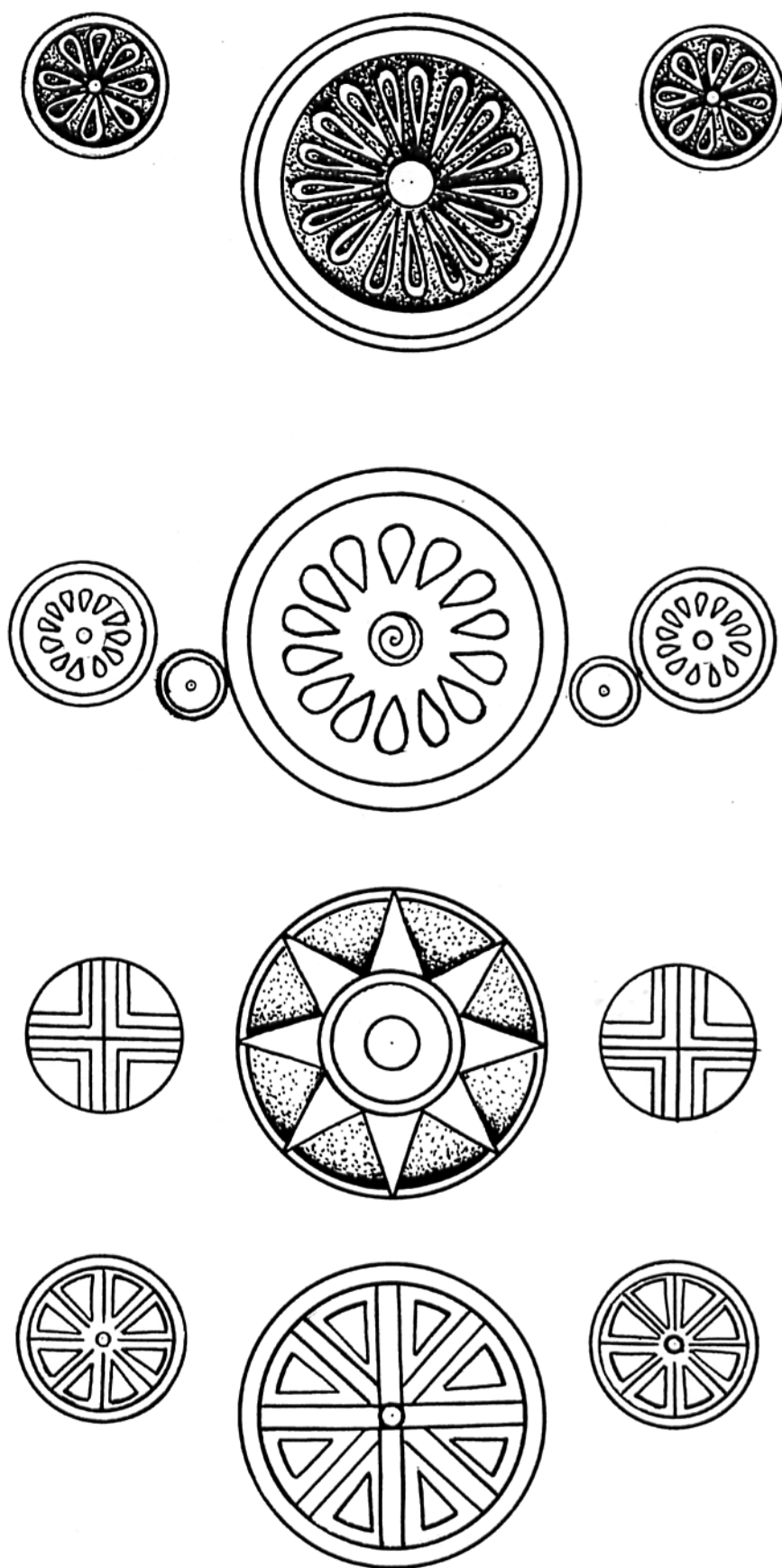

Рис. 4. Трехчастная композиция. Кирменско-Джукетауский округ

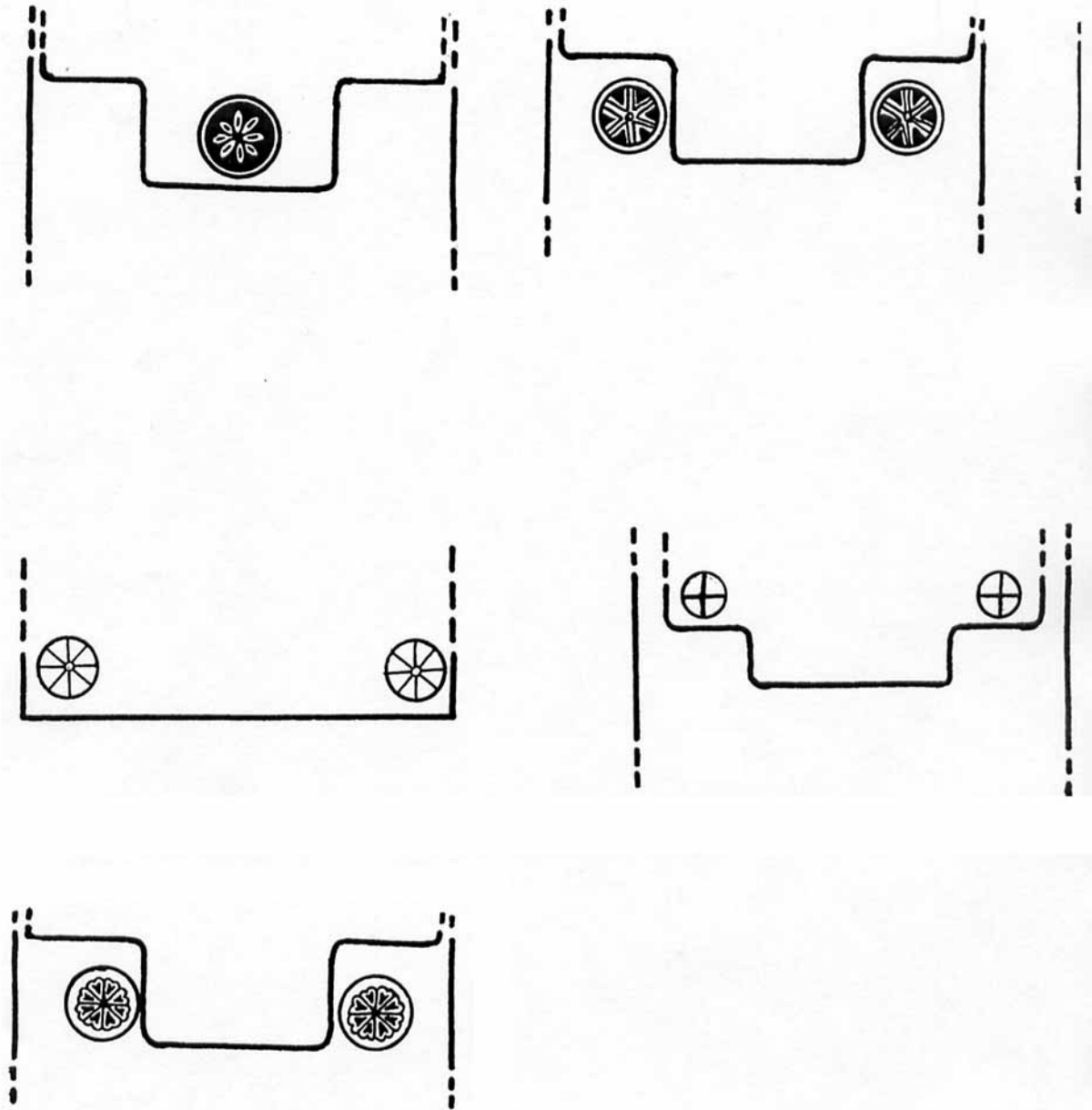

Рис. 5. Орнаментация нижней части болгарских эпитафий

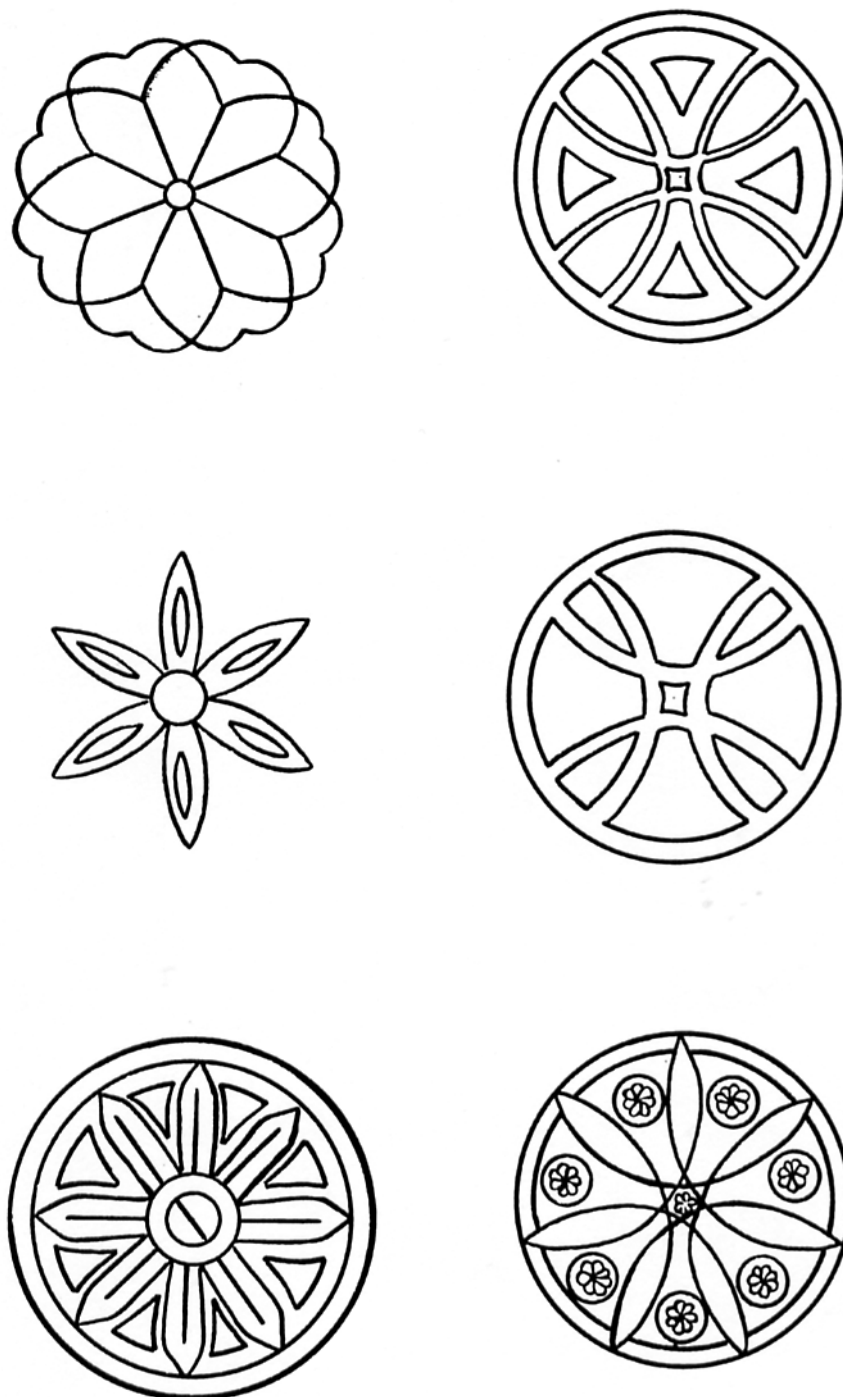

Рис. 6. Орнаментация оборотной стороны эпитафических памятников XIII–XIV вв. Болгарский округ

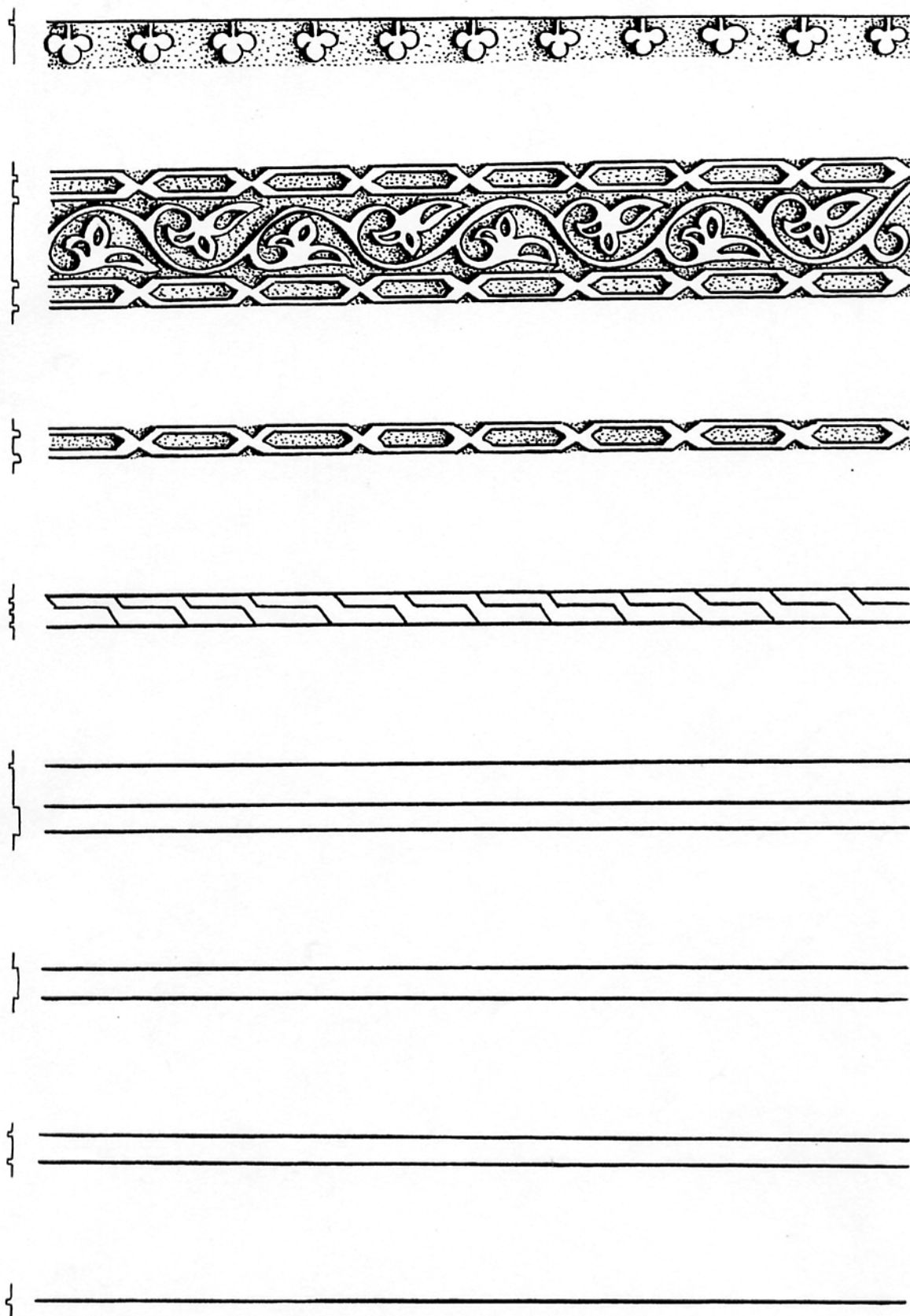

Рис. 7. Орнаментация бордюра болгарских эпитафий. Болгарский округ

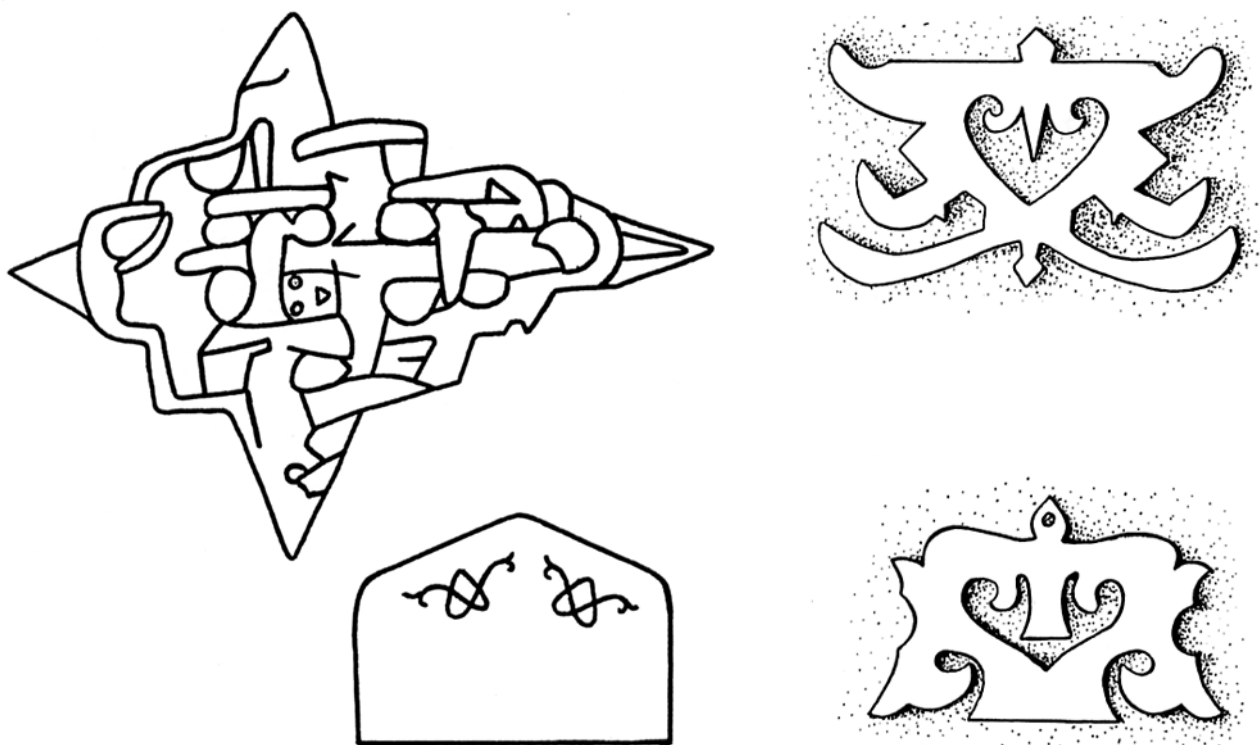

Рис. 8. Орнаментальные мотивы на болгарских эпитафических памятниках

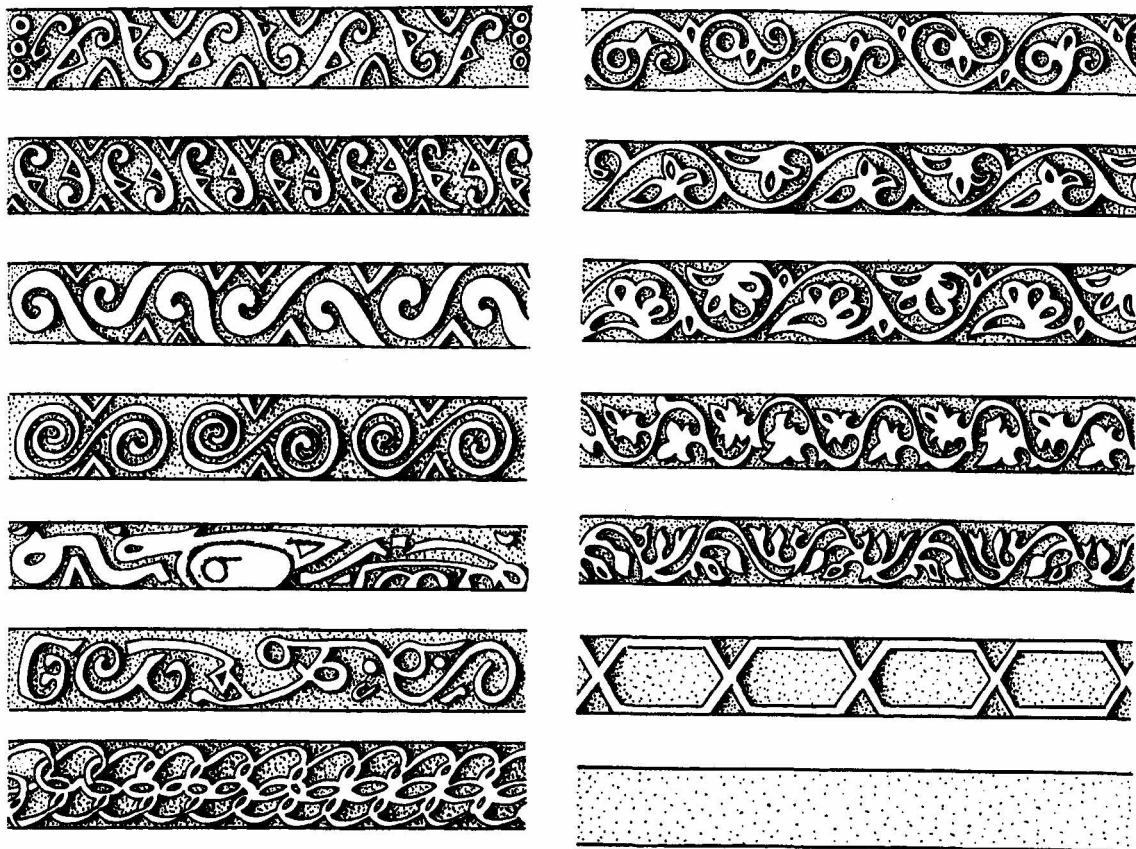

Рис. 9. Орнаментальная полоса между основным текстом и тимпаном на болгарских памятниках

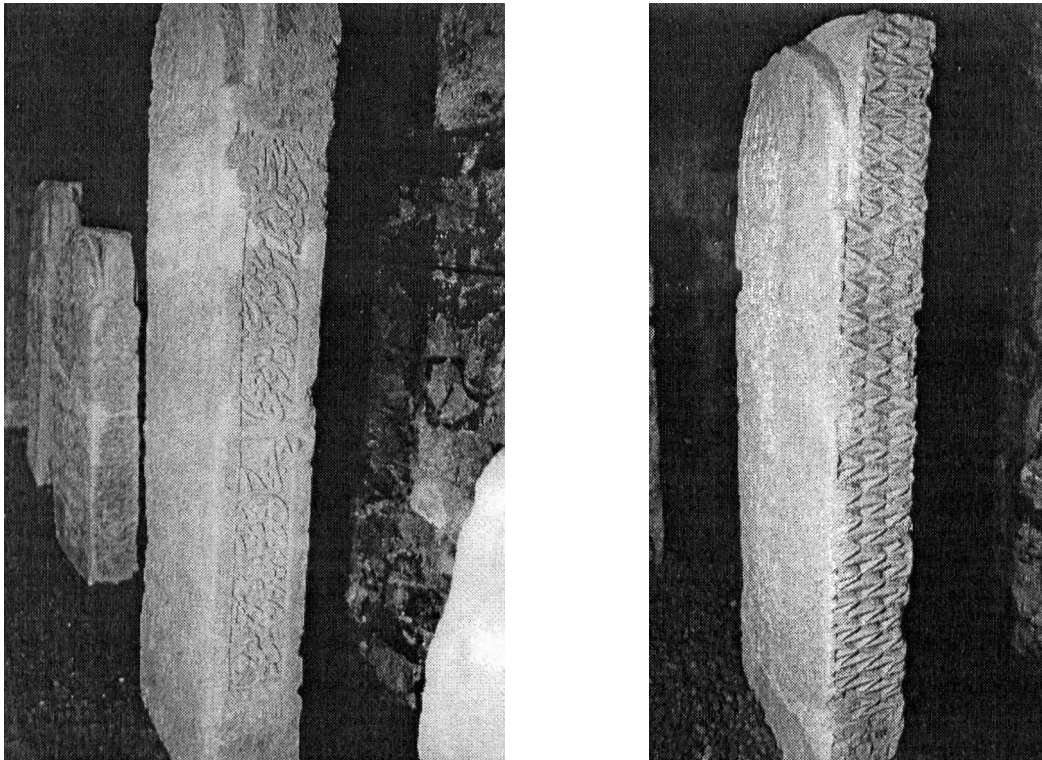

Рис. 10. Орнаментация боковых частей болгарских памятников

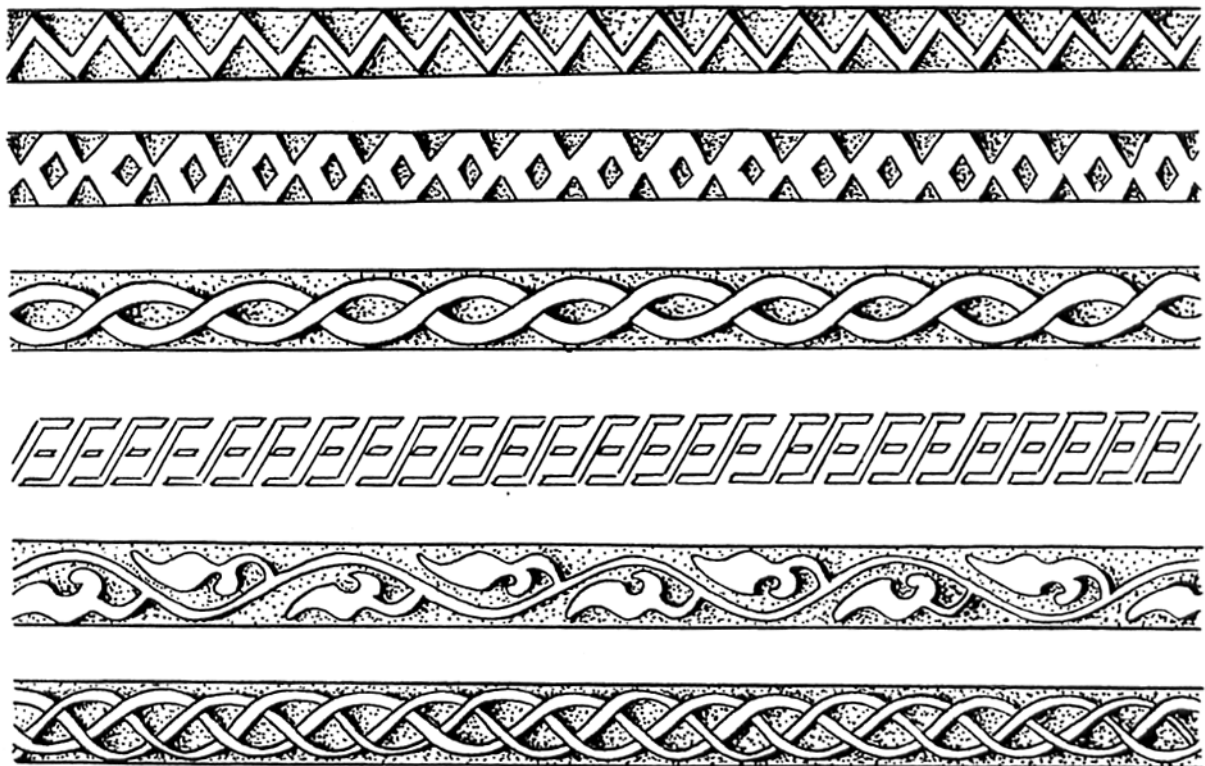

Рис. 11. Бордюрный орнамент памятников XV в.

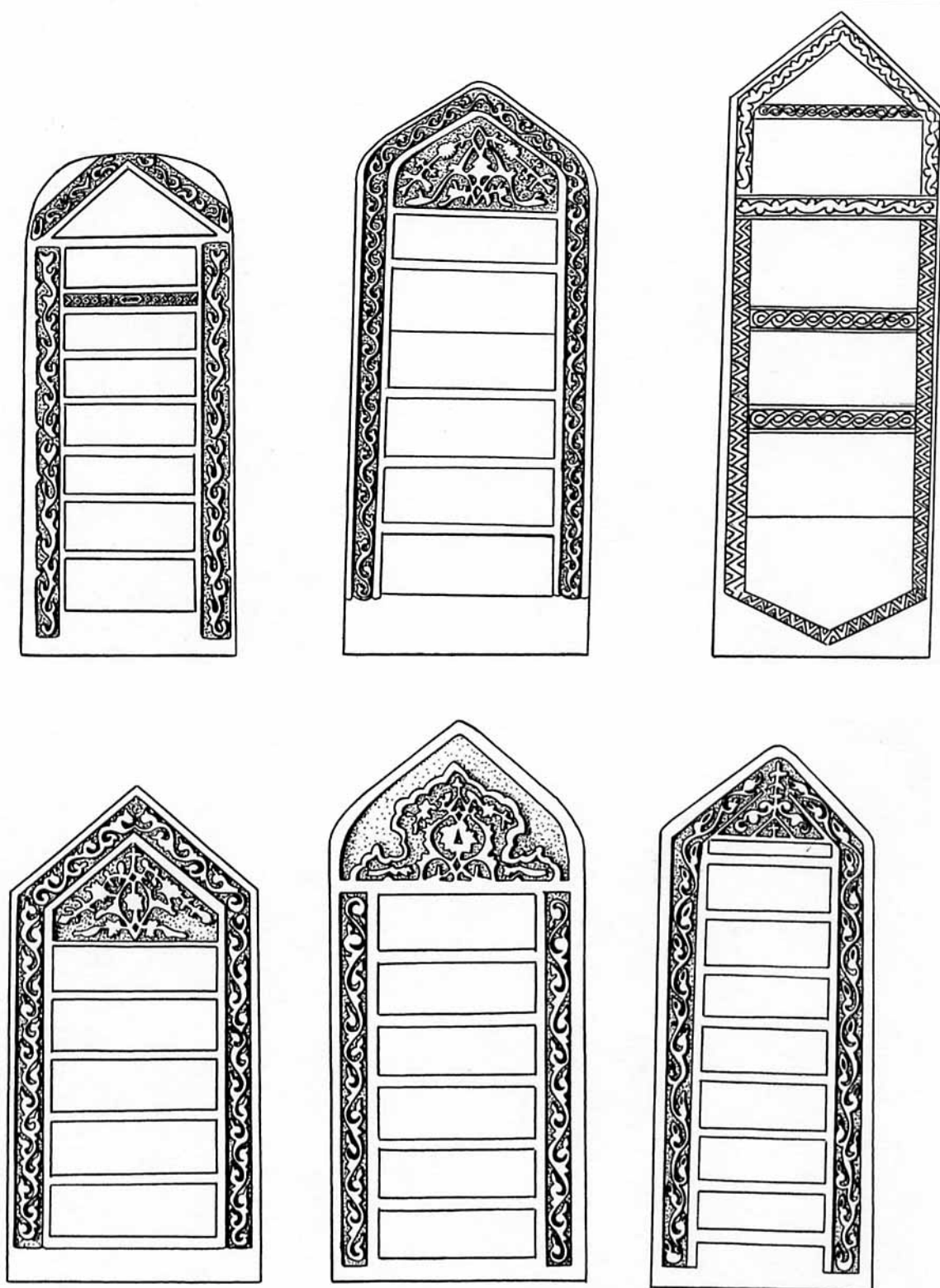

Рис. 12. Оформление эпитафических памятников I половины XVI в.

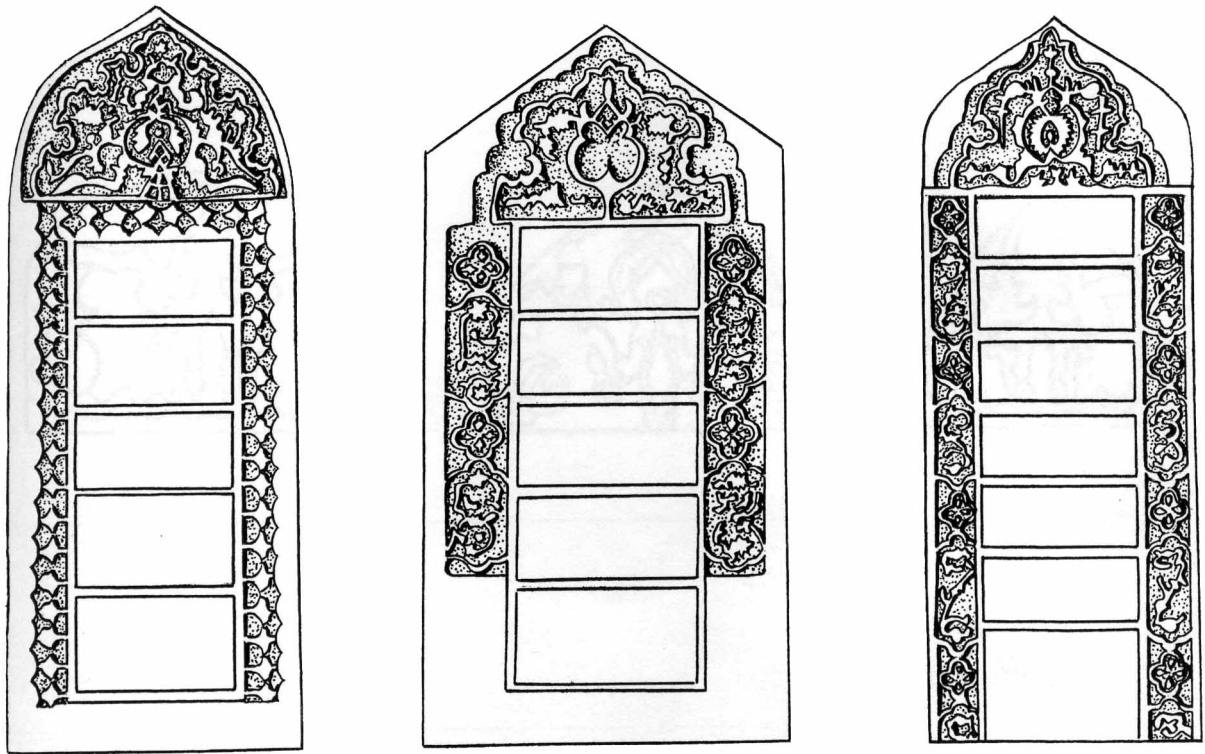

Рис. 12. Продолжение

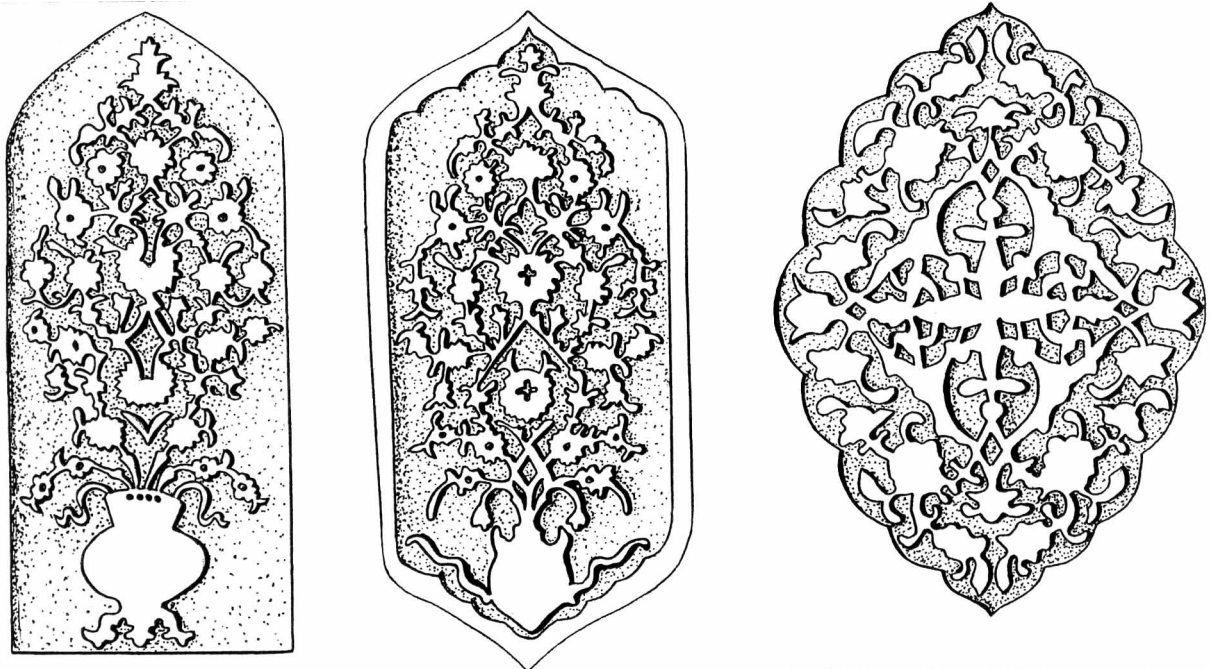
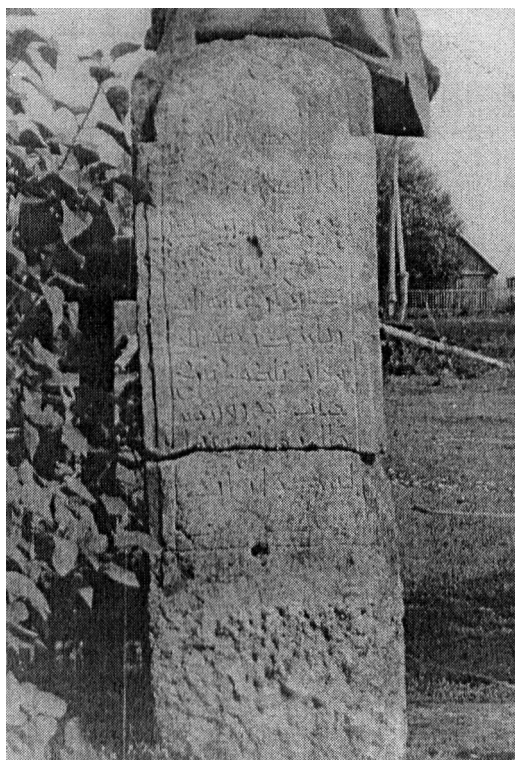
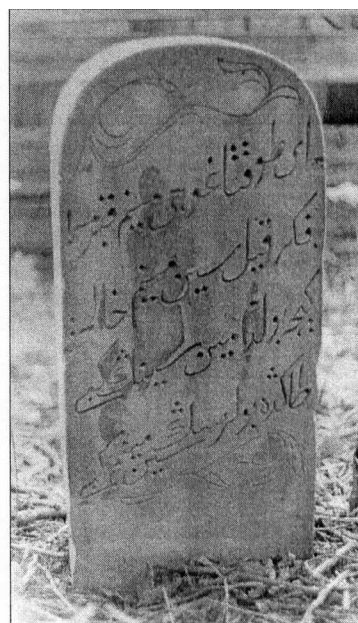
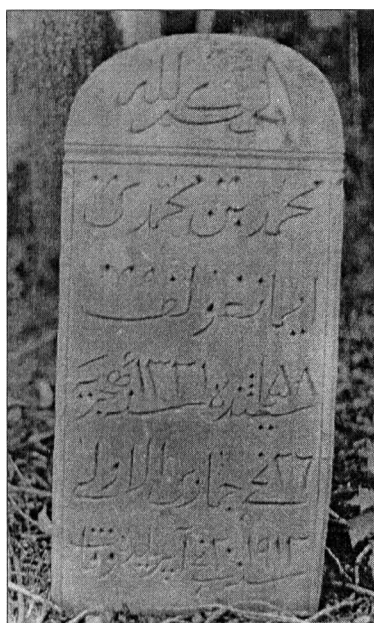

Рис. 13. Оформление оборотной стороны эпитафических памятников Казанского ханства

Болгарский округ. Вторая группа. 1-ый тип

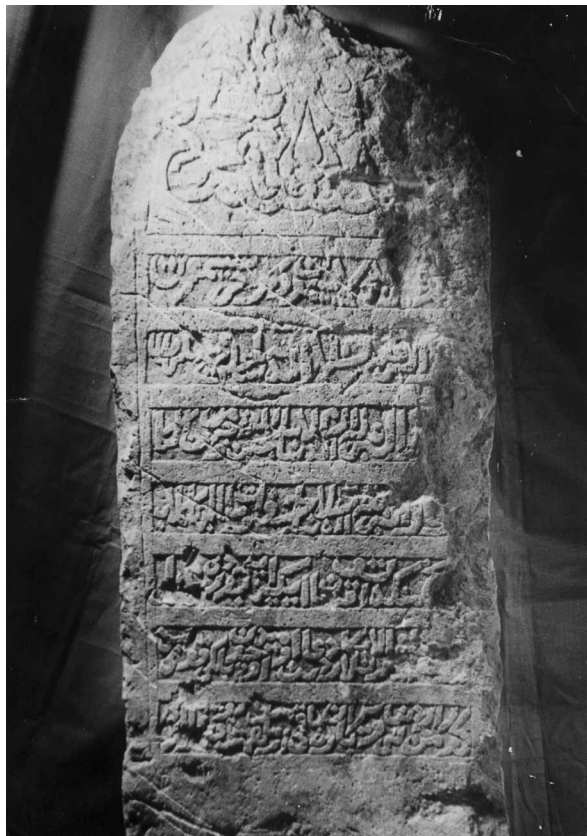
Эпиграфические памятники XIX в.

Болгар. Северный мавзолей. Выставка эпитафических памятников

Болгар. Мавзолей Бурашбеков. Современный вид

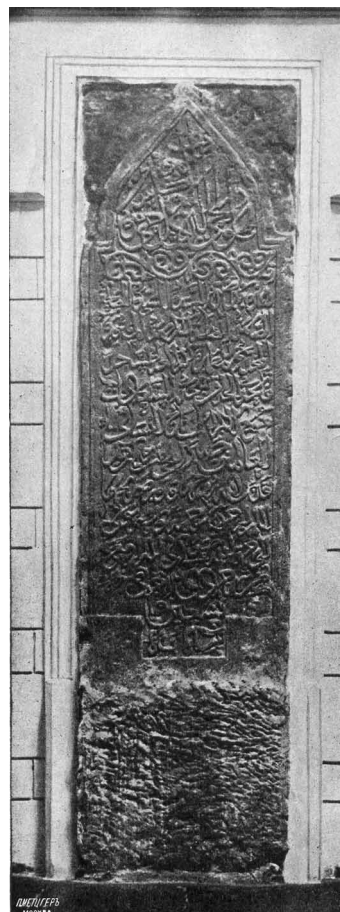
Эпитафия второй пол. XVII в.
Сляково. Агрызский район РТ

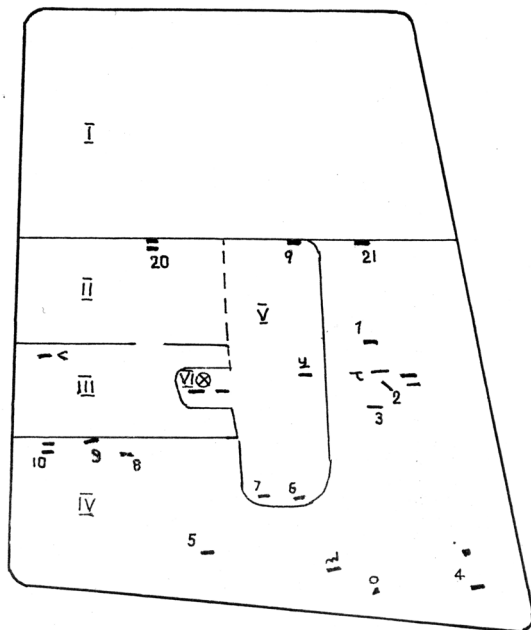
Эпитафия периода
Казанского ханства. Боковая сторона

Эпитафия 1898 г. Ульяновская область

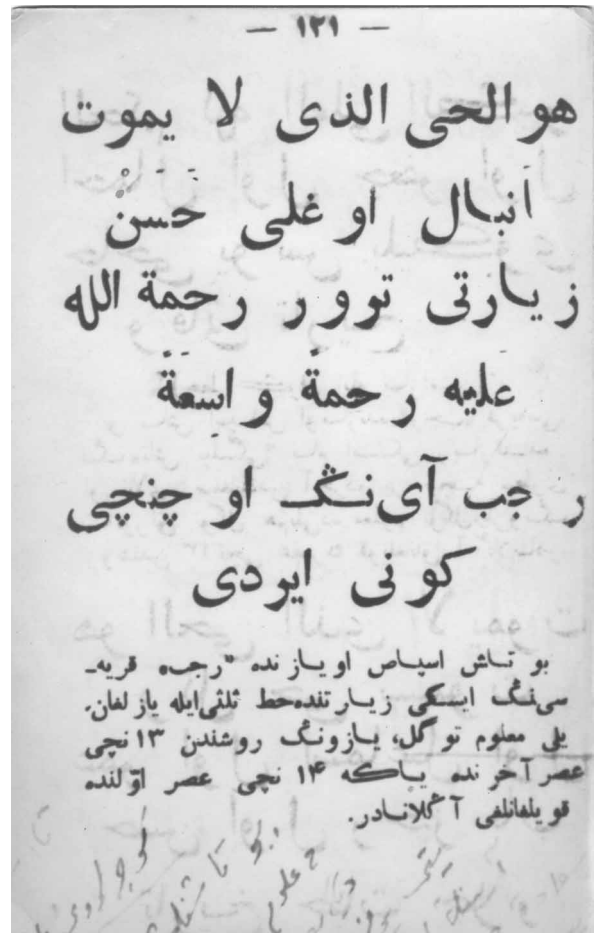

Болгар. Эпитафия Сабар-ильчи. 1287 г.

- I-VI - поля разного уровня
- 1-21 - сохранившиеся памятники
- ▲ - основания и фрагменты эпитафий
- ⊗ - скопление фрагментов эпитафий

План Большеатрясского клабища.
План снят в 1981 г. Масштаб в 1 см 10 м

Эпитафия из с. Иски-Рязап
Спасского района РТ. Из книги Г.Ахмарова

Н.Ф.Калинин, А.Б.Булатов, Деляхин (директор Тетюшского музея)
у одного из камней Большеатрясского клабища. 5 августа 1949 г.

Касимов. Мавзолей Шах-Али

Касимов. Минарет

SUMMARY

The monograph of Muhammetshin's D.G. "Tatar epigraphical monuments. Regional features and ethnocultural variants" is devoted to study of original monuments of a cultural heritage of the Tatar people of the XIII – first third of XX centuries – Arab epigraphical monuments. The appearance of tradition of an establishment of the tombstones in the Middle Volga region is related with social-political and ethnocultural changes that happened in the Middle of XIII century in the Middle Volga region. Former Bulgaria of the Volga and other settled regions like Khorezm, the Crimea and Deshti Kipchak were part of anew formed empire the Golden Horde. First town Bulgaria changed into chief capital of the Golden Horde. Migration of a great deal of a Turkic tribes, official adoption of Islam by Khan Berke, further consolidation of connection with Khorezm were catalyst in the beginning of tradition of establishment of the tombstones. Originality, shape, design, language of monuments allow to speak about several roots of advent tradition. We can feel genetic connection between orkhono-yenisey inscriptions and Tatar epitaphs.

The names of gravestones in the shape of kabr, ziyarat, baluk, lauha, bitik, galyamat on epigraphical monuments reflect a different tradition's root of Tatar tomb monuments like a Turkic, Moslem and pagan. Ethnocultural features of regions are brought by professional carvers and penmen without breaking traditions. These features are more brightly shown in peripheral areas, leveled in Bulgaria and other large cities.

During some periods of a social and economic and political life of the Gold Horde in XIII–XIV centuries and the Tatar society of XV–XX centuries there was a unified style of epigraphical monuments in all territory of distribution of the tombstones, described a unified type of the script, structure of the text and figuration. Undoubtedly stylish headstones are work of professionals. Architectural ways which are mutual for monuments of Bulgarian architecture and epigraphical monuments, calligraphy and Koranical poetry show that epigraphical monuments are component of Tatar town culture.

The study of the text of terse epigraphy shows a great role of the Koran and Arabic language in ideological life of Tatar society. Calligraphy in combination with ornamental pattern in the form of arch, hangers and other different elements of setting attained artistic perfection. Some epigraphic monuments may be valued as high work of a noble Islamic art that is so typical of Moslem East.

Epigraphical monuments give a substantial material in title, social ethnic term in the XIII–XVIII centuries. They also are a source in study an important problems like appearance a big historical centers, rising the Tatar auls and as well as migration and settling of Tatar nation. The materials of epigraphy show several movements of population that happened during the XIV – first half of the XVIII centuries.

In the XVII–XVIII centuries we can observe composition of design of epitaph of certain types in some regions. And this phenomenon continues also in the XIX century. Variety of different types in the XIX – first third of the XX centuries happened because of wide public of dilettantish (unprofessional) penmen and wood carvers. In the work of masters of the Kazan Territory we can see maintenance of single standard of stone engraving: shape, figuration, calligraphy, structure of text and so on. Originated during the XIX – first third of the XX centuries the unified style was broken with beginning of October revolution and setting of atheistic ideology. In eightieth of XX century in post-soviet society we can see revival of abortive tradition of carved epigraphical stones.

CONTENTS

INTRODUCTION	3
Chapter I. HISTORIOGRAPHY OF A QUESTION AND HISTORY OF ACCUMULATION OF SOURCES	5
Initiation of tradition	17
Chapter II. TYPOLOGY AND REGIONAL FEATURES OF BULGARIAN EPITAPHS OF XIII – FIRST HALF XIV CENTURIES	20
The Bolgar district	24
The Kirmensk-Dzhuketau district	33
East district	36
Northern district	37
Monuments of second half XIV century	38
Sociohistorical terminology on epitaphs of Bulgarian ulus of XIII–XIV centuries	40
Chapter III. DEVELOPMENT OF TATAR EPIGRAPHY IN XV – FIRST HALF XVII CENTURIES AND ITS REGIONAL FEATURES	45
The Kazan region	47
The Kasimov region	51
Northern (Karinsky) region	52
Sociohistorical terminology on monuments of XV – first half XVII centuries	54
Chapter IV. TYPOLOGY OF EPIGRAPHICAL MONUMENTS OF SECOND HALF XVII – FIRST QUARTER XX CENTURIES	57
CONCLUSION	64
LIST OF THE USED SOURCES AND LITERATURES	66
LIST OF ABBREVIATIONS	74
APPENDICES	75
SUMMARY	129

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ИСТОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ	5
Возникновение традиции	17
Глава II. ТИПОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БУЛГАРСКИХ ЭПИТАФИЙ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV вв.	20
Болгарский округ	24
Кирменско-Джукетауский округ	33
Восточный округ	36
Северный округ	37
Памятники второй половины XIV в.	38
Социально-историческая терминология на эпитафиях Булгарского улуса XIII–XIV вв.	40
Глава III. РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII вв. И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	45
Казанский регион	47
Касимовский регион	51
Северный (Каринский) регион	52
Социально-историческая терминология на памятниках XV – первой половины XVII вв.	54
Глава IV. ТИПОЛОГИЯ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	66
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	74
ПРИЛОЖЕНИЯ	75
Карты	75
Приложение 1-1. Пункты распространения болгарских эпитафических памятников XIII–XIV вв.	79
Приложение 1-2. Пункты распространения татарских эпитафических памятников XV в.	81
Приложение 1-2. Продолжение. Пункты распространения татарских эпитафических памятников XVI – первой пол. XVII вв.	81
Приложение 1-3. Пункты распространения татарских эпитафических памятников второй половины XVII – XVIII вв.	83
Приложение 1-4. Список зарегистрированных эпитафических памятников XIX – начала XX вв.	84
Приложение 2-1. Сводная таблица эпитафических памятников с Болгарского городища	85
Приложение 2-2. Эпитафические памятники XIII–XIV вв. Закамье	92
Приложение 2-3. Эпитафические памятники XIII–XIV вв. Заказанье	97
Приложение 2-4. Эпитафические памятники XIII–XIV вв. Предволжье	98
Приложение 2-5. Эпитафические памятники XV в.	100
Приложение 2-6. Сводная таблица эпитафических памятников первой половины XVI в.	101
Приложение 2-7. Сводная таблица эпитафических памятников XVII – первой половины XVIII вв.	104

Приложение 3-1. Титулатура на болгарских эпитафических памятниках XIII–XIV вв.	105
Приложение 3-2. Титулатура на татарских эпитафических памятниках XV – первой половины XVII вв.	106
Приложение 3-3. Термины родства на эпитафических памятниках XV – первой половины XVII вв.	107
Приложение 3-4. Титулатура на татарских эпитафических памятниках XVII – первой половины XVIII вв.	108
Приложение 3-5. Этнонимы на татарских эпитафических памятниках XVII–XVIII вв.	108
Приложение 3-6. Титулатура на татарских эпитафических памятниках второй половины XVIII – начала XX вв.	108
Приложение 4. Позиционная расстановка структурных компонентов текста болгаро-татарских эпитафических памятников XIII – начала XX вв.	109
Гистограммы	110
Рисунки	112
SUMMARY	129
CONTENTS	130

Джамиль Габдрахимович Мухаметшин

**Татарские эпитафические памятники.
Региональные особенности и этнокультурные варианты**

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 29.04.2008 г.

Усл.п.л. 16,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел.: (843) 292-95-68, 292-18-09

Болгар. Реставрация эпитафии

Татарский Калмаюр. Эпитафия 1358 г.

Татарский Калмаюр. Эпитафия XIV в.

Татарский Калмаюр. Эпитафия XIV в.
Оборотная сторона

Эпитафия II пол. XVIII в. Гулюково.
Мензелинский район РТ

Эпитафия 1736 г. Чувашия

Эпитафия 1847 г.
Актюбинская область. Казахстан

Эпитафия конца XIX в.
Актюбинская область. Казахстан

Эпитафия 1863 г. Нуркеево.
Сармановский район РТ

Эпитафия 1919 г. Иркутск

Эпитафия 1926 г. Иркутск

Эпитафия начала XX в. Иркутск

Эпитафия 1917 г. Спасский район РТ

Эпитафия 1910 г. Средние Шуни.
Кировская область

Староромашкинское кладбище